

Sprache und kultur

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
XV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Sprache und kultur **Language and culture**
Sprache und kultur

Language and culture
Langue et culture

Language and culture

Language and culture

Sprache und kultur

Language and culture **Langue et culture**

Sprache und kultur *Langue et culture*

Langue et culture

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник научных статей XV Международной
научно-методической конференции**

Разделы IV–VI

**Томский государственный университет
2001**

УДК 410/378.147

ББК 81.1

Я41

Я 41 Язык и культура: Сборник научных статей XV международной научно-методической конференции / Под общей ред. С.К. Гураль. Томск: Томский государственный университет, 2001. Разд. IV–IV. 150 с.

ISBN 5-94621-028-9

Настоящий сборник составлен на основе докладов участников XV международной конференции «Язык и культура», проходившей в Томском государственном университете 15–17 мая 2000 г.

Представленные в издании материалы посвящены актуальным проблемам теоретической и прикладной лингвистики, важным вопросам языкового образования и духовного совершенствования личности.

Рассматриваются новые модели и подходы, направленные на развитие межкультурной коммуникации, а также на внедрение новых технологий в исследовательской и педагогической работе в контексте междисциплинарной области знаний.

Материалы сборника могут быть использованы преподавателями в различных лекционных курсах и на практических занятиях в аспирантских и студенческих группах, а также учителями школ, лицеев, гимназий и колледжей.

Редакционная коллегия:

Богословская З.М., канд. филол. наук, доцент

Леушина Л.Т., канд. филол. наук, доцент

IV. СТРУКТУРНО-СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТЫ

Н.Б. Лебедева

Барнаульский государственный педагогический университет

Принципы «новой семасиологии» и ситуативно-событийно-пропозициональный способ описания глагольной семантики

Некогда заявленное разграничение поверхностного и глубинного уровней значения имело, как известно, большие последствия. Развитие семасиологии пошло по пути исследования все более глубоких слоев семантики и все большего включения тех смыслов, которые традиционно считались «не-лингвистикой». Описание денотата во всех его взаимосвязях и номинативной и коммуникативной размытости является одним из проявлений лингвистического экспансионизма. Л. Витгенштейн был одним из тех, кто показал, что точность и определенность языка не являются идеалом, поскольку для описания действительности требуется именно неточность. Принцип диффузности значений, бесконечность семантической валентности языкового знака, размытость и взаимозависимость денотативных границ, принципиальная нелIMITируемость лексической семантики, отражающие известную неопределенность, континуальность мира, – вот тот вывод, к которому приходит современная семасиология, избавившись от априорно заданных методологических ограничений. Можно сформулировать некоторые основные положения «новой семасиологии», оцениваемые как определенные открытия. Многослойность, разноплановость лексической семантики – первое открытие лексической семасиологии последних десятилетий, обусловленное новым общеметодологическим подходом – сближением системно-языкового и функционально-речевого аспектов. Второе открытие – так называемый интегральный подход (см. работы А. Вежищкой, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой и др.), когда лексическая и грамматическая семантика описываются принципиально одним и тем же научным языком, у них выявляются одни те же смыслы, между ними нет непроходимых границ, что свидетельствует о глубинном единстве языка.

Глагольная семантика как нельзя более отвечает такому представлению лингвистического знака в силу его метонимической природы. Но это создает трудности в определении границ семантического объема глагольной номин-

нативной единицы. А именно остается неясным, «единицу какой степени «крупности» следует считать предикатом» (Е. С. Кубрякова), и это положение воспринимается как парадоксальное.

Полиситуативность как утверждаемый нами атрибут глагольной семантики соответствует современному семасиологическому описанию глагола, так как семантика глагола, во-первых, интерпретируется как многослойная, многоярусная структура, во-вторых, полиситуативность обнаруживается на разных уровнях представления глагольного значения – семантико-лексическом, морфемно-деривационном, лексико-грамматическом, морфологическом, синтаксическом – и поэтому может описываться одним языком и обобщаться в одни и те же типы.

Полиситуативность – семантико-функциональная, когнитивно-языковая категория, обладающая специфическим планом содержания и имеющая разные способы выражения, которые в своей совокупности также достаточно специфичны. Она находится на пересечении таких общенаучных категорий, как время, количество, смежность (логическая, пространственная, временная), и многих лингвистических явлений, в основном, глагольных (таксисных, аспектологических, темпоральных, словообразовательных), а также именных (число, одушевленность, субъектность, объектность). Представление глагольной семантики как полиситуативной структуры вытекает из общего понимания, что отсутствие четкого членения ситуаций и их взаимообусловленность отличают предикатную семантику от идентифицирующей. Глагол в силу метонимической природы своей семантики соотносится с полиситуативным фрагментом.

Полиситуативность представляет собой универсальное свойство глагольного содержания, образующее достаточно самостоятельный срез семантики, имеющий определенную специфику в устройстве и функционировании на разных уровнях – лексическом, морфо-деривационном и грамматическом. Суть его заключается в том, что содержание глагола отражает множество ситуаций, связанных самыми разными отношениями метонимического характера – пространственными, временными, логическими, модальными. Эти отношения с их «переменными» создают пропозиции – событийные и логические. Ситуации расчленяются на события, те и другие имеют пропозициональную форму. Число ситуаций и событий принципиально нелимитируемо, полиситуативная единица – ситуатема – носит открытый характер. Поэтому наш подход можно назвать ситуативно-событийно-пропозициональным. Ситуативный – т.к. он отражает наше видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций. Событийный – т.к. в ситуации может быть несколько событий разного масштаба. Выделим следующие факторы «умножения со-

бытий» внутри одной ситуации: а) распределение по разным сферам жизни (к примеру, человек спит, т.е. представлен в физиологической сфере, но в это же время он «распределен» в социальной сфере: ждет поезда); б) выполнение разных функций в одной сфере (в социальной сфере может быть много функций: человек спит, но в это же время в социальной сфере он выполняет несколько функций – ждет поезда, едет в командировку и пр.); в) участие в разных аспектах происходящего (человек спит, но в это же время он отдыхает, ворочается и пр.).

Предлагается следующий опыт типологии полиситуативности на основе следующих параметров.

1. Отношение к временной оси (представленность ситуации как «лежащей» на временной оси или как «вознесенной» над нею).

2. Способ семантической «упаковки» полиситуативности («внутренняя форма» полиситуативного предикативного денотата):

а) степень выделенности сегментов, (микро) ситуаций (минимальная – в статических явлениях и состояниях, более яркая, определенная – в мультипликативных и дистрибутивных действиях);

б) характер структуризации полиситуативного денотата (отдельные ситуации подаются как равноправные или имеется обобщение более мелких ситуаций – гомогенных или гетерогенных; а также тип соотношения этих ситуаций);

в) коммуникативный статус микроситуаций (ассерции, пресуппозиции, имплицатуры, сильные, слабые, фоновые компоненты).

3. Способ формальной «упаковки» полиситуативности («внешняя форма» полиситуативного предикативного денотата). На собственно языковом уровне представленность предикативного полиситуативного денотата может различаться формальной выраженностью (лексический, морфемный, грамматический, синтаксический, комбинированный способы).

На основе сочетания вышеперечисленных параметров полиситуативность может быть представлена («упакована») глагольной единицей принципиально разными способами, которые можно объединить в четыре основных типа, способа представленности (существования): 1) длительность, 2) сегментированность, 3) квантификация, 4) конситуативность.

Первые три типа располагаются по степени выделенности составляющих ситуаций на шкале градуальности – от наименее сегментированной ситуации (длительность) к более ярко сегментированному типу (дискретность) и к еще более четко сегментированному (квантификация). Внутри этих типов вычлениются свои подтипы.

Четвертый тип – конситуативность – характеризуется различным коммуникативным статусом составляющих ситуаций. Конситуативность представ-

лена в тех случаях, когда глагол дает нам информацию не только о ситуации, попавшей в коммуникативный фокус, но и других, смежных с ней. Семантическая структура глагола в принципе полиситуативна, но ситуации, о которых сообщает глагол, имеют разный коммуникативный статус: одна из ситуаций находится в ассертивной части, а другие остаются « в тени », « за кадром » – в ретроспективном, проспективном или параллельном (смежном) плане. Поскольку ситуации членятся на подситуации, то внутри ассертивной макроситуации также выделяются более центральные в коммуникативном отношении и более периферийные подситуации. Так вырисовывается многомерная (многоуровневая) полевая структура с ядром и разветвленной периферией, получившая наименование «ситуатема».

Н. А. Першина

Томский государственный университет

К греческому КНР «судьба, рок, удел»

КНР «гибель, насильственная смерть, мучительный недуг, зло, бедствие, несчастье, горе» встречается у Софокла в сочетании $\alpha\nu\alpha\rho\lambda\alpha\zeta\alpha\nu\delta\rho\alpha$ КНР «мужей крадущая Кер», которым он называет беотийскую богиню $\Sigma\phi\upsilon\zeta$ «Сфинкс», составное или тератоморфное мифическое существо женского рода ($\alpha\nu\alpha\rho\lambda\alpha\zeta\alpha\nu\delta\rho\alpha$ представляет собою сложение, первый элемент которого восходит к глаголу $\alpha\nu\alpha\rho\lambda\alpha\zeta\omega$ «похищать», а второй – к $\alpha\nu\eta\rho$, $\alpha\nu\delta\rho\alpha$ «муж, мужчина»). Буквальное значение имени $\Sigma\phi\upsilon\zeta$ – «душительница», поскольку совершенно ясно просматриваются его связи с глаголом $\sigma\phi\upsilon\gamma\omega$ «сдавливает, душишь».

Культ этой богини сложился в глубокой древности, и представляется не вполне ясным, навеян ли он какими-то восточными мотивами или является исконно греческим, возникшим на Балканском полуострове и отражающим его культуру, истоки которой уходят в глубь тысячелетий.

Позволим себе провести некоторые сопоставления и обратимся для этого к одной из древнейших восточных цивилизаций, египетской, развитие которой отличалось большой преемственностью, ибо определенные стереотипы религиозного мышления, нашедшие свое непосредственное отражение в изобразительном искусстве, передавались там из поколения в поколение и какие-то реликтовые явления сохранялись даже в период римского господства.

В египетских сфинксах, обычно монументальных скульптурных произведениях, лицо фараона традиционно сочеталось с символом его могущества – туловищем льва.

На Балканском полуострове, точнее на афинском Акрополе, первые поселения появились в VI тысячелетии до н.э. Предполагают, что в IV тысячелетии до н.э. здесь обитали пеласги, древнее население Афин. В начале II тысячелетия в Микенах появились ахейские племена.

В их шахтовых гробницах найдены, насколько нам известно, первые изображения древней греческой богини Σφύγξ со всеми ее атрибутами: туловищем льва, крыльями орла, хвостом дракона и лицом прекрасной женщины.

По одному из вариантов греческих мифов, «мужей крадущая Кер» была дочерью Химеры, также тератоморфного существа, с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона. Существует мнение, что эти составные части отражают древнее восприятие времени и указывают на трехсезонный год. Это относится и к Химере, и к Сфинксу.

Судя по мифам, последней приносили в жертву мужчин, и встреча ее с Эдипом, возможно, отражает исторический момент, когда этот кровавый культ был упразднен и заменен каким-то другим. Балканский полуостров, начиная с древнейших времен, был зоной обширных миграций, во время которых новые божества пришельцев вытесняли старых, более древних богов. К сожалению, сведения об этих миграциях являются далеко не полными.

Κηρ, воспринимаемое как *poen agentis*: «губительница, богиня насильственной смерти», довольно органично вписывается в семантическую систему обозначения всевластных божеств, уничтожающих или карающих человека. Кроме богини Сфинкс в эту систему входили Эринии, обладающие подобными функциями. К последним мы еще вернемся.

Продолжим о Κηρ. Генетически близкие образования: κηροινω «губить, уничтожать, тревожиться, беспокоиться, быть несчастным», ελικηρος «подверженный року, смертный, слабый», ακηριος «неповрежденный, невредимый» и другие – сохраняют основное семантическое направление, заложенное в κηρ, которое в широком смысле означало «судьба, рок, удел», форма множественного числа (κηρες) имела значения «неудачи, напасти, незримое зло».

В приложении к Эриниям, богиням судьбы и возмездия, карающим людей за преступления против святости кровных уз и нарушение клятвы, Κηρ подчеркивает их разрушительную силу: φερισφυενεις Κηρες Ερινυες «губительные Керы Эринии», – читаем мы у Эсхила. Мало употребительное в единственном числе Ερινος «Эриния» («проклятие, наказание, гибель») не имеет хорошей этимологии. Генетически близкие слова немногочисленны: Ερις «Эрида, богиня раздора», εριζω «спорить», ερισμα «предмет спора».

Хорошо известные по мифологическому контексту: Орест/ Клитемнестра – Эринии были так страшны грекам, что, имея их в виду, последние часто прибегали к эвфемизму, называя жестоких мстительниц Эвменидами, милостивыми (Ευμενιδες).

К вопросу о вокализме Кηρ: в реликтовых падежных формах, а также в ионийско-аттическом варианте зарегистрирован вокализм а, индоевропейский корень предполагается *q ā r-; латинское *carino* «издеваться, насмехаться», латышское *karinat* «дразнить», думается, также восходят к этому корню, обладающему большой продуктивностью в славянских языках, в которых он не затемнен фонетическими и словообразовательными изменениями.

Ср. старославянское кара «наказание»: карати «наказывать», чешское кага «упрек, наказание», польские кага «наказание, казнь»: кагас «наказывать», болгарское карам «ругаю, порицаю» et cetera.

Думается, что приведенные выше производные индоевропейского *qār- находятся в генетической близости с греческими Кηρ «губительница», κηρῖνω «губить», поскольку фонетически и семантически это представляется допустимым, и предполагаемая близость не является случайной, хотя в основном сравнительный анализ проводится на материале двух языков, что требует дополнительной аргументации и подтверждений. В данном случае весьма уместна справка о вокализме интересующего нас корня в исследуемых языках: в греческом языке индоевропейскому а соответствуют α, η, в старославянском – а, в латинском – ā.

Кратко о семантике: значение возмездия, присущее почти всем славянским производным индоевропейского *qār-, в древнегреческом языке особенно явственно ощущается в приложении κηρες (pluralis от κηρ) к наименованию древних богинь мщения, как уже было упомянуто (φθερστυμενεις Κηρες Ερινυες), ибо функции возмездия, кары, наказания за преступление, по верованиям греков, были присущи этим мифическим существам.

В древнерусском языке сохранилось еще одно производное *q ā r-: карьникъ, корьникъ «обидчик» с древним суффиксом – ъникъ, органично входящее в семантический ряд: карати: кара: карьникъ.

Еще Н.В. Горяев обратил внимание на фонетическую и семантическую близость карати «наказывать»/кара «наказание» и корити «порицать, упрекать»/ корь «оскорбление, брань». Точку зрения нашего старого этимолога А.Г. Преображенский не принимает, а М. Фасмер поддерживает, добавляя к двум параллелям третью: карити «оплакивать»/каранье «оплакивание». Думается, что это предположение небезосновательно, хотя существуют и другие объяснения последней группы слов, более правдоподобные из которых отсылают к германским языкам; связь же с языками тюркской группы, на наш взгляд, представляется весьма проблематичной. Но все это только постановка вопроса и не более.

Опыт работы в области этимологии и семантики позволяет нам сделать небольшое обобщение: корень индоевропейский или славянский, попадая в

определенную семантическую систему макро- или микро-, в пределах этой системы ведет себя достаточно свободно, обозначая различные понятия, связанные с общим направлением семантики. Возможно, этим можно объяснить в какой-то степени семантические варианты производных индоевропейского *q̄ ā г- в славянских языках. Модели σφύγγω «душить»: Σφύγγη «душительница»; κτρωίνω «губить, уничтожать»: Κτρη «губительница» соответствует славянская параллель карати «наказывать»: карынькь «обидчик».

И в заключение позволим себе сказать еще несколько слов о вокализме в корне славянских производных индоевропейского *q̄ ā г- (карати, корити, карити): в общеславянский период а и о различались только количеством, или длительностью. Позднее в зависимости от длительности гласного звука произошло его разделение: долгий гласный, более открытый, получил тембр -а-, краткий же гласный стал звуком -о-. Представляется, что этим можно объяснить вокализм -а- в карати, с корнем кар- < и.-е. *q̄ ā г-, с долгим -а- в общеславянском, в русском: -а-, в греческом: -α-, -η-, что позволяет считать фонетически допустимой предполагаемую близость славянского кара «наказание, казнь» и греческого κτρη «гибель».

И.В. Новицкая

Томский государственный университет

Томский государственный педагогический университет

Структурный и семантический анализ абстрактных существительных п-основ в готском языке

Тип склонения существительных с основой на -п еще со времени Якоба Гримма (1785–1863) называется слабым. К данному типу склонения как в общеиндоевропейском, так и в готском языке относятся существительные всех 3-х родов. В результате анализа определенного параллелизма в парадигме п-основ и г-основ в общеиндоевропейском было выдвинуто предположение о том, что из некогда весьма многочисленного класса г/п-основ в позднеиндоевропейском выделились и образовали свои собственные парадигмы п-основа и г-основа [Бенвенист, 1955: гл. 1, 4]. Кроме этого, было обнаружено и известное сходство п-основ с і-основами и u-основами, что нашло свое отражение в том, что в различных индоевропейских языках имена могут соотноситься с -п-, -і- и -u- основами [Specht: 1947: 6–9; СГТЯ 1963: 195].

Несомненным является тот факт, что п-основы были широко представлены в общеиндоевропейском и их остатки сохранились в большом количестве

германский не только сохранил общендоевропейскую модель п-основ, но и широко развил этот тип. Типы на -п м.р., ср.р. и ж.р. представляют в германском абсолютно нормальное образование, которое, втягивая в себя другие классы склонения и тем самым распространяясь на значительные лексические пласты, служило средством придания нормальной формы слову, которое принадлежало некогда к аномальному или изолированному типу, например: **gwenā* «жена» – гот. *qino* «жена»; **kerd* «сердце» – гот. *hairto* «сердце» [СГГЯ 1963: 195; Мейе 1952: 118–119].

По своей продуктивности в германских языках п-основы могут сравниться лишь с о-основами, являясь одним из самых мощных индуцирующих типов, наложивших в отдельных случаях свой отпечаток даже на такой продуктивный тип склонения, как о-основы [СГГЯ 1963: 195].

Германские основы на -п соответствуют и.-е. именам с суффиксом -п-, с помощью которого образовались существительные от глаголов, например др.-инд. *svárpnas* «сон» от *sváriti* «спит», лат. *somnus* «сон» от *sōpit* «усыпляет» [Откупщиков 1967: 225]. В греческом языке этот суффикс имел следующие апофонические варианты: -п-: греч. дат.п., ед.ч., -*ē* п-: им.п., ед.ч., -оп-: вин.п., ед.ч., -*ō* п-: им.п., ед.ч., -п-: дат.п., мн.ч., -п-: род.п., ед.ч., [Задорожный 1960: 169].

Как уже было отмечено, в готском языке к данному типу склонения относятся существительные всех 3-х родов, которые делятся на следующие группы в зависимости от огласовки основообразующего суффикса:

- существительные м.р. и ср.р. на чистые *in-/an-* основы и их вариант *-jīn/-jān-*основы.
- существительные ж.р. на чистые *op-*основы, и их вариант – *jop-*.
- существительные ж.р. – основы на *-eīn* [Гухман 1958: 84–85].

Абстрактные существительные м.р., относящиеся к типу склонения основ на *-in-/an-*, образуют довольно малочисленную группу, т.к. в основном эта группа представлена существительными, обозначающими действующее лицо. К абстрактным мы можем отнести такие имена, как *ahna* «дух, душа», *aha* «ум, разум», *hliuma* «слух», *gataura* «дыра, разлад», *ganauha* «довольство, удовлетворение», образованные от имен и глаголов. Тип склонения на *-jīn/-jān* представлен одним существительным – *wīlja* «воля». Среди абстрактных существительных ср.р. данных основ можно выделить лишь *patō* «имя».

Склоняются существительные м.р. и ср.р. основ на *-in-/an* одинаково, за исключением форм им. п. и вин. п. ед. и мн. числа и большего разнообразия в чередовании гласного элемента суффикса у существительных ср.р. В парадигме склонения сохраняется и.-е. чередование е: о (гот. *i*: *a*), которое в ре-

зультате редукции окончаний приобрело функциональное значение различения падежных форм [Задорожный 1960: 171].

	М. р.	Ср. р.
	Ед. ч	
Им. п.	Guma (мужчина)	Hairto (сердце)
Род. п.	Gumins	Hairtins
Дат. п.	Gumin	Hairtin
Вин. п.	Guman	Hairto
	Мн.ч.	
Им. п.	Gumans	Hairtōna
Род. п.	Gumanē	Hairtanē
Дат. п.	Gumam	Hairtam
Вин. п.	Gumans	Hairtōna [Kieckers: 118].
	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. п.	Namō	Namna
Род. п.	Namins	Namnē
Дат. п.	Namin	Namnam
Вин. п.	Namō	Namna [Braune-Helm 1952: 63].

Существительное ср.р. *namo* «имя» в формах мн.ч. имеет нулевую ступень гласного основы:

Среди существительных ж.р. основ на *-n* выделяется два типа основы на *-ō n* и *-ein*. Известно, что в общеевропейском языке существительные м.р. и ср.р. склонялись одинаково. Под влиянием же тенденции к родовой дифференциации, которая уже ощущалась в общегерманскую эпоху, произошло расщепление единой парадигмы *n*-основ на парадигму мужского и парадигму женского рода. При этом маркером ж.р. стал гласный элемент основообразующего суффикса (*-ō -*, *-ein-*), который сохранялся во всех падежных формах.

Происхождение *n*-основ ж.р. еще окончательно не выяснено, но было выдвинуто предположение, согласно которому основой для создания в германском парадигмы *n*-основ ж. рода явилась продленная ступень чередования *-on*, которая была вычленена из категории слабого склонения прилагательного, уже существовавшего до создания парадигмы *n*-основ ж.р. В слабом прилагательном *-on-* было словообразовательным элементом, с помощью которого от нарицательных существительных м.р., образованных от прилагательных и относящихся к *n*-основам, были созданы существительные ж.р., обозначающие принадлежность [Jellinek 1926: 116; СГГЯ 1963:207–208].

Определенную роль при создании и закреплении парадигмы *n*-основ ж.р. в германских языках сыграли и фономорфологические условия, благодаря

которым группа существительных ж.р., относившаяся в и.-е. к а-основам и отличавшаяся высокой частотностью, была переосмыслена как существительные ж.р. п-основ: лат. *lingua* (арх. *dingua*) – гот. *tuggo* «язык»; и.-е. * *guena* – гот. *qīno* «жена». Данное явление стало возможным лишь тогда, когда была создана модель п-основ ж.р. в парадигме слабого прилагательного [Kieckers 1928: 123; Krahe 1948: 47; СГТЯ 1963: 210].

Хотя создание парадигмы п-основ ж.р. является германской инновацией, в других и.-е. языках можно наблюдать аналогичное параллельное и, вероятнее всего, независимое развитие п-основ ж.р.: ср. лат. модель парадигмы ж.р. *patio* (род. п. *pationis*) «народ, нация», иллирийск. имена собств. ж.р. *Aplo* (род. п. ед. ч. *Aplonis*), *Aplo* (род. п. ед. ч. *Aplinis*) [СГТЯ 1963: 210, 211].

Основной состав группы существительных ж.р. основ на -*on* (-*jon*) включает в себя одушевленные существительные ж.р., образованные от соответствующих существительных м.р.: *garazno* «соседка» от *garazna* «сосед», *swaihra* «свекровь» от *swaihra* «свекр» [СГТЯ 1963: 81]. Абстрактные имена с данными основообразующими суффиксами более редки в готском языке и, как правило, образованы от глаголов: *atmaio* «жалость, сострадание, милосердие», *bandwo* «знаю», *brinno* «лихорадка, жар», *garunjo* «наводнение, разлив», *geiro* «дрожь», *sakjo* «спор», *usfartho* «выход, прогулка, поездка», *wahtwo* «бдение, караул», *waiho* «битва», *wīnno* «страдание» – и имен: *aglo* «притеснение, угнетение», *brothru-lubo* «братская любовь», *fullo* «полнота», *lubo* «любовь», *unhultho* «бес, нечистый», *gajuk* «сходство, сравнение», *mitadjo* «мера, мерка, кружка». В отличие от склонения существительных с абстрактным значением с основой на -*in*/*-an* в этой подгруппе отсутствует чередование гласного основы и во всех падежных формах сохраняется -*o*:

Им. п.	<i>Tuggô</i>	“язык”	<i>Tuggôns</i>
Род. п.	<i>Tuggôns</i>		<i>Tuggônô</i>
Дат. п.	<i>Tuggôn</i>		<i>Tuggôm</i>
Вин. п.	<i>Tuggôn</i>		<i>Tuggôns</i> [Braune-Helm 1952: 64].

Проведенное нами исследование показывает, что основная масса абстрактных существительных ж.р. основ на -*n* относится ко второму подтипу данного вида склонения, а именно типу склонения основ на -*ein*. Эта группа объединяет лишь исключительно существительные ж.р., в основном образованные от прилагательных и существительных. Необходимо отметить, что образования с суффиксом -*ein* продуктивны во всех германских языках, но наиболее широко они представлены в готском и древневерхненемецком.

Так же, как и п-основа ж.р., *ein*-основы представляют собой германскую инновацию, т.к. в и.-е. модель для германских \bar{i} п-основ отсутствует. Хотя

происхождение \bar{i} п-основ выяснено не до конца, предполагают, что германской моделью для создания парадигмы этих основ служили в основном п-основы ж.р., но отдельные элементы парадигмы \bar{i} п-основ восходят и к и.-е. односложным ja-основам. Так, например, исследователи указывают, что ja-основы, имевшие в им. п. ед.ч. -i-, вклинились в п-основы, в результате чего была создана парадигма \bar{i} п-основ [СГТЯ 1963: 214]. Кроме этого, Э. Кикерс связывает \bar{i} п-основы в германских языках с формами причастия I ж.р., а также формами сравнительной степени ж.р., которые в и.-е. относились к -i/-ia-основам и оканчивались в им. п. ед.ч. на -i, например, *bairandei* (причастие I ж. рода от глагола «носить, рожать»). По его же мнению, вторую группу этого типа склонения составляют имена, образованные от старых и.-е. *jen/jon*-основ, и поэтому i- в \bar{i} п-основах можно рассматривать как степень редукции в и.-е. *jen/jon*-основах [Kieckers 1928: 124].

Парадигма склонения данных существительных ничем не отличается от склонения существительных -оп-основ, за исключением гласного элемента суффикса -ein-, который также сохраняется во всех падежных формах. Парадигма слова *hauhei* «высота» в ед. и мн.ч. выглядит следующим образом:

Им. п.	<i>hauhei</i>	<i>hauheins</i>
Род. п.	<i>hauheins</i>	<i>hauheino</i>
Дат. п.	<i>hauhein</i>	<i>hauheim</i>
Вин. п.	<i>hauhein</i>	<i>hauheins</i> [Задорожный 1960: 173–174].

Важно упомянуть, что абстрактные существительные ein-основ тесно соприкасаются с существительными с абстрактным значением, образованными от слабых глаголов I класса при помощи суффикса -eini- и изменяющимися по типу основ ж. рода на -i. См. формы ед.ч. и мн.ч. слова *laiseins* «учение»:

Им. п.	<i>laiseins</i>	<i>laiseinos</i>
Род. п.	<i>laiseinai</i>	<i>laiseino</i>
Дат. п.	<i>laiseinai</i>	<i>laiseinim</i>
Вин. п.	<i>laisein</i>	<i>laiseinins</i> [Streitberg 1920: 108].

Упомянутое выше обстоятельство объясняет факты смешения у некоторых слов падежных форм, характерных для склонения i-основ и ein-основ ж.р., например: *wajamereins* (i-основа) имеет засвидетельствованную форму род. п. ед.ч. *wajamereins*, характерную для п-основ. Также засвидетельствованы формы им. п. ед.ч., оканчивающиеся на -ein (вместо -ei) у трех существительных склонения на -n: *liuhadein*, *wiljahalthein*, *gagudein* [Streitberg 1920: 112].

В структурном отношении абстрактные существительные п-основ не выделяют большого разнообразия моделей и могут быть отнесены к одной из двух групп, а именно:

1) бессуффиксальные образования м., ж. и ср.р., объединенные основообразующим формантом -п-;

2) существительные м. и ж.р., образованные посредством словосложения без дополнительных словообразовательных средств, объединенные основообразующим формантом -п-.

Какие же области человеческой деятельности обозначались у древних германцев словами, которые мы рассматриваем в качестве абстрактных понятий? Для ответа на данный вопрос был проведен анализ и получены следующие семантические группировки:

а) имена существительные, обозначающие действие и его результат: *aglo* «притеснение, угнетение, печаль», *airzei* «ошибка, обман», *garunjo* «наводнение, разлив», *gajuko* «сходство, сравнение», *inilo* «извинение, оправдание», *lausa-waurdei* «пустая болтовня», *mitadjo* «мера, мерка, кружка», *sakjo* «спор», *ufar-fullei* «переполнение», *usfartho* «выход, прогулка, поездка», *wahtwo* «бдение, караул», *waihjo* «битва», *weitwodei* «свидетельство», *wtekei* «преследование, гонение»;

б) имена существительные, обозначающие состояние: *arma-hairtei* «жалость», *audagei* «блаженство», *baitrei* «горечь», *balwawesei* «злость, злоба, злобный поступок, слова», *barniskei* «детство, детскость», *birekei* «опасность», *blethei* «жалость, сострадание», *heito* «жар, лихорадка», *brothru-lubo* «братская любовь», *drugkanei* «опьянение, хмель», *faurhtei* «страх, боязнь», *frijei* «свобода», *gaurei* «печаль», *ganauha* «довольство, удовольствие», *hltutrei* «прозрачность, чистота» *hrainei* «чистота», *kilthei* «материнская любовь», *lubo* «любовь», *magathei* «девственность», *mikilei* «величие, слава», *geigo* «дрожь», *siukei* «болезнь», *stairo* «неплодородие, бесплодие», *trigo* «печаль, грусть», *thaurstei* «жажда», *undiwanei* «бессмертие», *unhrainei* «нечистоты, грязь», *unwammei* «беспорочность, незапятнанность», *usfilmei* «ужас», *wilja-halthei* «благосклонность, любезность, расположение», *wipno* «страдание»;

в) имена существительные, обозначающие качества и способности человека: *ainfalthei* «простота, скромность», *armaio* «жалость, сострадание», *balthei* «смелость, отвага», *daubei* «упрямство», *faihu-geigo* «алчность, жадность», *filu-desei* «коварство, хитрость», *gafaiho* «скупость, жадность», *gagudei* «набожность, благочестие, смирение», *garaihtei* «справедливость», *gariudjo* «застенчивость, стыдливость», *godei* «прилежание, усердие», *handugei* «мудрость», *hardu-hairtei* «бессердечие, жестокосердие», *hauh-hairtei* «высокомерие», *hinderweisei* «коварство, хитрость», *hliuma* «слух», *liutei* «лицемерие,

притворство», mith-wissei «совесть», muka- modei «кротость», selei «доброта», sputrei «мудрость», usbeisnei «терпение, долготерпение», usdaudei «усердие, рвение, пыл», warei «осторожность, осмотрительность», wilja «воля»;

г) имена существительные, обозначающие умственную деятельность и ее результаты: aha «ум, разум, рассудок», frodei «ум, разум, рассудок», unfrodei «неблагоразумие»;

д) имена существительные, обозначающие ирреальные предметы: unhultho «бес, нечистый»;

е) имена существительные, обозначающие пространственные отношения: braidei «ширина, широта», diurei «глубина», fullo «полнота», hauhei «высота, вышина», laggei «длина, продолжительность»;

ж) имена существительные, обозначающие количество: gabei «богатство, изобилие», managei «множество», ufjo «избыток, изобилие»;

з) имена существительные, имеющие отношение к религии: afgudei «безбожие», ahna «дух, душа, привидение».

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что подавляющее число имен существительных с абстрактным значением в готском языке является существительными ж. р. и склоняется по типу *on-* и *ein-*основ, в образовании этих существительных используется лишь основообразующий суффикс, и обозначают эти имена у древних германцев широкий спектр сторон и сфер деятельности.

Литература

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
2. Гужман М.М. Готский язык. М., 1958.
3. Задорожный Б.М. Порівняльна фонетика і морфологія готської мови. Львів, 1960.
4. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
5. СГТЯ – Сравнительная грамматика германских языков. М., 1963.
6. Braune W. Helm K. Gotische Grammatik. Max Niemeyer Verlag. Halle, Saale, 1952.
7. Jellinek M.H. Geschichte der gotischen Sprache. Walter de Gruyter & Co. Berlin und Leipzig, 1926.
8. Kieckers E. Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik. Max Hueber Verlag, München, 1928.
9. Krahe H. Historische Laut- und Formenlehre des gotischen. Heidelberg, 1948.
10. Streitberg W. Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1920.

*Очерки морфологии праенисейского существительного:
множественность, демунивность*

В работе Пороговой Т.И. установлено существование во всех енисейских языках следующих способов выражения множественности имени существительного: 1) суффикс *н – дистрибутивная множественность, 2) суффикс *нг – собирательная множественность, 3) суффикс *и – определенная множественность/раздвоенность (Филимонов, 1984; 1997), 4) чередование тонов (Вернер, 1974), 2-й тон маркирует группы социально-экспрессивного отношения (Филимонов, 1964; 1997); 5) суффикс *тн, состоящий из двух суффиксов: *т и *н (Порогова, 1990). Кроме того, отмечены некоторые общие типологические явления при образовании форм мн. числа существительных: 1) аблаутные явления, 2) мена ударения, 3) вставка согласного -к- перед суффиксом нг. По мнению автора, существовали еще способы выражения множественности имени существительного, которые сохранились в рудиментарной форме в различных енисейских языках. Автором также высказываются соображения о происхождении формантов мн. числа. 1) Суффикс дистрибутивной множественности *н, возможно, связан с формантом выделительной локализации *н: ср. юг. ънната «для нас» – ъннатан «на нас», кьнгната «для вас» – кьнгнатан «на вас»; также он вычленяется в некоторых словах ед. числа как рудиментный формант мн. числа: *бэ?н «утка», юг. кин «скопление червей», кет. с'ы?н «пестрый дятел»; 2) существовал, видимо, особый формант мн. числа *н': ср. кет. ку? «устье», мн.ч. ку'-н'енг (плеоназм), ю.-имб. экин' «гром» при регулярном е-кнг/экнг, юг. екнг «гром», кет. ки.п «луна», мн.ч. ки.н', кет. л'ун', юг. лун' «хариус». Возможно, он связан с Е (э)н'(э) – указат. действительная частица (ср. кот. ин'и «здесь», ун'и «там»). 3) Формант собирательной множественности *нг сопоставим с показателем вещественности *нг (ср. Е *ба?нг «земля», *ти?нг «иней»), показателем генитива одуш. кл. мн. числа в кот. -нг, показателем локатива-генитива *нг (собирательность может мыслиться как «локализация в одном месте», «принадлежность одному месту»). 4) Особый формант родовой собирательности/принадлежности следует вычленять в форме *е'енг в кет. л'ун-а:нг, юг. лун-е:нг «хариусь», кет. ес'а:нг, юг. ес-е:нг «боги», кет. һыб-а:нг, юг. фьб-е:нг «сынъ», юг. хеб-е:нг, кет. киб-а:нг «дедушки», юг. хой-е:нг «дяди, тети», об-е:нг «отць», юг. ам-е:нг «матери», кет. бонг-а:нг, юг. бонг-е:нг «покойники». Этот же аффикс в кот. шай-анг «медведь», шин-анг «родник». 5) Суффикс собирательной множественности *ет в кет. к1л'-ет «ворона», кыл'-ет «снегирь», там-ат «утка»

острохвостка», кет., юг. тул'-ет «кислица», юг. бысс-ет «оса» при кет. бы 'с'т «оса», кот. нач-ат «сокол». 6) Особый суффикс *т сохранился в ю.-имб. кул'т «уголь», би: л'т «стриж», кет. бы 'с'т «оса». 7) Суффикс мн. числа *тэ в пумп. кой-та «хлеб», пол-та «муксун», кан. тубан-те «плотва», кет. к'ын'-тэ «озерный кулик», Е *па-та «верхушка, макушка, холмик, заросли и т.д.», Е *ка-тэ «берег, край» при Е *ка?-й «гора, яр», *кэ?-нгненг «горы, берег». 8) Редкий суффикс *гэн/кэн в кот. те:ча-ган «глаза» при ти:ш/теш «глаз», енис.-ост. ол-ген «нос» (= «ноздри»). Возможно, этот формант связан с Е *кан/ган «икра, сперма, семя, зерно, корень». 9) *бэ – суффикс собирательной множественности/деминутивности в ар. чар-ба «жито», ар-ба «ячмень», шул-ля «ягода», шул-бе «рябина-ягода», пен-бе-ту «гриб», кот. ар-ба «ячмень», асс.. ар-па «ячмень», юг. б1л-ба, кет. б1л'бэ/б1л'в'а «гриб». 10) *ка/га – суффикс собирательной множественности в ар. джип-ка/деп-ко «куница», ар., кот., кан. шош-ка «свинья», кет. ал'-гэ «черная утка», ар. сер-га «вошь» при сигир-курт «блоха», сыр-мас «слепень», юг. фал-гы, кет. хал'-гэ/хал'-г «ерш», хам-га «тунгус». 11) *л'инг в кет. кэт-л'инг «пакля», им-линг «орехи», койб. гий-лин «гора», сюда же относятся этнонимы Дин-лин, Цю-лин, Буклинцы. 12) *л'(э) – редкий суффикс в с.-имб. л'иб-л'а/лыб-лэ/л'уб-л'э «мохнатый кулик», кет. саг-ла/саУ-ла «жабрь»; этот суффикс входит в состав форманта *л'инг; ср. еще этноним Шинли/Син-ли. 13) *р в кот. кар-ер «поле» при кот. кери «трава», кот. киран/кыран, асс. кыран «трава», Е *епэр «брусника», в кет. э.л', юг. эфыр «брусника»; этот суффикс входит в состав сложных формантов мн. числа *рэн/рэнг в ар. сам-ран «гусь» при кет. те'м, юг. чем, кот. шаме «гусь», Е *ба-рэн «черемуха», Е *пэ-рэнг «ветви, заросли, макушка» при Е *па-тэ «заросли, верхушка, макушка». 14) *?о'о в кет. ус'-1: «березняк», д'л'-1: «тальник», ыл'-1 «осинник». 15) *уп в кет. кал'-уп «войско» при кал' «военный». 16) *еп в Е *кул'-еп «борода» при кет., юг. ку. л' «борода». 17) *ук в пумп. хлеп-ук «борода» при Е *кул'-еп. Форманты *уп. *еп/ап, *ук в Е выражают локативность, освоенное пространство. 18) *эй в юг. ху-мыл'-ей/хумыл «бабочка», кет. к'мыл'/кЛмл'-ей «шиповник», ар. кокай «рожь», кот. ухей/ухе:й «мука», херай/харай «хлеб», тарей «сукно», асс. тугай/бугай «пшеница». 19) Редупликация. Е сэсэр «солома» при *сир/сэр «трава», юг. х1:hx «звезда» при кет. ко?, ар. йуйунг «трава» при Е *о'/?'у? «луг, заливное место», Е *кэнг/кэкэнг «волосы, шерсть» и т.д.

Деминутивы: 1) *ал (кет., юг. ал-, асс. ал-тукај «жеребенок», ар. т'угал «теленко»); 2) *1л в кет., юг. 1л-лас «оленок», кот., асс. бушол «теленко»; 3) *дыл (ар. жыл-чую «цветок», кет., юг. дыл – деминутив); 4) “бэ (ср. кет. бЛйбэ = б Я Уит «сирота»); 5) *1к (кот. шет-о:к(г) «ручей» при шет «река»); 6) *ик (ар. киндил-ик «пупок», юг. чичик «трясогузка»).

Ю. С. Отмахова
Томский государственный университет
*Структурные типы вокалических фоновариантов слов
в английском языке*

Фонематические варианты слова представляют собой равнозначные единицы, в которых колебание звукового состава корневой морфемы закреплено орфографически. Фонематические варианты слов английского языка, в отличие от фонетических, еще не подвергались детальному анализу и классификации. В литературе представлены лишь отдельные примеры фонематических вариантов слова английского языка (см., например: [2, 3]). Данное исследование представляет собой попытку системно-структурного анализа фоновариантов слов, которая может являться основой не только более точной структурной классификации, но и различных исследований функционального и коммуникативного плана.

Предварительный анализ позволяет выделить различные типы фонетических вариантов слова. Фоноварианты слов в современном английском языке могут различаться гласными фонемами (вокалические варианты), согласными фонемами (консонантные варианты), гласными и согласными фонемами одновременно (вокально-консонантные варианты слова).

На основе материала предварительной выборки можно сказать, что варианты, образованные модификацией гласных, составляют значительную часть фоновариантов слов. Они могут иметь различия в качестве и количестве гласных фонем. В качественном отношении могут варьироваться как ударные, так и безударные фонемы. В данной работе мы остановимся на варьировании фонем под ударением.

Взаимозаменяющиеся ударные гласные фонемы могут быть как монофтонгами, так и дифтонгами.

Монофтонги, взаимозаменяющиеся в варьирующихся словах, могут различаться по следующим признакам [1]:

1. По одному признаку:

а) по высоте подъема основной массы языка:

[æ]–[e] (гласная низкого подъема – гласная среднего подъема), например: blather – blether [blæðə – bledə] ‘чепуха, вздор, бессмыслица’;

[ɔ:]–[u:] (гласная низкого подъема – гласная высокого подъема), например: chaw (Dial.) – chew [tʃɔ: – tʃu:] ‘жевать’;

б) по расположению основной массы языка в ротовой полости:

[ʌ]–[ɔ] (гласная смешанного ряда – гласная заднего ряда), например: amok – amuck [əmək – əmʌk] ‘дикий, бешеный, озверевший; бурно, неистово, бешено, безудержно’;

[æ]–[ʌ] (гласная переднего ряда – гласная смешанного ряда), например: drang – drung [dɾæŋ – dɾʌŋ] ‘узкая улочка или переулок’;
[æ]–[ɔ] (гласная переднего ряда – гласная заднего ряда), например: drang – drong (Dial.) [dɾæŋ – dɾɔŋ] ‘узкая улочка или переулок’;
[ɔ:]–[ə:] (гласная заднего ряда – гласная переднего ряда), например: bourn – burn [bɔ:n – bə:n] ‘ручей’.

2. По двум признакам:

а) по высоте подъема и расположению основной массы языка:

[a:]–[ə:] (задняя продвинутая вперед гласная низкого подъема – смешанная гласная среднего подъема), например: darn – dern, durn (Dial.) [da:n – də:n] ‘проклятый, ужасный; проклинать, ругаться’;

[a:]–[ɔ:] (задняя продвинутая вперед гласная низкого подъема – задняя гласная среднего подъема), например: archil – orchil [a:tʃil – ɔ:tʃil] ‘орсель (краска из леканоры, имеющая фиолетовый оттенок)’;

[e]–[ɪ] (передняя гласная среднего подъема – передняя отодвинутая назад гласная высокого подъема), например: descant – discant [deskænt – diskænt] ‘вариации на заданную тему, дискант, сопрано’;

[ʌ]–[ʊ] (смешанная гласная низкого подъема – задняя продвинутая вперед гласная высокого подъема), например: bukh – buck (Slang) [bʌk – bʊk] ‘хвастать, бахвалиться’;

[ɔ]–[ɪ] (задняя гласная низкого подъема – передняя оттянутая назад гласная высокого подъема), например: eavesdrop – eavesdrip [i:vzdrɒp – i:vzdɹɪp] ‘вода, капающая с карнизов; земля, на которую падает такая вода’.

б) по высоте подъема и долготе:

[i:]–[e] (долгая гласная высокого подъема – краткая гласная среднего подъема), например: aedicule – edicule [i:dɪkjʊ:l – edɪkjʊ:l] ‘маленький домик; рака, ковчег в виде домика’;

в) по расположению основной массы языка и долготе:

[a:]–[ɔ] (долгая задняя продвинутая вперед гласная – краткая задняя гласная), например: tchotchke – chachka (Slang) [tʃɑ:tʃkə – tʃɔ:tʃkə] ‘недорогой сувенир, украшение, безделушка’;

[i:]–[ɪ] (долгая передняя гласная – краткая передняя оттянутая назад гласная), например: bleep – blip [bli:p – bli:p] ‘короткий электронный звук’;

[u:]–[ɪ] (долгая задняя гласная – краткая передняя оттянутая назад гласная), например: diddly-squat – doodly-squat [du:dlɪ:skwɒt – didlɪ:skwɒt] ‘слэнг минимальное количество, практически ничего’;

[ɔ:]–[e] (долгая задняя гласная – краткая передняя гласная), например: bald – beld (Scot.): [bɔ:ld – beld] ‘лысый’.

3). По трем признакам (долготе, расположению основной массы языка и подъему) одновременно:

[ɔ:]–[ʊ] (долгая задняя гласная среднего подъема – краткая задняя продвинутая вперед гласная высокого подъема), например: *agora* – *agura* [a:ɡɔ:ɾə – a:ɡʊɾə] ‘агора (разменная монета государства Израиль)’;

[ɔ:]–[æ] (долгая задняя гласная среднего подъема – полудолгая передняя гласная низкого подъема), например: *austringer* – *astringer* [ɔ:stɾɪndʒə – æstɾɪndʒə] ‘человек, тренирующий короткокрылых ястребов’.

Варьирующие дифтонги в основном различаются ядрами:

[ɔɪ]–[aɪ]: *doit* – *duit* [dɔɪt – daɪt] ‘мелкая голландская монета; мелкая монета, ничтожное количество’;

[eɪ]–[aɪ]: *appraise* – *apprise* (Obs.) [əpreɪz – əpraɪz] ‘оценивать, расценивать, устанавливая цену’.

Реже встречаются пары дифтонгов, различающиеся характером ядра и скольжения:

[əʊ]–[eɪ]: *both* – *baith* (Scot. and North Eng.) [bəʊθ – bəɪθ] ‘оба’.

В варьирующихся словах может происходить взаимозамена ударных дифтонгов и монофтонгов:

1) взаимозамена ‘дифтонг – схожий с его первым элементом (ядром) монофтонг’:

[eɪ]–[e]: *bael* – *bel* [beɪl – bel] ‘бел’.

2) взаимозамена ‘дифтонг – схожий с его вторым элементом (скольжением) монофтонг’:

[əʊ]–[u:]: *behoove* – *behoove* [bɪhəʊv – bɪhu:v] ‘надлежать, следовать, пододбать’;

[əʊ]–[ʊ]: *agora* – *agura* [a:ɡəʊɾə – a:ɡʊɾə] ‘агора (разменная монета государства Израиль)’;

[aɪ]–[ɪ]: *apodeictic* – *apodictic* [æpədəɪktɪk – æpədɪktɪk] ‘неопровержимый, доказанный, необходимо верный’.

3) взаимозамена ‘дифтонг – монофтонг разного качества’:

[eɪ]–[æ]: *bejabers* – *bejabbers* [bɪdʒeɪbəz – bɪdʒæbəz] ‘черт возьми’;

[eɪ]–[ɔ:]: *away* – *awa* (Scot.) [əweɪ – əwɔ:] ‘далеко, давно’;

[əʊ]–[ɔ]: *bogle* – *boggle* [bəʊɡl – bɔɡl] ‘призрак, пугало’;

[əʊ]–[ɔ:]: *old* – *auld* (Scot. and North Eng.) [əʊld – ɔ:ld] ‘старый’.

Разнообразие пар с взаимозаменяемыми фонемами заставляет поставить вопрос о пределах варьирования гласных фонем. Так как в английском языке 11 монофтонгов, способных находиться под ударением, теоретически возможно существование 110 вариационных моделей, таких, как [ɔ]–[i:], [e]–[u:] и т.д. Тем не менее, даже предварительное рассмотрение вопроса позволяет утверждать, что в языке реально существует намного меньше пар монофтонгов, способных к взаимозаменению в варьирующих словах. Способность

к взаимозамене определяется сходством фонем, хотя фонематическое варьирование и не обусловлено живыми фонетическими процессами. Так, большинство взаимозаменяющихся фонем различаются по одному признаку, причем не кардинальным образом. Фонемы, отличающиеся по двум признакам, чаще всего имеют лишь несущественные различия в одном из них (по положению основной массы языка). Большая свобода взаимозамены корневых монофтонгов наблюдается, по предварительным оценкам, в словах с диалектной, жаргонной окраской, а также в ксенолексике. Подобная картина наблюдается и при рассмотрении дифтонгов и пар 'дифтонг – монофтонг': большинство из варьирующихся элементов близко по своему качеству.

Литература и примечания

1. Пары фонем в группах расположены в соответствии с нарастанием расхождения признаков.
2. Ильина М.А. Лексические формы слова и методы их изучения. М., 1971. 64 с.
- 3.Травкина А.Д. Обновление фонетической формы английского слова. Тверь, 1999. 179 с.

П.М. Кузнецов

Томский государственный педагогический университет

Структурные особенности сложных прилагательных в васюганском диалекте хантыйского языка

Наряду с прилагательными, использующимися для того, чтобы показать просто признак, содержащийся у предмета, в хантыйском языке существуют лексемы, обозначающие не только собственно наличие самого признака, но и характеризующие этот признак по разным параметрам, таким, как цвета (нахиавтав – белохвостый [ХРСВ: 161]), интенсивность содержания (кычалвёхав – малосильный [ХРСВ: 119]), вес (к,авахрытав – легколодочный [ХРСВ: 93]), размеры (окёмохав – малоголовый [ХРСВ: 189]) и т.п. Говоря о семантической структуре сложных образований имени прилагательного в васюганском диалекте хантыйского языка, следует отметить, что их первая часть выступает в качестве элемента, характеризующего самые различные признаки (обозначаемые второй частью рассматриваемых нами лексем). Поэтому, основываясь на значении первой части сложных прилагательных и функционировании данного значения по отношению ко второй части анализируемых лексических единиц, можно классифицировать последние на семантическом уровне. Первая часть рассматриваемых нами сложных образований – это, как правило, качественные прилагательные. Давая определение последним, Е.А. Кузакова предлагает и их классификацию: «Качественные

прилагательные обозначают свойства и качества предметов, воспринимаемые органами чувств а) по цвету; б) по вкусовым признакам; в) по внешнему виду; г) по состоянию предмета; д) по осязанию; е) по слуховым признакам; ж) по физическим и умственным качествам людей» [1991: 252]. Е. А. Кузакова говорит о прилагательных восточномансийского диалекта, однако приведённая выше классификация приемлема и для сложных прилагательных васюганского диалекта хантыйского языка.

В настоящей работе сложные прилагательные нас будут интересовать в аспекте словообразования, поэтому подробнее рассмотрим их составные части. Основы данных лексических единиц состоят из двух частей: первая, как правило, качественное прилагательное или числительное и реже – наречие, вторая – имя, к которому присоединяется словообразовательный аффикс, указывающий на то, что данная лексема является сложным прилагательным. В образовании сложных прилагательных, вообще, существует ряд закономерностей, на что указывает Л. А. Алиткина: «Сложные образования имён прилагательных, как и отымённые, и отглагольные имена прилагательные, создаются по определённым моделям» [1971: 20]. Говоря о сложных прилагательных васюганского диалекта хантыйского языка, в частности, мы можем выделить три модели, по которым строятся данные лексемы. При изображении этих моделей будут использованы следующие сокращения: сл. пр. – сложное прилагательное, прос. пр. – простое прилагательное, числ. – числительное, нар. – наречие, суфф. – суффикс.

1) сл. пр. = прос. пр. + имя + суфф. (-ав, -ан., -ы);

2) сл. пр. = числ. + имя + суфф. (-ав, -ан., -ы);

3) сл. пр. = нар. + имя + суфф. (-ав, -ан., -ы).

Соотношение между частями основ рассматриваемых нами лексических единиц хантыйского языка обнаруживает сходство с кетским. Поэтому представляется уместным привести высказывание В. С. Бибиковой, которая, анализируя кетский язык, отмечает: «Сложнопроизводные прилагательные образуются путём простого соединения двух (реже трёх) слов-компонентов в единую словообразующую основу и присоединения к последней словообразовательного аффикса -ту.» [1970: 12]. Наблюдается аналогия между грамматической природой словообразующих основ в нашем случае и в случае образования сложных прилагательных в кетском языке, который описывает учена. Разница состоит лишь в том, что в качестве словообразующего аффикса в кетском языке выступает суффикс -ту: «Вне форм на -ту словообразующие основы являются свободными словосочетаниями чаще всего существительного с препозиционными агрибутами (прилагательными, числительными, наречиями). Аффикс -ту оформляет подобные определительные соче-

тания в одну монолитную лексическую единицу с конкретным значением обладания» [1970: 12]. В васюганском же диалекте хантыйского языка в качестве словообразующего аффикса выступает целый ряд суффиксов: -ав, -ан,, -ы. При этом наиболее часто используется суффикс -ав, в то время как суффикс -ы иногда присоединяется к тем же основам, к которым присоединяется и -ав. Случаи же присоединения к основе существительного суффикса -ан,, являются довольно редкими, если принять во внимание тот факт, что в хантыйско-русском словаре (васюганский диалект) выявлены единичные примеры сложных образований имени прилагательного, где в качестве словообразующего аффикса используется -ан.

Рассмотрим употребление каждого из аффиксов более подробно. Суффикс -ав присоединяется к основе существительного, перед которой, в свою очередь, стоит характеризующий её значение элемент (простое прилагательное, числительное или наречие) и таким образом грамматически оформляет эти две основы в монолитную лексику. Примечательным моментом здесь является то, что основы существительных в хантыйском языке широко участвуют в образовании и простых прилагательных без впереди стоящих основ, уточняющих значение, а просто при помощи присоединения суффикса. Но в этом случае таковым выступает суффикс -ан,, об этом говорит Н.И. Терёшкин, представляя одну из самых распространённых словообразовательных форм: «Прилагательные, образованные при помощи суффикса -эн, -ән, и обозначающие признак предмета, который в нём (в предмете) содержится или так или иначе у него наличествует. Прилагательные эти образуются большей частью от существительных: нэмсэн, – умный (нэмэс – ум, память), выэн, – хитрый (вый – хитрость) [1961: 56]. Эта информация подтверждается примерами из хантыйско-русского словаря, что говорит о существовании этого явления именно в васюганском диалекте: янан, – сухожилистый (ян – сухожилие) [ХРСВ: 337]; сатал,ын, – горбатый (сатал,ы – горб) [ХРСВ: 260]. При грамматическом оформлении простых прилагательных суффикс -ан, является наиболее употребительным, однако при образовании сложных прилагательных к тем же основам существительных вместо него присоединяется суффикс -ав: кёрян, – с ногой (кёр – нога) [ХРСВ: 80], нялахкёряв – коротконогий [ХРСВ: 181], охаркёряв – длинноногий [ХРСВ: 188]; кётан, – с рукой (кёт – рука) [ХРСВ: 82], нюл,аккётав – косорукий [ХРСВ: 173], минахкётав – косорукий [ХРСВ: 148]; автан, – волосатый (ават – волос) [ХРСВ: 28], ёрахавтав – редковолосый [ХРСВ: 64], қ,охававтав – длинноволосый [ХРСВ: 112], на-хиавтав – беловолосый [ХРСВ: 161]. Данное явление существует и в других диалектах хантыйского языка, в частности в ваховском, на что указывает Н.И. Терёшкин: awtəp – волосатый (awət – волос с головы человека), koYawtəw

– длинноволосый [1981: 20]. Самый же употребительный суффикс простых прилагательных –ан, в сложных образованиях имени прилагательного практически не употребляется. В хантыйско-русском словаре выявлено только несколько единичных примеров его использования: нялавётарян, – четырёхведерный, нялак, овлақ,ан, – четырёхжаберный [ХРСВ: 174], алқ,ыпарқ,ын, – слабодымный [ХРСВ: 28].

Особый интерес вызывает образование сложных прилагательных на –ы, поскольку этот суффикс не является в сложных прилагательных широкоупотребительным и в некоторых случаях заменяется суффиксом –ав, с небольшим изменением в значении лексем, что показывается в переводах М.К. Могутаева – составителя хантыйско-русского словаря: к,уталы – шестилетний [ХРСВ: 116], нялак,алав – восьмилетний [ХРСВ: 164]; к,орсары вет к,отлы – двадцатипятидневный [ХРСВ: 111], сатқ,отлав – стадный [ХРСВ: 247]. Суффикс –ы используется и в сложных прилагательных, где характеризующей основой (первым элементом) выступает не числительное: яляв алы – новогодний (ялав – новый, ал – год) [ХРСВ: 334]. При этом важно обратить внимание на то, что –ы присоединяется к основе существительного при образовании и простых прилагательных: алы – годовой (ал – год) [ХРСВ: 28].

Предположительно, этому суффиксу по значению соответствует суффикс –и, упоминаемый П.К. Животиковым: «Прилагательные второй группы образуются иногда с помощью суффиксов, имеющих значение обладания определённым признаком: йингки – мокрый (йингк – вода)» [62]. Принимая во внимание тот факт, что учёный описывает обской диалект хантыйского языка, мы можем предположить, что по значению суффиксы –и (обской диалект) и –ы (васюганский диалект) соответствуют друг другу, хотя по произношению, в силу диалектных различий, они несколько отличаются. Обоснование предположению о взаимосоответствии значений этих двух суффиксов мы находим опять-таки у П.К. Животикова, указывающего на суффикс –ынг, –инг, как использующийся при образовании прилагательных со значением обладания признаком [61,62]. Сопоставляя эти данные с информацией в работах Н.И. Терёшкина [1961,1981] и в хантыйско-русском словаре, мы приходим к выводу, что суффикс –ынг, –инг (у П.К. Животикова) соответствует суффиксу –эн,, –эн, (-ан,, –ан,) (у Н.И. Терёшкина). Следовательно, принимая во внимание то, как П.К. Животиков характеризует суффикс –и и переводит прилагательные с ним, и анализируя переводы М.К. Могутаева в хантыйско-русском словаре, мы можем говорить о соответствии этих двух суффиксов.

Итак, грамматическое оформление сложных прилагательных происходит посредством различных суффиксов, наиболее употребительным из которых является –ав, менее употребительны –ан, и –ы. Причём последние два аф-

фикса широко используются при образовании и простых прилагательных, в то время как –ав в простых образованиях малоупотребителен. Однако все вышеприведённые суффиксы объединяются по критерию семантики – все они обозначают наличие признака у предмета. Если анализировать сложные образования имени прилагательного в сравнении с данными других языков, то уместным представляется привести высказывание В.С. Бибиковой, которая говорит о прилагательных кетского языка с суффиксом -ан', указывающим на отсутствие признака: «...производные на -ан, как правило, не образуются от атрибутивных словосочетаний, т.е. для данной словообразующей модели не характерно образование сложнопроизводных имён прилагательных» [20]. Кетский суффикс –ан по значению соответствует хантыйскому суффиксу –лэҮ, –лэҮ, также указывающему на отсутствие признака [Терёшкин, 1961: 58]. Ввиду того, что в хантыйско-русском словаре нами не обнаружено ни одного сложного прилагательного с суффиксом –лэҮ, –лэҮ или с каким-либо другим суффиксом, имеющим то же самое значение, мы можем предположить, что сложные прилагательных, указывающих на отсутствие признака, в васюганском диалекте хантыйского языка не существует.

Таким образом, сложные прилагательные васюганского диалекта хантыйского языка служат для обозначения признака и различных его параметров у предмета в большинстве лексико-семантических разрядов. Грамматически сложные прилагательные оформляются аффиксом, преимущественно используемым только в этих лексемах, а также аффиксами, образующими и простые прилагательные.

Литература

1. Алиткина Л.А. Имя прилагательное в селькупском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1979.
2. Бибикова В.С. Образование прилагательных на –ту в кетском языке / Уч. записки. Выпуск 24. Кемерово, 1970.
3. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942.
4. Кузакова Е.А. Имя прилагательное в восточно-мансийском диалекте // *Linguistica Uralica*. Таллинн, 1991.
5. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.; Л., 1961.
6. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
7. ХРСВ – Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Составитель – Могутаев М.К. Томск, 1996.

Л. А. Захарова
Томский государственный университет
*К лексико-семантической характеристике
наименований улиц г. Томска в XIX веке*

В связи с тенденцией возвращения улицам городов России старых названий актуально изучение лексико-семантической характеристики микротопонимов г. Томска в XIX в., выявление причины появления того или иного наименования.

Основная система наименований улиц Томска сложилась к 80-м годам XIX столетия. Источниками топонимического материала по Томску XIX в. явились архивные данные, томская периодическая печать XIX в., историко-краеведческая, мемуарная, художественно-публицистическая литература, а также различные планы, карты и всевозможного рода справочники города. К этому времени в Томске насчитывается свыше 250 наименований площадей, улиц, переулков и закоулков. Среди них выделяем как официальные названия, закреплённые административной номенклатурой города, так и неофициальные, бытовавшие только в устной речи горожан.

Лексико-семантический анализ микротопонимов г. Томска строится на выявлении отношений мотивации, на поиске актуализированного в данный момент мотивирующего слова. Основное направление, по которому осуществляется связь с называемым объектом, принцип номинации.

Наименования улиц г. Томска в XIX в. появляются в результате действия следующих принципов номинации:

I. Наименование определяется отношением объекта к субъекту:

1) по фамилии (купца, домовладельца): Акимовская, Ерльковская, Королёвская и др. улицы; Баранчуковский, Тецковский, Акуловский и др. переулки; Валгусовский, Петровский и др. взвозы;

2) по имени: Алексее-Александровская, Всеволодо-Евграфовская, Евграфо-Никольская улицы;

3) по роду службы, социальному положению жителей: Дворянская, Офицерская, Солдатская, Арестантская и др. улицы;

4) по хозяйственной деятельности: Ремесленная, Торговая улицы, Кузнечный, Кустарный переулки и др.;

5) по национальной принадлежности: Татарская (улица, слободка, переулок), Эуштинская, Немецкая и др.

II. Улицы получали названия по отношению к другому объекту:

1) естественно образованному: Белая, Дальнеключевская, Луговая, Над Источная, Луговая, Подгорная и др.;

2. по городам и сёлам: Иркутский, Московский тракты, Ачинская, Бийская, Казанская, Киевская, Тобольская и др. улицы;

3. по близости к церквям и монастырям: Духовная, Благовещенская, Знаменская, Кирочная, Петропавловская и др. улицы;

4. по близости к служебным объектам: Вокзальная, Магистратская, Мельничная, Тюремная и мн. др. улицы;

5. по названиям близлежащих улиц, площадей, рядов: пер. Соляной (Соляная пл.), Благовещенский (Благовещенская ул.) и др.

III. Назывались улицы и по свойствам, качествам самого объекта:

1) по форме⁹ Кривая ул., Кривой пер.;

2) по величине: Большая ул., Малый пер.;

3) по времени возникновения: Новая (ул., пл., слободка);

4) по особенностям водотока: Водяная ул., лог Сухое Озеро, луг Заливной;

5) по пространственной ориентации: пер. Нижний, перевоз Верхний, районы – Верхняя и Нижняя Елань;

6) по характеристике объекта: Глухой пер., Страшный ров;

7) по удалённости объекта от именуемого субъекта (Ближний и Дальний ключи);

8) по характеру застройки и рельефа: Обруб, Уржатка (название тюркское: 'местность, понижающаяся уступами');

9) по особенности и порядку возникновения: пер. Первый Безымянный, Второй Безымянный и т.п.

IV. Среди микропонимов г. Томска XIX в. имеется группа названий, сочетающих разные принципы номинации и мотивировочные признаки. Таковы, например: ул. Большая Акимовская, Большая (Малая) Королёвская (сочетается величина объекта + фамилия); Новокарповская, Новопетровская (время образования + имя-фамилия);

Второй Карповский пер. (порядок возникновения + фамилия) и мн. др.

Итак, специфика семантики имени собственного, в частности, микропонима, связана с отражением одного индивидуального объекта в нашем сознании. Географическая действительность, социальная жизнь коллектива, особенности его хозяйственной деятельности, а также идеология времени регулирует отбор мотивировочных признаков, из которых складываются признаки номинации. Лексико-семантический анализ микропонимов строится на выделении мотивировочного признака, который в разные исторические эпохи может быть разным. Микропонимике г. Томска XIX в. присущ выбор признаков, продиктованный либо самой географической средой (Дальнеключевская, Болотная, Источная), либо связан с антропонимами – фамилиями, именами людей, игравших в жизни Томска XIX в. большую роль (Королёвская – Е.И. Королёв, Буткеевская – П.А. Буткеев) и т.п.

З.М. Богословская
Томский государственный университет
*Отражение формального варьирования слова в среднеобских
диалектных словарях разных жанров*

Описание такого языкового феномена, как формальное варьирование слова, представляет собой одну из труднейших задач словаростроения. И эта задача становится ещё более сложной при обращении к материалу устной народной речи, характеризующейся широкомасштабностью, разнообразием, индивидуальным «набором» вариантов слов в каждой частной диалектной системе. Отбор вариантных образований, способы и полнота их лексикографического портретирования во многом зависят от типа словаря. По мнению В.А. Козырева, всеобщей унификации в подаче вариантных единиц не может быть [12]. Рассмотрим с точки зрения «вариантного» вопроса среднеобские диалектные словари разных жанров (группы говоров / одного говора, дифференциальный / полный, общий / аспектный, узуальный / идиолектный), в создании которых принимал участие автор настоящей работы.

«Среднеобский словарь» под редакцией В.В. Палагиной (1983) – продолжение серии толковых словарей дифференциального типа. В него включена диалектная лексика старожилческих говоров Среднего Приобья, не вошедшая в опубликованные ранее пять томов (1964–1975 гг.). Как словарь-дополнение «Среднеобский словарь» содержит и новые вариантные ряды, и восполняет недостающие звенья вариантных цепочек, бытующие в разных говорах указанной территории. Вариантные единицы в этом словаре помещаются в разные словарные статьи. Основной способ показа их взаимосвязи – отсылочный. Приведём примеры:

АРЖАНУХА, и, ж. Ржаной хлеб. – Аржануха – аржаной хлеб из ржи, тёмный (Колп. Б.Сар.). Осенью спасом сеют рожь. Зимой молотили. Раньше на аржанухе росли (Том. Рыб.).

Том. (Колп. Том.).

АРЖАНУШКА, и, ж. То же, что аржануха. – Больше ржи сеяли, овсы. Ржаной хлеб ели, деревенски аржанушки называли (Шег. Кайт.).

В других случаях вариантные связи между единицами не указываются, но при внимательном чтении они, как правило, легко устанавливаются, поскольку семантизируются путём отсылки к одному и тому же литературному эквиваленту, например:

ВПЕРЕДКИ, нар. Впереди. – На саях сидишь впередки, говоришь, сядишь взади (Колп. Бар.).

ВПЕРЕДЯХ, нар. Впереди. – Вздаях – это когда на этом, на саях, на дровнях едут. Один впередях, а другой вздаях (В.-Кет. Б. Яр).

Такая подача вариантных образований в словаре диалектной макросистемы представляется оптимальной, хотя в лексикографической практике существуют и иные способы показа формальных видоизменений слов (см., например: “Словарь русских народных говоров”, 1999 г., вып. 33 под редакцией Ф.П. Сороколетова или “Словарь русских говоров Сибири”, 1999 г. под редакцией А.И. Фёдорова). Причём, нередко в процессе лексикографической работы первоначальный замысел составителей того или иного словаря относительно вариантных единиц меняется. В сводных словарях принципиальным, на наш взгляд, является не порядок размещения вариантных образований: объединение их в одну словарную статью или, наоборот, разведение их в разные словарные статьи, а строгая ареальная атрибуция каждого варианта слова.

Материалы дифференциального словаря группы говоров содержат факты для изучения своеобразия варьирования собственно областных слов и для их анализа в сравнительно-типологическом аспекте.

“Мотивационный диалектный словарь” под редакцией О.И. Блиновой (1982–1983, т. 1–2), принадлежащий к аспектным словарям, также опирается на материалы среднеобских говоров. В его состав входят слова с частотной актуализацией мотивационных связей, независимо от того, к какому лексическому пласту диалекта они относятся: общерусскому, диалектно-просторечному, собственно диалектному. Поэтому рассматриваемый словарь, во-первых, существенно расширяет показ варьирующейся лексики данного региона, во-вторых, является основой для исследования взаимодействия вариантности и мотивированности слова в разном – лексикологическом, морфологическом, словообразовательном, фонетическом – ракурсе. Например, как явствует из словаря, набор лексических и структурных мотиваторов (ЛМ и СМ) у вариантных единиц может быть одинаковым и различным. В зависимости от этого они находятся в одной словарной статье или оформляются в разные словарные статьи. Приведём примеры:

ОСТЯТКА, и, ж. и ОСТЯЧКА. Женщина остячкой народности.

ЛМ: остяк ‘представитель народностей хантов и селькупов’ (17).

– Баушка Фектиста тут замуж только вышла, а так она жила у остяков, остячка она (В.-Кет. Мох.). Русский берёт остятку, остяк – русскую (Пар. Гор.). Остяк сам с ружьём, а остячка с черканом (Карг. Пет.). Остяки, дак у них остячки-жёны охотничали, рыбу добывали (Пар. Нар.). А мой отец остячку взял. Одежду шили сами, у остяков научились (В.-Кет. М.Яр). Мать – остячка: остяки здесь по реке жили. Отец – русский (Шег.Карг.).

ОВСИЩЕ, а, ср. Поле, с которого убран овёс.

ЛМ: овёс ‘злаковое растение’ (16).

СМ: картовище (картопище) (2), клеверище (4), льнище (7), пшеничище (8), ржище (аржанище) (14), яровище (1) – названия поля, с которого (соответственно) убраны: картофель, клевер, лён, пшеница, рожь, яровой хлеб.

– Лучше на ржище, а рожь с которой полосы сжата, хороший родится, чистый, а ежели на овсище посеять, там растёт како-то разнотравье... Сеют с овсом, а где без овса (Мар. Тюм.). Как овёс уберём – так овсище остаётся, опосля льна – льнище, рожь – аржана жнива, кода пшаницу уберёшь – то пшаничище зовётся, после клевера клеверище (Зыр. Шин.)...

ОВСЯНИЩЕ, а, ср. Поле, с которого убрал овёс.

ЛМ: овёс 'злаковое растение' (4) и – овсяной (1).

СМ: просянище (1), аржанище (ржище) (5), жнивище (1), клеверище (2), пшеничище (пшенище) (3) – названия поля, с которого (соответственно) убраны: рожь, клевер, пшеница.

– Посконь. Жнива. Овсянища. Жнивища овсяная, ржаной (Тут. Барн.). Клеверище, где клевер сеют. Овсянище, рожь – аржанище, овёс – овсянище, просо – просянище (Кож. Кож.). Сожнут хлеб, значит это жниво называется. Овсянище, ржище – так и звали. Скажут, овсянище буду пахать, пшенище (Кож. Кож.).

«Мотивационный диалектный словарь» даёт возможность решать сложные вопросы, касающиеся связи вариантности и мотивированности слова в структурно-системном и функционально-динамическом аспектах: классифицировать варианты ряды с учётом мотивированности / немотивированности их компонентов, выявлять соотношение вариантности мотивем и вариантности мотиваторов, устанавливать степень продуктивности модели, по которой создан тот или иной вариант слова (по количеству структурных мотиваторов), изучать влияние мотивированности на актуализацию вариантов слова в речи и т.д. (см. подробнее: [1]).

Ценными источниками для исследования формальных модификаций слов являются опубликованный “Полный словарь сибирского говора” (1992–1995, т. 1–4) и публикуемый “Вершининский словарь” (1998–2000, т. 1–3...). По сравнению с предыдущими лексикографическими изданиями эти словари имеют целый ряд преимуществ для анализа формального варьирования слова. Во-первых, в них отражаются реально взаимодействующие в пределах одной коммуникативной системы варианты единицы. Во-вторых, как словари полного типа, они включают в себя различные разряды вариантной лексики: общерусский, диалектно-просторечный, локальный; мотивированный и немотивированный, частотный и малочастотный и др. То есть круг варьирующейся лексики, представленный в лексикографически обработанном виде, существенно расширен, увеличена также длина вариантного ряда. В-треть-

их, как “результаты глубинного лексикографического исследования системно-структурной организации диалекта” [2: 270] рассматриваемые словари дают разнообразную информацию о признаках вариантных единиц: о стилевой приуроченности, об эмоционально-экспрессивной окраске, о социально-речевой сфере употребления, о системной принадлежности, статистические сведения и пр.

Главным редактором О.И. Блиновой, а также составителями указанных полных словарей разработаны следующие правила лексикографического описания вариантов слова.

Вариантные единицы (акцентные, фонематические, лексико-грамматические, лексико-морфологические), не имеющие различий, обычно находятся в одной словарной статье. Приведём фрагмент “Полного словаря сибирского говора”:

ГРЯНУЧИЙ и ГРЯЗНУЩИЙ. Экспр. Очень грязный. Штанишки повесит, грязнучие висятся; Грязнуча [внучка]. Кажный день мой ея; Широчушпа – сильно широка. Есть матерушша – большой, матёрый. Такой матерушпий, говорят, ой, грязнушший такой. ДП 2 / П 1.

Варианты слов, различающиеся стилевой окраской, помещаются в разные словарные статьи, например:

ДЕВОЧКА, род. мн. девочек. 1. Ребёнок или подросток женского пола. – Иду нимо, а со мной девоцька; А тут девочки как подружки, они то экзамены сдают..., то итрабатывают, тут и ходить не с кем. О 38. // Дочь – Одну девочку вместе нажили, а ешшо у каждого по ребёнку было; Вот у ней уж девочка во второй класс перешла. ДО 55.

2. Девушка. – Раньше за позор, за стыд шшитали, что девочка вина выпила; Девочки, садитесь чай пить. ДО 51.

В **ДЕВОЧКАХ**. В юном, детском возрасте. – Я помню ешшо дома в девочкав была, дак иня к Петрову дню была; В девочкав я драла дуб, тальник в колке. Д 3. **ХОДИТЬ ДЕВОЧКОЙ** см. **ХОДИТЬ**.

ДЕВЧОНКА. Разг. 1. = Девочка 1. – Я говорю, что я бил девчонок беспощадно до пятого класса. О 58. // Дочь. – Я была старша в семье. Три девчонки были; Рябкина девчонка убежала, и моя убежит, поло оставит всё. ДО 18.

2. = Девочка 2. – Раньше парнишки и девчонки откупают вечерку, цалуются на коленях; Там сидит одна девчонка, её бросил ухажёр (из частуш.). О 49.

В **ДЕВЧОНКАХ**. До замужества. – Валька така была хороша в девчонкав. П 3. С **ДЕВЧОНКОВ**. В юном возрасте. – Дац она с девчонков пошла в кулинарно училище. Д 1.

Варианты слова, имеющие различия в системе значений, находятся также в разных словарных статьях. Проиллюстрируем это:

ЕЛЬНИК. 1. Еловый лес. – А у нас там такой пихтач, ельник; Ели много – так ельник, кедра – так кедрач, кода пихта – пихтач, черёмуха – так черемошник; А Урал весь в горах, весь в сопках, и ельник непролазный. О 8.

2. = Ёлка 1. – А, пихта, пихтач, есть да. Есть ельник, сосна, пихты, кедры. ДО 3.

ЕЛЬНЯК. = Ельник 1. – У нас ельняк там, еловый лес растёт. ДО 3.

Вариантные единицы, характеризующиеся одинаковой семантической структурой, но имеющие небольшие различия (в оттенках того или иного значения, в преимущественном употреблении в составе устойчивого словосочетания и т.п.), приводятся в одной словарной статье. Например:

БОЯРИН и **БОЯР**, мн. **БОЯРЫ** (**БОЯРЕ**). Устар. Участник свадебного обряда, гость на свадьбе. – Бояре, тысяцкий. Все бояры невесту дарят деньгами; Про невесту поют и про бояр всех, которы едут; Гуляли у жениха, конечно, первый день с утра и вечером потчеват, а там по боярам. Д 29. // Почётное звание, даваемое во время свадьбы ближайшему родственнику со стороны жениха, который следил за исполнением свадебного обряда. – Раньше вот ежели женился брат, то есть у него брат старший, значит он старшего брата боярином содит, боярином; Слушай- послушай, боярин, про тебя мы песню пели (из песни). Д 7.

БОЛЬШОЙ БОЯРИН. Устар. Один из почётных участников свадебного обряда. – Рядом с женихом – большой боярин, а остальные – просто гости. Д 10. **МЛАДШИЙ БОЯРИН.** Устар. Помощник “большого боярина”. – Свадебный поезд едет. Свадьбишны едут, бояре-гости, ребята холостые. И старшие бояре были, и младшие, и большие. Д 3. **СТАРШИЙ БОЯРИН.** Самый почётный участник свадебного обряда, руководитель ритуала. – Бояр несколько. Различали: один – старший боярин, большой боярин, потом младший боярин. Д 2.

Таким образом, в «Полном словаре сибирского говора» члены вариантных цепочек могут быть «оторвань» друг от друга. Кроме названных причин, это объясняется и тем, что словарные статьи представлены здесь по дифференциальному типу. Общерусские единицы, в том числе варианты, не обнаружившие диалектных особенностей, помещены в словники, завершающие каждый том словаря. Последний недостаток (разумеется, с точки зрения рассматриваемого вопроса) преодолён в «Вершининском словаре», где все «словарные статьи, включая статьи с общерусскими заглавным словом, не имеющим диалектной специфики, представлены в «развёрнутом» виде, со всеми компонентами словарной статьи...» [3: 3].

На фоне многих областных словарей русского языка полные словари с. Вершинино, составленные после предварительного выявления и описания

формальных модификаций слов, выделяются широким показом лексической вариантности народно-разговорной речи. Однако и они далеки от совершенства. Например, при формировании корпусов данных словарей некоторые вариантные связи единиц оказались не обнаруженными. Так, не соотнесены друг с другом словарные статьи *вьюрок* (1-й том) и *юрок* (4-й том) и т.д. То есть сам материал диалектных словарей общего типа представляет собой базу для установления вариантных отношений лексем. Показательным является и тот факт, что авторы сводного словаря русских диалектов сочли необходимым вернуться к «вариантному» вопросу и поместили в 22-м выпуске своего обширного труда статью «Принципы разработки вариантов слов в «Словаре русских народных говоров», где констатируют, что принципы разработки вариантных единиц не могут быть определены до начала работы над словарём: для этого необходимо было выявить и проанализировать всё многообразие материальных вариантов слов в русских диалектах [10: 87].

В отличие от вышеуказанных узуальных словарей, словарь рядового носителя языка, создаваемый под руководством Е.В.Иванцовой, относится к идиолектным. Корпус данного словаря отражает лексику и фразеологию представителя архаического типа говора – коренной жителяницы с. Вершинино Томской области В.П. Вершининой. «Дополняет характеристику языка информанта серия приложений: топонимы, антропонимы и прочие имена собственные; пословицы, поговорки и присказки; образцы связных текстов различных речевых жанров» [11: 144]. По охвату материала словарь является полным, недифференциальным, по цели лексикографирования – толковым.

Словарь языка личности во многом наследует достижения опубликованных Вершининских словарей: указывается сотнесённость каждой лексической единицы с основными формами национального языка, фиксируется количество словоупотреблений в картотеке и др. Вместе с тем в идиолектном словаре по сравнению с узуальными словарями сибирского говора выражено стремление более детального портретирования каждого слова, как варьирующегося, так и неварьирующегося. Например, словарная статья содержит подробную грамматическую характеристику слова, нетипичные особенности произношения единицы и т.д.; в иллюстративной части подчёркиваются регулярно проявляющиеся в речи системные отношения – синонимии, антонимии. Отношения же формального варьирования, как и семантического варьирования, омонимии, мотивационных отношений, прослеживаются в заглавной части статьи, при расположении вариантов или при алфавитном упорядочении лексем [11: 145].

В предварительном виде словарная статья, включающая в себя варианты образования, выглядит следующим образом:

ХВОРОСТЫ, -ов, мн. и ХВОРОСТ, -а, м. Сибир. Рассыпчатое печенье из тонких полосок теста. – С Физа Григорьевной вчера хворосты стряпали; Хворост: разобьём, ну например, одно яичко, ложечку чайну водки, маленько сольцы, сахарку; Розанцы, ага, стряпают, ну хворост, или розанцы; “Хворосты” зовут, ну и “розанцы” звали раньше. ДО 17 и О 6.

Вопреки мнению некоторых учёных (В.П. Тимофеева, Т.С. Коготковой, Э.Д. Головиной и др.) материалы данного словаря демонстрируют распространённость формального варьирования слов в языке одной личности – носителя традиционного диалекта: *квартира – квартаера, литр – литра, опалить – опалить, так – дак – дык* и др. В связи с выдвиганием в центр современной лингвистической парадигмы принципа антропоцентризма, коммуникативно-деятельностного принципа идиолектный словарь представляет большой интерес для исследования индивидуального варьирования слова.

Следующий словарь – «вариантный». До последнего времени в диалектологии существовали лишь проекты словарей, специально посвящённых формальным вариантам слов [4–6 и др.; 10: 83–99]. Так, Э.Д. Головина, планируя составление “Диалектного словаря формальных вариантов” говоров Кировской области, писала о научной перспективности сводного диалектного словаря вариантов на базе “Словаря русских народных говоров” и многочисленных местных лексикографических изданий последних лет. “Сводный словарь вариантов интегрировал бы разрозненные факты под знаком общеязыковой теории вариантности, дав наглядный материал для типологических исследований русских говоров в области фонетики, лексики, словообразования, морфологии, а также для сравнительно-исторического изучения славянских языков и их говоров. Помимо этого, работа над сводным диалектным словарём вариантов послужила бы делу унификации пока не скоординированных лексикографических опытов и помогла бы выработке единых научно-теоретических и практических основ словарной разработки вариантных единиц языка” [10: 85].

В целях систематизации и всестороннего изучения формальных вариантов слова как лексических единиц, сосуществующих в хронологическом и пространственном планах языка, мы предприняли попытку создания такого словаря на материале русского старожильческого говора Томской области. В настоящее время вышел в свет первый том толково-аспектного «Словаря вариантной лексики сибирского говора» [7], в котором учтены плюсы и минусы предыдущего опыта интерпретации альтернирующих слов в вышеназванных словарях. В «Словаре вариантной лексики...» формальная модификация слова представлена как многомерное явление, как сложная совокупность материальных и семантических видоизменений слова, как сплетение в некоторых случаях отдельных

лексем разных слов. Будучи необходимым прежде всего для развития теории тождества слова и теории варьирования слова, «Словарь вариантной лексики...», в особенности в комплексе с другими жанрами Вершининских и иных диалектных словарей, обладает огромными информативными возможностями для решения разнообразных лингвистических задач (см. об этом подробнее: [5, 6, 8, 9]). Структура, принципы, материалы данного словаря могут стать основой для теоретических дискуссий о лексикографическом типе и лексикографическом портретировании вариантных единиц в разных жанрах словарей, а также эмпирической базой для создания новых работ.

Литература

1. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
2. Блинова О.И. Послесловие // Полный словарь сибирского говора. Т. 4: С–Я / Главный ред. О.И. Блинова. Томск, 1995.
3. Блинова О.И. Предисловие // Вершининский словарь. Т. 1: А–В / Главный ред. О.И. Блинова. Томск, 1998.
4. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики одного говора (структура и принципы построения) // Русские говоры Западной Сибири: Сб. статей. Тюмень, 1982.
5. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики – новый тип диалектного словаря // Русские говоры Сибири: Семантика. Томск, 1995.
6. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики как диалектный словарь системного типа // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске. Красноярск, 1997. Т. 1.
7. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Т. 1: А–К / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2000.
8. Богословская З.М. Формальные варианты слова в лексикографическом аспекте // Актуальные проблемы русистики: Сб. статей. Томск, 2000.
9. Богословская З.М. Информативные возможности «Словаря вариантной лексики сибирского говора» // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О.И. Блиновой. Томск, 2001.
10. Головина Э.Д. Формальная вариантность в речи диалектного типа. Киров, 1991.
11. Иванцова Е.В. О словаре рядового носителя языка // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы Всероссийской конференции, посвящённой 120-летию Томского университета. Томск, 1998.
12. Козырев В.А. Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986.

Л.М. Райская

Томский государственный педагогический университет

О диалектном словаре нового типа

Сибирская лексикографическая «диалектиана» обогатилась новым видом толково-аспектного словаря, отражающего одну из наиболее характерных

особенностей народного говора – обширнейшую систему формальных вариантов слов. Впервые лексикографическому описанию подвергнуты единицы, демонстрирующие реальные внутрисловные синхронные связи. Речь идёт о I томе «Словаря вариантной лексики сибирского говора» З.М. Богословской, вышедшем в свет в 2000 г. под редакцией О.И. Блиновой в Томском государственном университете.

Как и любой тщательно составленный словарь, данная работа представляет собой результат многолетнего накопления, обработки уникального языкового материала и изысканий автора в области теории тождества слова и теории варьирования слова. Для любого лингвиста и вообще ценителя русского слова самоценно первое впечатление от прочтения словаря: это не только панорамное обозрение категории вариантности, но и освежающе объёмное, «голографическое» ощущение многообразия и богатства живой материи языка, неиссякаемой избыточности его форм, которая является ресурсом динамичного и сбалансированного развития.

Разумеется, такое полное и вместе с тем экономичное представление материала было бы невозможным без глубочайшей разработки теоретических основ «Словаря вариантной лексики...». Автор использовал ценнейший опыт Томской школы диалектной лексикографии и обогатил его детальной, ювелирной разработкой критериев отбора варьирующихся слов, принципов и способов их описания. При этом замечательно гармоничное сочетание формального, семантического, системного и функционального подходов к интерпретации собственно вариантов слова, вариантоидов и разных слов.

Как известно, диалектные словари достаточно широко представляют варьирование слова и иллюстрируют его текстами и метатекстами, однако в «Словаре вариантной лексики...» это явление отражено в наиболее чистом, концентрированном состоянии и убедительно доказывается продуманным иллюстрированием. Так, к вариантному ряду с основной единицей *американка* приводится пять контекстов, которые в совокупности не только показывают характер, динамику функционирования слова в вершининском говоре, но и создают мозаичную картину самого понятия, денотата.

Как верно отмечает автор в предисловии, «Словарь вариантной лексики...» имеет не только региональное значение, но и позволяет решать ряд теоретических задач по различным аспектам проблемы тождества слова, может способствовать дальнейшему осмыслению вопросов лексикализации фонетических и морфологических процессов, социально-стилистического расслоения языка, адаптации заимствований и др. Хотелось бы добавить, что рецензируемый словарь представляет своеобразную энциклопедию современного сибирского села и будет по достоинству востребован и оценен

не только лингвистами, но и этнологами, и социопсихологами, и, как это уже случалось с томскими диалектными словарями, мастерами художественного слова.

О.В. Пришкевич, И.Б. Горлачева

Томский государственный университет

Особенности консонантизма немецкого “островного” говора Сибири

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности консонантной системы немецкого “островного” говора с. Кожевниково Томской области, ранее не подвергавшегося специальному изучению. Фонетическое описание данного узуса является частью научно-исследовательского проекта факультета иностранных языков ТГУ под руководством З.М. Богословской.

Согласные фонемы в указанной микросистеме имеют следующие признаки:

1. По интенсивности артикуляции (участию голосовых связок) выделяются 3 группы согласных: глухие – [p], [t], [k], [f], [h], [x], [c], [ts], [tʃ], звонкие – [b], [d], [g], [v], [z], [j], сонорные – [m], [n], [l], [r], [r]. В исследуемом говоре наблюдается подавляющее наличие глухих согласных. В начальной позиции (в начале слова, морфемы) звонкие согласные оглушаются до полувонкости, как в Hochdeutsch, а иногда полностью (почти без аспирации). Приведем примеры оппозиций из литературных и диалектных единиц с [g] – [k], [d] – [t], иллюстрирующих данное явление: Gurke – [ˈkurgɔ], Donner – [ˈtʊndɔr], Geld – [kɛlt], Blut – [plu:t], gern – [kɛrn], gelle – [ˈkɛlɔ]. Иногда оглушается [v]: From is der Reiche klug? Weil er viel Kelt [Geld] hat. В отличие от Hochdeutsch звук [z] в начале слова тоже оглушается и звучит как [s]. Сравним образования из двух форм языка: Sünde – [sɪndɛ], süß – [si:s], sei – [sae]. Tado hatte zwei Ferde, zwei Sei, siewen Schweine. Типично оглушение в конце морфемы/слова. Приведем иллюстрирующие данный признак оппозиции из литературного и диалектного слова: Geld – [kɛlt], gebst – [ke:pst]. Gebst mich Geld? – говорят диалектоносители. Звонкость согласных проявляется в основном в интервокальной позиции, в отличие от литературного языка, где согласные обычно глухие. Сравним литературные и диалектные единицы: с [t] – [d] Wetter – Wedder, Butter – Pudder, Otto – Odo, Mutter – Mudder, Vater – Vader, с [k] – [g] Gurke – Kurge, Enkel – Engelder, с [pf] – [b] Apfel – Abel, с [f] – [v] Loeffel – Lewel, Kartoffel – Kartowel, laufen – laava. Иногда звонкость встречается и в конце морфемы. В спонтанной речи это выглядит следующим образом: “Morge, Morge – nur nit heit, sage alle faulen Leid.”

2. По виду артикуляции выделяются следующие группы согласных: смычно-взрывные: [p], [b], [t], [d], [k], [g], фрикативные (спиранты), или щелевые: [f], [v], [s], [z], [j], [h], [x], [ʃ], [ʒ], аффрикаты: [ts], [tʃ]. Аффриката [pf] отсутствует в данном диалекте, ей соответствует фрикативный [f] или смычно – взрывной [p], или даже [b]. Сравним литературные и диалектные слова: Kopf – Kopp, Zopf – Zopp, Pferd – Ferd. (Как известно, отсутствие перебоя [p] – [pf] – [f] характерно для нижненемецких диалектов). Данное явление иллюстрируется примером литературного и диалектного соответствия: Apfel – Abbel. Смычно-проходные (сонорные) – [m], [n], [l], [ŋ]. В исследуемой микросистеме присутствует исключительно один вариант вибранта [r] – переднеязычный. Вокализованный [r] почти не проявляется в силу отсутствия язычкового (увулярного) [R].

3. По месту артикуляции в немецком говоре выделяются, во-первых, губные: губно-губные (билабиальные): [p], [b], [m] – и зубно-губные (лабиодентальные): [f], [v]. Часто можно заметить переход в интервокальной позиции от билабиального звонкого [b] в лабиодентальный звонкий [v]. Приведем примеры из двух форм языка: Arbeit – Arweit, sieben – siewe, selber – selwe, Knoblauch – Knowlauch, Zwiebel – Zwiewel. Übermorgen will ich nach Deutschland fahren. – Iwermorgen will ich noch Teitschland fahren. Во-вторых, язычные. К переднеязычным (альвеолярным) фонемам относятся фонемы: [t], [d], [s], [z], [n], [l], [r], [ts], [ʃ], [tʃ], [ʒ]. Глухие переднеязычные, как правило, преобладают в силу указанных выше причин. Приведем примеры из двух форм языка: c[d] – [t] Dill – Till, Dad – Tado, c [z] – [s] süß [zy:s] – siß [si:s], иногда [c] звучит как [ʒ]: Kirche – [ˈkerʒð]. Литературный [d] коррелирует с диалектным [n]: Kinder – Kinner. Ich denge immer an meine Kinner. Среднеязычные (препалатальные): [j], [ç]. Заднеязычные (постпалатальные): [k], [g], [ŋ], велярный [x]. Велярный [λ], характерный для Hochdeutsch, в диалекте отсутствует. В конце морфемы глухой заднеязычный [x] часто переходит в глухой среднеязычный [ç] (явление спирантизации смычно – взрывной – фрикативный). Приведем еще примеры литературных и диалектных соответствий: Berg – [berk] – [berç], Weg – [ve:k] – [ve:ç].

В интервокальной позиции перед гласными переднего ряда [g] звучит как [j]. Примечательно, что это [j] звучит иногда как велярное украинское [g]. Сравните литературные и диалектные единицы: legen – [ˈlejðŋ], morgen – [ˈmorje], Bratigam – [ˈbraetja:m]. Morge, morge nur nit heit. После гласных заднего ряда [k]/[g] звучит как [x]. Приведем примеры из двух форм языка: klug [klu:k] – [klu:x], sage [ˈza:gð] – [ˈza:xð], Auge [aogð] – [ˈa:xð].

Фарингальный (зевный) звук [h] произносят в следующих примерах: Ich hun viel gearweidet. From hust tu viel Kelt und gebs mir nixt? (Warum hast du viel Geld und gibst mir nicht?) Увулярный [R] не выявлен.

Таким образом, консонантизм исследуемой диалектной микросистемы обнаруживает черты, как общие с литературной формой немецкого языка, так и специфические, региональные.

А.С. Воробейчикова, П.В. Киселева

Томский государственный университет

*Заметка о грамматических особенностях немецкого
«островного» говора Сибири*

Объектом нашего внимания является немецкий говор Кожевниковского района Томской области, изучение которого начато с 2000 г. на факультете иностранных языков ТГУ.

Указанный говор представляет собой особое языковое образование, которое долгое время развивалось в отрыве от материнского диалекта и немецкого литературного языка и является результатом интерференции двух языков – немецкого и русского. Следствием этого развития, проходившего по своим законам и нормам, стала качественно новая, в частности, грамматическая система, характеризующаяся целым рядом особенностей.

Начнем рассмотрение данных особенностей в сфере артикля, выполняюще-го важные грамматические функции: указание на род, число и падеж имени существительного. В устной речи российских немцев определенный и неопределенный артикль выступает в редуцированной форме или же опускается. В большинстве случаев носители диалекта проговаривают определенный артикль как [dr] (der), [de] (die) и [des] или [s] (das), к примеру, [‘s Kin(t)] и неопределенный как, например, a Tochter (eine Tochter), an Kilometer (ein Kilometer).

Однако чаще при употреблении имен существительных в связной речи артикль «опускается» и грамматическая нагрузка переходит на словоформу. Значение рода также выражается имплицитно – в семантике слова. Например: die Katz(e) (die Katze – кошка), dr Kader (der Kater – кот). Категория множественного числа выражается изменением формы слова и (или) добавлением окончания: Kuh – Kihe (die Kuh – Kühe), Maus – Mäuse (Maus – Mäuse). Литературное окончание -(e)n в диалекте встречается крайне редко.

Для передачи падежных отношений используются притяжательные местоимения или же существительные связываются самостоятельно без участия вспомогательных грамматических единиц.

В качестве уменьшительно-ласкательного суффикса обычно используется суффикс -di или -i: Has – Hässi (der Hase – das Hässchen), Schwein – Schwandi (das Schwein – das Schweinchen).

Явные различия с немецким литературным языком наблюдаются при образовании сравнительной и превосходной степеней имен прилагательных. Так, для образования превосходной степени часто используется аналитическая форма – местоимение + прилагательное: Schen – schener – aller schönst или aller schenst (schön – schöner – am schönsten). Gut – bes(s)er – aller beste (gut – besser – am besten).

В говоре по сравнению с литературной формой языка порядковые и количественные числительные, как простые, так и составные, имеют некоторые различия в произношении: 1 – an, 2 – zwa, 3 – dra, 4 – vier, 5 – finf, 6 – sechs, 7 – si(e)va, 8 – acht, 9 – nein, 10 – zein, 11 – elv, 12 – zwelf(v); erste [ˈɛrft] (erste); dre tausen(d) vier hunnert zwa un funfzig (3452).

Личные и притяжательные местоимения имеют значительные расхождения с литературными формами только в 3-м лице единственного и множественного числа. На месте личных местоимений 3-го лица единственного числа er, sie, es в диалекте употребляются der, die, das и форме 3-го лица множественного числа sie соответствует dre.

Формы 3-го лица единственного и множественного числа притяжательных местоимений не имеют аналогов в данном говоре. Для обозначения отношений принадлежности в говоре используется предлог von или неизменная форма притяжательного местоимения: Das Haus is(t) von ihr (sie). Das Haus is mein Vader. В Датив носителями народного языка часто употребляется dich вместо dir и mich вместо mir: Ich gratuliere dich. Geb mich!

Более всего соответствий с немецким литературным языком наблюдается в функционировании возвратных местоимений: Ich wasche mich. (Ich wasche mich).

В образовании форм глаголов также наблюдаются отличия от образования аналогичных форм немецкого литературного языка. Так, например, неопределенная форма глагола (Infinitiv) употребляется носителями диалекта без окончания –n: Ich gehe fische (Ich gehe fischen). При спряжении сильных глаголов в настоящем времени часто отсутствует умлаут: du fallst (du fällst); der, dre fallt (er, sie, es fällt). Также нередко наблюдается расхождение с литературной формой языка и в управлении глаголов: denk(g)e an/am Akk. (denken an Akk.); besorge am Akk. (etw. besorgen). Ich denk(g)e immer on meine Kinner. Причастие совершенного вида (Partizip II) образуется как в соответствии с нормами немецкого литературного языка, так и с некоторыми особенностями: gemocht, gelaute, geganga, gebacka (без окончания –n). Активно используются в устной речи формы Perfekt (реже – Präteritum), Konjunktiv (сослагательное наклонение): Die Sun is ufgegame (Die Sonne ist aufgegangen). Wann dre Widderung schen wär, ging ich nach Schwamm (Wenn das Wetter schöner ware, ginge ich Pilze suchen).

В отличие от немецкого литературного языка в данной диалектной форме языка не всегда соблюдаются рамочные конструкции: *Ich wäre gegangen in dre Bude*.

При образовании сложных временных форм вспомогательные глаголы *haben*, *sein*, *werden* имеют те же особенности образования и употребления, что и в современном немецком литературном языке.

Многие наречия в говоре и кодифицированной форме языке идентичны, но встречаются и собственно диалектные варианты, такие как *arch* (*sehr*) и *jo* (*doch*): *Metje is arch schen* (*Mädchen ist sehr schön*). *Kommst du nit?* – *Jo!* *Ich komme*. (*Kommst du nicht?* – *Doch!* *Ich komme*).

И.Л. Сапранова

Московский педагогический университет

*К вопросу о немецких заимствованиях в английском языке
в конце XX века*

1. Особый интерес к вопросу о немецких заимствованиях в английский язык объясняется расширением в настоящее время языковых контактов. С развитием экономических, политических и культурных связей народ одной страны, естественно, начинает активно приобщаться к культуре другого посредством заимствований из языка, обладающего достаточными средствами для выражения всех необходимых научных, технических и историко-культурных понятий.

2. Технический прогресс, развитием которого характеризуется наше общество, начинает представлять собой угрозу общественному здоровью. С 1987 г. в международном праве широко употребляется термин *Vorsorgeprinzip* – принцип предупреждения риска, провозглашенный на II Международной конференции по охране Северного моря. В международное правило принцип вошел благодаря Договору о Европейском союзе 1992 г.

3. Фактический материал показывает, что большую часть заимствований составляют имена существительные, обозначающие предметы, состояние и акты действия, нежели заимствования, обозначающие свойства предмета или его состояние и действие.

4. В научных и общественно-политических текстах, в журналах на английском языке «*Nature*», «*New Scientist*», «*The Economist*» за 1998 г. употребляются немецкие слова и словосочетания часто нетерминологического характера, а просто номинативного. Поэтому эти немецкие слова и словосочетания часто сопровождаются переводами на английский язык в скобках

или сразу после запятой. Например: the Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG), the German science council; the Fachhorer (a special student).

5. Все заимствованные существительные в английском языке претерпевают изменения в лексико-грамматическом отношении. Они теряют грамматический род, который был у них в немецком языке. При чтении и в устной речи немецкие заимствованные и заимствующие слова произносятся носителями английского языка с незначительными отклонениями от немецких произносительных норм.

Е.С. Новикова

Кузбасский государственный технический университет (г. Кемерово)

*Об одном принципе отбора терминов для работы
с научно-техническим текстом*

В статье рассматриваются английские электротехнические термины со стороны их структуры и значения, т.е. в той степени, в которой они являются компетенцией лингвиста.

С точки зрения лексического состава языка электротехническая терминология относится к сложнейшим системам: в ее рамках функционируют термины многих других отраслей – математики, радиотехники, электроники, вычислительной техники и др. По этой причине необходимо принять следующее рабочее условие: из-за единого источника получения материала все исследуемые в статье считать терминами электротехники.

Научно-техническая терминология представляет собой наиболее быстро развивающуюся часть словарного состава языка, в ней отражается все новое, что происходит в науке и технике. По подсчетам специалистов, лексика многих языков в значительной мере – от 50 до 80% – пополняется за счет терминов. Это обстоятельство, а также быстрый рост научно-технической информации делают проблему исследования терминологии актуальной с теоретической и практической точек зрения.

Для понимания сущности термина важной является теория терминологического поля, разработанная А.А. Реформатским. Поле для термина – это терминология данной отрасли науки, техники. Оно представляет собой не просто совокупность терминов, но и систему терминов, объединяющих понятия данной отрасли знаний. Исследователи отмечают двойную роль терминологического поля для функционирования терминов науки и техники: оно ограничивает набор терминов данной области знаний и определяет их место внутри поля.

В статье выявляются основные модели терминов в плане словообразовательной структуры и значения.

Основные понятия, используемые в данной статье: термин – слово или устойчивое сочетание, служащее наименованием понятия для области знаний, производства, культуры; модель – это единая для словообразовательного ряда схема его организации, отражающая характер компонентов производного и порядок их расположения; структура – это форма организации единицы языкового выражения, имеющая закономерный характер, связанный с системой языка. Материал получен методом случайной выборки из генеральной совокупности, которой в данном случае является терминологический словарь [1]. Это исключает фактор субъективизма, так как «...когда о всей совокупности ничего неизвестно, единственной гарантией репрезентативности может служить случайный выбор» [3].

По таблице случайных чисел были отобраны 66 страниц словаря, что составило 10% от всего корпуса словаря, насчитывающего 678 страниц. Полученная указанным образом выборка составила более 2000 терминов, построенных по разным языковым моделям: простым, производным, сложным, словосочетаниям.

Выборкой выявлена группа терминов большого функционального веса – их принято называть «стержневыми словами» из-за их лингвистической валентности – вокруг них группируются большие ряды терминологических словосочетаний (ТС). Количество и характер их компонентов позволяет свести их в различные разряды.

Производные термины – суффиксальные или префиксальные – построены по словообразовательной модели, которая двухкомпонентна либо представлена однословными терминами двух-трех частей речи, совпадающими по форме. Всего их 68%. Например: cable house, radio, relay, socket, start, level etc. Совпадение значений различных частей речи в одной языковой оболочке трактуется как проявление принципа лингвистической экономии и присуще многим языкам.

Термины с выраженной производностью представлены суффиксальными моделями с суффиксами: -er, -or, -ian, -tion, -ty, -ing. Префиксальные модели терминов относительно многочисленны, часть из них содержит термиозлементы из латыни и греческого языков типа:

bi-, -chron, hyper-, sub-, super-, syn-, port-. Модели сложных слов соответствуют моделям п + п, п + Ved, п + п (-er), а + п, п + Ving.

Далее термины сведены в группы на основе общности значения и способности передавать название: 1) действия; 2) лица, исполнителя действия; 3) инструмента, прибора; 4) состояния в результате действия. Такой методи-

ческий подход направлен на то, чтобы прочно усвоить значение терминов для работы с текстом. Отметим, что в работе подтвердился именной характер терминологии, ранее изученный многими исследователями [4].

Литература

1. Англо-русский электротехнический словарь. М., 1961.
2. Англо-русский политехнический словарь. М., 1979.
3. Павловский З. Введение в математическую статистику. М., 1967.
4. Термин и слово: Межвуз. сб. Горький, 1981.

Л.С. Зникина

Кузбасский государственный технический университет

Формализация текста и построение адекватной языковой модели

Рассмотрим перевод информации с одного языка на другой как модель процесса информирования, то есть переход информации из одной языковой системы в другую. Язык обеих систем выполняет две основные функции: описание реальной действительности и передача об этой действительности семантической информации в знаках этих систем.

В теории информационных систем семантическая информация классифицируется на первичную и вторичную. Очевидно, первоисточник информации, с которой делается перевод, может быть назван первичной информацией. Отношения между элементами языковых систем являются структурированными и образуют модель перевода информации с определенным уровнем адекватности. Для получения вторичной семантической информации (в нашем случае – перевода) необходим лексический, грамматический, семантический и логический анализ первоисточника. С этой точки зрения получение вторичной семантической информации рассматривается как продолжение процесса познания объекта и является моделью первичной информации. Степень формального соответствия такой модели первоисточнику находится в прямой зависимости от поставленной цели перевода, а также намерений и знаний автора (субъективных факторов).

Представление перевода в виде реферата можно назвать формализацией первичной семантической информации. Следуя теории систем, схему преобразования первичной информации во вторичную (переход из одной языковой системы Я¹ в другую Я²) можно представить модельным отношением элементов этих систем – так называемым конструктивным отношением и пренебрегающим; первое отношение отображает переход из системы с более простой языковой структурой в систему с более сложной структурой. Пре-

небрегающее отношение определяет обратный переход, что в нашем случае соответствует формализованному переводу. Информация, которую несет первая языковая система, является при решении конкретной лингвистической задачи избыточной, а информация системы, в терминах которой сделан перевод, является достаточной. Прагматический фактор, то есть конкретная постановка задачи, определяет степень формализации и, в данном случае, достаточности Я².

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать принципы перевода семантической информации из одной языковой системы в другую:

а) формализованный перевод семантической информации должен рассматриваться как результат перехода избыточности языковой системы Я¹ в достаточность системы Я²,

б) при формализации вторичная семантическая информация может быть представлена функционально и структурно упрощенной схемой по отношению к первичной;

в) степень упрощения (формализации) определяется намерениями автора или конкретной постановкой задачи.

Совершенно очевидно, что обе языковые системы, исходя из постановки задачи, не могут быть эквивалентны. Более того, они не должны быть эквивалентны. С точки зрения практических задач возникает проблема «допустимой неэквивалентности». Оптимальному количеству допустимой потери семантической информации соответствует оптимальная степень эквивалентности в функциональном и структурном смысле. Ориентируясь на перевод и представление его в формализованной форме, мы более говорим об эквивалентной реакции, а не об эквивалентной форме. Эквивалентная форма целиком ориентируется на исходный язык, воспроизводя как можно точнее форму и содержание источника и сохраняя связь между знаком и обозначаемым. Тем не менее, в обоих случаях должны быть выдержаны одни и те же условия: удовлетворять требованиям и норме языка, на который делается перевод, и соответствовать контексту сообщения. В процессе коммуникации этот фактор называется «лингвистической уместностью» (Jager G. *Translation and Translationslinguistik*, 1975).

Что касается адекватности, то вторичная семантическая информация (Я²) при правильном решении поставленной задачи адекватна первичной (Я¹). В противном случае это противоречило бы структурному, аналитическому и логическому преобразованию информации. Сущность такого преобразования – не в получении формальной копии, а в сохранении коммуникативной значимости. Поэтому возникает вопрос в выборе метода сжатия семантической информации. Это может быть строго фиксированная модель при фор-

мализованном задании, когда содержание первичной семантической информации приспособляется к предварительно заданной логической структуре. Выраженные общими понятиями аспекты модели раскрываются конкретным содержанием первичной семантической информации. Сжатие информации может быть более субъективным, когда уровень обобщений одной и той же первичной информации может быть разным. Логическая структура первичной информации при этом разрушается и создается новая, с меньшим содержанием: либо отбрасываются несущественные признаки, либо заменяются конкретные признаки первичной информации более общими понятиями, отличными от имеющихся в оригинале.

Если перевод рассматривать как вероятностную модель языка, то в терминах теории информации эта модель как непротиворечивая логическая система никогда не может быть полной. Логическая система, состоящая из множества правил и аксиом, при ее расширении не может быть завершена, оставаясь открытой: любое расширение аксиом остается строго фиксированным (теорема Геделя о неполноте логических систем). Именно такой открытой системой является язык, адекватно и в то же время различными способами передающий информацию об окружающем мире.

Основываясь на этом, можно сделать вывод общеметодологического характера: не может быть единственной формы адекватного перевода, поскольку, несмотря на строгую логику системы языка, мышление человека всегда богаче его формы. Полиморфизм языка – одна из возможностей допущения «неадекватности» логики нашей коммуникации при кажущейся жесткой дедуктивной структуре языка как системы.

Исследование соотношения языковых систем (первоисточник и его перевод или первоисточник и его формализованное представление) по критерию «допустимой неадекватности» является центральной проблемой перевода или формализации семантической информации, поскольку это является путем поиска сохранения необходимой инвариантности вторичной информации при некотором структурном и функциональном изменении первоисточника.

Т.В. Вяничева

Томский государственный университет

*К вопросу о тематических группах идентифицирующего пласта
субстантив-субстантивной синлексики как фрагменте языковой
картины мира*

Субстантив-субстантивная синлексика (далее: С-С синлексика) современного русского языка, как свидетельствует наблюдения над большими масси-

вами фактического материала, хорошо укладывается в новые теоретические схемы онтологического характера современной лексикологии и, главным образом, в схему языковой картины мира (далее: ЯКМ).

Составными частями ЯКМ являются слова, словосочетания, средства связи между словами и предложениями, а также схемы синтаксических конструкций.

Единица ЯКМ, как мы её понимаем, это обозначение одного отдельного факта внеязыковой действительности: предмета, признака, действия, обстоятельства, отношения и т.п.

Наряду с собственно словами в отдельные лексико-семантические микрополя, являющиеся фрагментами ЯКМ, входят и аналитические эквиваленты слов – синлексы, обороты речи, беллетризмы, фразеологические единицы, составные термины, единицы образного фонда языка.

Благодаря своей раздельнооформленности, синлексика отвечает потребности в расчлененной (характеризующей или детерминирующей) номинации фактов объективной действительности, обусловленной общим системологическим принципом менталитета XX в. – тенденцией к максимальной структурированности, системности ЯКМ, потребности в предельно мотивированных и информативных языковых средствах.

Синлексический материал в силу своей структурной специфики (семантической расчлененности и грамматической раздельнооформленности) и благодаря вхождению в некие целостности, группы, классы – фрагменты ЯКМ, наряду с отдельными словами по принципу дополнительной дистрибуции, проясняет многие деления ЯКМ и семантические качества распределяемого номинативного материала.

В соответствии с современным пониманием функциональной организации ЯКМ, в ней выделяются две части (денотативная и сигнификативная), которым соответствуют два пласта номинативных единиц:

1) пласт т.н. идентифицирующей (предметной) лексики и синлексики, отражающей и обозначающей предметную действительность;

2) пласт т.н. характеризующей (признаковой, предикатной) лексики и синлексики, фиксирующей самые различные признаки предметов – в широком философском понимании термина «признак»: собственно признаки, качества, свойства, отношения, связи, оценки и т.п.

Оба пласта номинативного материала обладают специфическими семантическими свойствами.

Основным содержательным элементом языковой модели мира, по мнению Ю.Н. Караулова, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира – константы сознания. В основе языковой модели мира лежат знания, закреплённые в семантических категориях, семантических

полях, составленных из слов или словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или иного конкретного языка. Вся лексика (и синлексика) может быть разбита на семантические поля; внутри одной части речи номинативные единицы могут разбиваться на тематические группы. Подобно собственно словам, синлексы являются частью номинативного состава языка и наряду с собственно словами входят в многочисленные и разнообразные по содержанию тематические группы. Тематическая классификация позволяет выявить специфические реализации семантики С-С синлексики в рамках ЯКМ.

Г.И. Климовская замечает, что «кусочки» действительности в значениях синлексов «предстают в детализированном виде, с указанием на свою функцию, назначение, способ использования и применения, на своё актуальное референтное свойство и т.п.» [1: 128].

С-С синлексы, выступающие в качестве раздельнооформленного эквивалента имени существительного, могут отражать в языке практически все формы реальной действительности. Для построения тематической классификации С-С синлексики мы используем тематические группировки, представленные в словаре «Лексические минимумы русского языка» [2].

В основе типологии лежит чётко выраженный антропоцентрический принцип, центральное место занимает человек, вокруг которого и организуются тематические группы синлексики.

С-С синлексика входит в большинство тематических групп семантического поля современного русского языка. Могут быть выделены приоритетные, наиболее многочисленные группы:

1. Здоровье человека, названия болезней и т.п. (порок сердца, воспаление легких, заражение крови, цирроз печени, сотрясение мозга; переливание крови, промывание желудка и т.п.).

2. Научная и техническая терминология (коэффициент полезного действия, квадратура круга, система координат, ось абсцисс, ось ординат, преломление света, перекись водорода, роза ветров, точка кипения, обмен веществ, траектория полета, амплитуда колебаний, сопротивление материалов, усталость металла и т.п.).

3. Трудовые отношения человека (выслуга лет, злоупотребление властью, место назначения, меры поощрения, меры взыскания, отпуск без содержания, оплата труда, повышение по службе, превышение власти, режим дня, уход в отставку, стаж работы, текучесть кадров и т.п.).

4. Наименования учреждений и организаций (биржа труда, бюро находок, дом отдыха, дом культуры, дворец бракосочетаний, касса взаимопомощи, курсы повышения квалификации, отдел кадров, салон красоты, стол заказов, общество слепых, совет ветеранов и т.п.).

5. Наименования человека по его социальным ролям (ветеран войны (труда), кавалер ордена, лауреат премии, кандидат (...) наук, депутат Государственной Думы, заведующий кафедрой, инвалид войны, кандидат в депутаты, командир полка, генерал армии, мастер спорта, начальник отдела, директор школы, труженик тыла, управляющий делами, глава администрации, член партии и т.п.).

6. Общественная деятельность человека, проявления социальной и политической активности (съезд партии, проект решения, повестка дня, акция протеста, борьба за мир, борьба за власть, вотум недоверия, наказания избирателей, права человека, охрана природы, поражение в правах, партия власти, свобода слова и т.п.).

7. Государство, судопроизводство, юридическая терминология (органы власти, кабинет министров, ветви власти, суд присяжных, место преступления, лишение свободы, подписка о невыезде, оскорбление действием, ордер на арест, презумпция невиновности, явка с повинной, прошение о помиловании, прения сторон, скамья подсудимых, срок давности и т.п.).

8. Названия документов (аттестат зрелости, вид на жительство, удостоверение личности, диплом с отличием, листок нетрудоспособности, сертификат качества, свидетельство о браке (рождении, разводе, смерти) и т.п.).

Выявленный принцип распределения С-С синлексического материала по тематическим группам, определивший наибольшую наполненность именно данных тематических групп, определяются следующими причинами.

Во-первых, синлексообразование, наряду с заимствованием, является наиболее продуктивным способом образования новых номинативных единиц для обозначения новых, актуальных для данной исторической эпохи фактов объективной действительности. Синлекс в силу своей «составленности» из двух лекс является более «крупной» по семантической наполненности единицей, чем собственно слово, и обладает большими возможностями аккумулировать значительные фрагменты информации и отражать многие сложные кванты социокультурного опыта.

Хотя синлексика как таковая и является одним из древнейших средств номинации, зафиксированным ещё в древнерусском языке, но современный массив С-С синлексики русского языка составляют в большинстве своём отнесенительно новые, созданные в XX в. единицы.

Новые реалии, новые явления общественно-политической жизни очень часто именуется путем комбинации уже имеющихся языковых знаков, созданием новых лексических комплексов, т.е. синлексов. Коренное изменение социальной действительности приводит к значительному обновлению синлексического слоя языка.

Во-вторых, такие свойства С-С синлекса, как его однозначность, не склонность к развитию полисемии, экспрессивно-стилистическая нейтральность, отсутствие эмоциональных, оценочных наслоений, определяют высокую продуктивность синлексического способа номинации в сфере научной терминологии. Синлексика вполне отвечает тем требованиям, которые предъявляются к терминологии: соответствие одного знака одному означаемому; семантическая определенность термина; высокая степень системной организации терминосистем; преобладание прямого, номинативного значения; понятность, прозрачность внутренней формы; возможность образования серий терминов по одной деривационной модели. Поэтому создание любой терминологической или полутерминологической группы актуализирует спрос на синлексику.

Некоторые тематические группы синлексики перекрещиваются, ряд единиц может быть отнесен одновременно к нескольким тематическим группам.

Так как в номинативном составе языка нет непроходимой границы между раздельнооформленными и однословными номинативными единицами, многие тематические группы включают наряду с синлексами (как С-С, так и синлексами других структурно-морфологических разрядов) также и однословные номинативные единицы.

Например, тематическая группа «Названия документов» включает в себя наряду с указанными выше С-С синлексами такие субстантив-атрибутивные синлексы, как военный билет, студенческий билет, трудовая книжка, зачетная книжка, пенсионное удостоверение, водительские права, больничный лист и т.п., а также однословные номинативные единицы паспорт, диплом и т.п.

Таким образом, неучет синлексического материала исключает возможность исчерпывающе описать многие тематические группы семантического поля русского языка и лишает представление о ЯКМ объективной полноты, структурного и содержательного разнообразия.

Литература

1. Климовская Г.И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. Томск, 1978.
2. Лексические минимумы современного русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1985.

Н.Н. Тюрин

Кемеровский государственный университет

Начинательность каузативных и некаузативных немецких глаголов

По данным В.П. Недялкова, из трёх типов начинательных глаголов (инхоативы, ингрессивы, инцептивы) инхоативы имеют чаще всего соотноситель-

ные однокорневые транзитивы с каузативным значением, по отношению к которым эти инхоативы (соответственно и соотносимые с ними стативы) выступают как некаузативы.

Семантически взаимодействованные каузативы и некаузативы образуют различные типы формальных оппозиций, особый интерес из которых представляют оппозиции, где они связаны между собой отношением семантической деривации: каузатив «образован» от некаузатива путем присоединения дополнительного значения – «отношения каузации» (см. сб. Каузатив и переходность, 1995):

1. Направленная или деривационная оппозиция. Здесь один из членов оппозиции формально образован от другого, что проявляется наличием у этого члена оппозиции дополнительной деривационной морфемы. Таким образом, здесь основа одного глагола «вкладывается» в основу другого. С точки зрения направления деривации здесь намечаются два подтипа.

1.1. Формально обозначенным посредством каузативной морфемы является каузативный по смыслу член оппозиции, например, *spitz sein* → *anspitzen* (быть острым → наточить, т. е. каузировать начать быть острым). Таким образом, здесь направления семантической и формальной деривации совпадают, т.е. приставка наделяет глагол отношением каузации.

1.2. Формально обозначенным посредством антикаузативной морфемы является некаузативный по смыслу член оппозиции, например *trocknen* → *austrocknen* (сушить → становиться/начинать быть сухим). Таким образом, здесь направления семантической и формальной деривации противоположны, т.е. приставка лишает глагол отношения каузации.

2. Супплетивная оппозиция. Члены оппозиции различаются полным несовпадением корневых морфем: *aufhaengen* → *sterben* (повешать → умереть). При супплетивной оппозиции члены оппозиции, фактически лишённые общих морфем (помимо служебных), не имеют общего основания для морфологического сопоставления. Таким образом, данный тип оппозиции требует отдельного рассмотрения и не представляет интереса в плане морфологической деривации.

Семантически более сложным членом каждой из вышеназванных оппозиции является каузативный начинательный глагол.

Каузативность понимается в данном случае в семантическом плане как способность глагола выражать каузативную ситуацию (см.: Недялков: 1969), а некаузативность – как отсутствие такой способности.

Непосредственно составляющими каждой каузативной ситуации являются по меньшей мере две микроситуации, связанные между собой отношением каузации или причинения. Отношение каузации мы считаем синонимом причинно-следственного отношения.

В принятой нами терминологии, введённой крупнейшим знатоком каузативных конструкций В.П. Недялковым, каузирующая микроситуация именуется антецедентом, каузируемая микроситуация – консеквентом.

Отношение каузации является константой каузативной ситуации. Эта константа является определяющим компонентом каузативной макроситуации, так как она её и организует. Помимо этой определяющей константы, каузативная ситуация содержит ещё по меньшей мере четыре константы: агенс, предмет антецедента, каузирующее состояние, патиенс, предмет консеквента, каузируемое состояние.

По утверждению В.П. Недялкова, из двух констант состояния (каузирующее состояние, каузируемое состояние) вторая играет в каузативной ситуации гораздо более существенную роль, чем первая. Каузируемое состояние является конечной целью каузативной ситуации, его конечным состоянием, представляющим обычно наибольший интерес для говорящего и слушающего. Каузирующее же состояние (которое можно было бы также назвать «способом действия агенса» или «средством каузации») представляет собой промежуточный фактор причинно-следственной цепи, описываемой каузативной конструкцией, и поэтому сравнительно редко выступает на первый план. Таким образом, становится понятно, почему иногда возникают трудности в определении начинательного глагола, например, такие глаголы, как *anbohren* – «начинать бурить» и *anschwaerzen* – «красить в чёрный цвет, т.е. каузировать начинать быть чёрным», оба будут являться начинательными с той лишь разницей, что акцент начинательности падает на разные микроситуации в рамках макроситуации каждого из данных глаголов: в случае с *anbohren* – на антецедент, а в случае с *anschwaerzen* – на консеквент. Возможно, причина такого обстоятельства кроется в том, что *anbohren* является ингрессивом, а *anschwaerzen* – каузативом от статива *schwarz sein* – «быть чёрным». Таким образом, антецедент выходит на первый план именно в некотором количестве ингрессивных глаголов, которые обозначают ситуацию, где в реальной действительности для участников коммуникации наибольший интерес представляет именно антецедент (вероятно, сюда относятся инструментальные глаголы, т.к. «догрузка» глагола инструментальным значением не оставляет «семантического пространства», которое бы вместило в себя информацию о каузируемом состоянии).

В качестве морфологических (словообразовательных) маркеров начинательного глагола (начинательных показателей или показателей начинательности глагола) в немецком обычно выступают глагольные приставки. Так, например, немецкие начинательные глаголы – это глаголы типа *verkaesen* «Kaese werden» (становиться (= начинать быть) сыром) (ср. соотносительный

каузативный глагол *verkaesen* «zu Kaese machen» (превращать (= каузировать начинать быть) в сыр) с приставкой, которая служит показателем начинательности глагола (см.: Fleischer, 1989: 178).

Основную и ведущую роль в образовании начинательных глаголов играют приставки (в качестве показателей начинательности глаголов), меньшую – глагольные суффиксы, которые также могут участвовать в образовании начинательных глаголов, как правило, от имен, то есть в пределах деривационной оппозиции типа «имя → приставка + именная основа + суффикс» (*wach sein* → *aufwachen* (быть бодрым → просыпаться, т. е. начинать находиться в состоянии бодрствования) (см.: Fleischer, 1989: 178–192).

Если говорить о так называемой «семантической заражённости» глаголов (т. е. выражения в них определённой категории каким-то определённым способом), то можно предположить, что действительно есть определённая зависимость между обозначаемой глаголом ситуацией и выбором средства выражения начинательного значения в каждом отдельном случае. Известно, что арсенал морфологического выражения начинательности состоит из определённого набора глагольных приставок (*an-*: *antrocknen* – высухать/начинать быть сухим; *auf-*: *aufbluehen*; *ein-*: *einwintem* (дословно) – становиться зимой и т.д.). Морфологически образованный некаузативный начинательный глагол, как правило, включает в себя одну микроситуацию, то же относится и к коррелятам начинательности таких глаголов, но если от того же начинательного глагола или его коррелята при помощи приставки из морфологического арсенала начинательности образовать соотносительный каузатив, то он включит в себя дополнительно ещё одну микроситуацию. Получается следующая картина:

1) коррелят начинательности + приставка = НГ – некаузатив = микроситуация № 1 (*flammen* + *auf* = *aufflammen* – воспламениться/начать гореть = микроситуация № 1 – возгорание);

2) каузативный коррелят (возможно, коррелят начинательности) + приставка = НГ – каузатив = микроситуация № 1 + микроситуация № 2 (*ver* + *gross sein* = *vergroessern* – увеличивать что-либо = микроситуация № 1 – совершение какого-либо действия/процесса + микроситуация № 2 – увеличение размера объекта).

Несложно заметить, что при всех прочих равных слагаемых откуда-то появляется ещё одна микроситуация. Своим происхождением она должна быть обязана либо приставке, либо корреляту начинательности (точнее, его семантической наполненности), либо им обоим. Однако можно утверждать, что семантическая наполненность коррелята начинательности обусловит наличие определённой приставки, а каждая из приставок обусловит определённую

ную семантическую наполненность морфологического деривата от коррелята начинательности. В этом и состоит «семантическая заражённость» коррелята и приставки. Здесь следует особо отметить, что «семантическая заражённость» особым образом связана с каузативностью/некаузативностью глагола. Это обстоятельство является причиной того, что при идентичной семантической наполненности коррелята начинательного глагола в зависимости от его собственной каузативности/некаузативности маркером начинательности могут выступать разные приставки. Например, ситуация начала произнесения субъектом эмоциональной (в большинстве случаев бранной) речи обуславливает маркировку глагола приставкой *los-*: *losschimpfen* (начинать ругаться), *loswettern* (начинать браниться), *losschreien* (начинать кричать) и т.д. Добавим, что можно обнаружить также некоторую закономерность выбора маркера начинательности в зависимости от производящей глагольной основы.

Т.Н. Хомутова, Н.У. Хажина

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Лингвистические особенности научной аннотации

Жанр аннотации, наряду с такими жанрами, как рецензия, научная статья, реферат, патент, монография и др., относится к научному стилю и характеризуется всеми особенностями, присущими научному стилю в целом, а именно логичностью, строгой последовательностью, доказательностью и точностью изложения, а также безличным характером описания.

Жанр аннотации является вторичным, сообщаящим сведения о первичных документах и являющимся результатом аналитико-синтетической переработки первоисточников. Он снабжает читателя оперативной научной информацией.

Аннотация является предельно кратким из всех возможных изложением содержания первичных документов, она не может заменить первоисточник. Ее назначение в том, чтобы помочь читателю найти необходимую информацию и составить мнение о целесообразности более детального ознакомления с первоисточником. В научно-информационной деятельности наибольшее распространение получили описательные, справочные, рекомендательные, реферативные, общие и специализированные, развернутые и краткие аннотации.

В настоящее время можно говорить об аннотации как об отдельном жанре, обладающем характерными композиционными, лексическими, грамматическими, стилистическими особенностями.

В процессе работы было проанализировано 50 аннотаций с целью выявления их лингвостилистических особенностей. Аннотации были взяты из специализированного технического (физического) журнала «Тепло и массоперенос» (Heat and Mass Transfer).

Как показал наш анализ, подавляющее большинство аннотаций состоит из одного абзаца (82%) и лишь 18% аннотаций содержат в себе более одного абзаца (2–3, гораздо реже 4). Данный факт можно объяснить стремлением составителей аннотации сделать текст последней более кратким, лаконичным, более доступным для читателя, но в то же время – и стремлением сделать текст более информативным, раскрывающим основную идею научной работы в одном абзаце.

Структура аннотации неоднородна. Она состоит из основных блоков, присутствующих каждой аннотации (библиографическое описание, данные об авторе, предмете изложения, его основные характеристики) и факультативных блоков, не являющихся обязательными (конкретная форма аннотируемого документа, отличительные черты документа и конкретный читательский адрес).

При рассмотрении аннотаций был сделан вывод, что одной из основных лексических особенностей данных текстов является использование специальной терминологии. Например: *convective boundary condition, penetration mode, electric field, turbulent wall-jets*.

Другой значимой лексической особенностью является широкое использование клише. Например: *analysis requires, results include, results are presented, theorem is established*.

Необходимо также отметить, что в приведенных текстах технических аннотаций часто встречаются специальные символы, обозначающие тот или иной физический параметр (например, $h_{\text{конв}}$, $h_{\text{конд}}$, R_z , γ , °C и др.), числовые значения промежуточных или конечных результатов.

Одной из основных морфологических особенностей аннотаций является использование в них именных, а не глагольных конструкций. Это дает возможность большего обобщения, устраняя необходимость указывать время действия. Например: *at the time of solution, accompanied by the thermal changes* и др.

Данные нашего анализа показывают, что пассивные конструкции в жанре аннотации составляют в среднем 45,24% (их максимальное количество – 83%, а минимальное – 14%).

Следует отметить и частотное распределение частей речи, отличающееся в аннотациях от того, которое наблюдается в нейтральном или разговорном стиле: увеличивается процентное содержание имен, уменьшается содержание глаголов в личной форме, совсем отсутствуют междометия.

Глаголы, встречающиеся в аннотациях, стоят в настоящем времени активного (results consist) и пассивного (theory is developed) залогов, в перфектной (solution has been obtained) и неперфектной (analysis shows) формах.

Встречаются также модальные глаголы, например, may, can. В тексте аннотаций встречается достаточно большое количество прилагательных, некоторые из них употребляются в степенях сравнения, например, becomes smaller than...

В аннотациях, как, впрочем, и во всех жанрах научного стиля, намного больше имен числительных, чем в других стилях. Нет ограничений в использовании предлогов: of, in, with, at, on, to, without и т.д.

Для текста аннотаций характерно использование двойных союзов, таких, как both... and, as... as, not merely... but also и др., выполняющих функцию обобщения.

Исследования грамматических особенностей аннотаций показали, что термины, обозначающие вещество и отвлеченное понятие, имеют особенности по сравнению с существующими разрядами существительных в общелитературном языке в своем отношении к категории числа. Они употребляются в обеих числовых формах без сдвига лексического значения и могут определяться числительными: Normally two horizontal permeabilities are measured; Local conductivities are measured. Объясняется это не ограничениями внутриязыкового порядка, а экстралингвистическими причинами. Чем глубже наука проникает в законы природы, тем более тонкой становится дифференциация видов вещества и свойств предметов.

При анализе синтаксических особенностей аннотаций было выявлено, что в них присутствуют простые, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Причем преобладают сложные, а именно сложноподчиненные предложения. Например:

The experimental results are obtained for various values of the mixed convection parameter, which I found to correlate the observed trends very well.

Что касается построения предложений в аннотациях, то необходимо отметить большое количество сложных предложений, где в главное предложение вклиниваются порой несколько придаточных предложений. Например: An analysis has been made of the fluid flow and heat transfer in a vertically oriented cylindrical enclosure in whose lower and upper walls there are small apertures through which fluid passes into and out of the enclosure.

Немногочисленные простые предложения распространены за счет однородных членов:

The results include the temperature distributions and the shape factor in each case.

The model is based on three principal transport phenomena: heat conduction, vapour convection under pressure gradients and the evaporation – recondensation mechanism.

Необходимость полноты изложения приводит к широкому использованию различных определений. Почти каждое существительное имеет постпозитивное/препозитивное определение или и то и другое одновременно. Специфичными для технических текстов являются препозитивные определительные группы, состоящие из целых цепочек слов: heat generating sphere, bispherical coordinate system, axisymmetric small Rayleigh number, time-dependent free convective heat transfer, Surface-active, film-forming compounds.

В текстах проанализированных нами аннотаций не употребляются вопросительные и восклицательные предложения. Используются исключительно утвердительные предложения, констатирующие факты.

Порядок слов в проанализированных аннотациях прямой, не было найдено инверсии. Наблюдается частичный параллелизм, например:

Exact solutions are developed for small Rayleigh number free convection in 2-dim. porous cavities of various shapes due to a uniform temperature gradient normal to the gravitational field... Exact solutions are presented in detail for rectangular and elliptical cavities with λ (ratio of long to short axis) arbitrary, and for equilateral triangular cavities.

Образность, как правило, не свойственна аннотации. Подтверждением этого является тот факт, что в проанализированных нами 50 аннотациях не было встречено ни одной метафоры, метонимии, гиперболы, сравнения и других средств создания образности. Не были встречены и фразеологизмы. Однако это не значит, что в целом в научных произведениях вообще не встречается образная речь. Например, в тех же аннотациях образность является необязательным вспомогательным средством, которое проявляет индивидуальную манеру изложения, усиливая или оттеняя уже аргументированную логически мысль.

В качестве примера проявления экспрессивности приведем отрывок одной из аннотаций.

From the late-time steady-state solutions it was observed that even at extremely low Grashof numbers, weak convection processes were present in the region close to the outer boundary. However, it was found that even at moderate Grashof numbers the dominant mode of vorticity transport close to the surface was by diffusion.

Из данного примера видно, что экспрессивность здесь выражается специфически, а именно, при помощи параллельных конструкций и наречий even и extremely.

Иногда экспрессивность может заключаться в указании важности излагаемого. Например: *an interesting problem is that of* .

Таким образом, в результате проведенного исследования изучены основные закономерности функционирования лингвостилистических средств в жанре научной аннотации:

1. Высокая степень обобщения материала в аннотации обуславливает необходимость использования строгой специальной терминологической лексики и нормативных речевых клише.

2. Характерно неограниченное использование глагольной лексики и специальных технических символов.

3. Преобладание сложноподчиненных предложений и активных конструкций, ограниченное количество простых коротких предложений, наличие типичных связующих элементов, двойных союзов, а также наличие разных типов определений. Отсутствие вопросительных, восклицательных и побудительных предложений.

4. Доминирование именных конструкций.

5. Преимущественное использование настоящего времени, безличный характер описания.

6. Употребление терминов, обозначающих вещества и отвлеченные понятия, в обеих числовых формах без сдвига лексического значения.

7. Среднестатистическая проанализированная аннотация состоит из одного абзаца и содержит 5,2 предложения, 117,3 слов, 660,1 символов (включая пробелы и знаки препинания).

8. Для текста аннотации характерно специфическое выражение экспрессивности, используемое для усиления значимости определенных положений и доказательств.

Х. Цэдэв

Хобдский филиал Монгольского государственного университета
*Об одном варианте словаря по специальности
для студентов-иностранцев*

Основным свойством учебного материала выступает его содержание. В условиях поддержания прагматического подхода при обучении студентов-нефилологов языку специальности в первую очередь необходимо определить базовые и потенциальные слова по различным специальностям.

Известно, что содержание обучения реализуется через учебный стандарт, план, программу, учебники, учебные пособия и учебные словари.

Мы знаем самые различные учебные словари по русскому языку, в том числе и терминологические, предназначенные для студентов-иностранцев. Но в этих учебных словарях, как признает известный лексикограф, проф. В.В. Морковкин, «в очень малой степени удовлетворяется потребность». «Словари по специальностям /подъязыкам/ должны подвергнуться дальнейшей обработке», – писала проф. С.Ф. Фоломкина.

Для того, чтобы студенты узнавали и понимали производные от известных слов, слова общего корня, на наш взгляд, целесообразно создание словаря базового и потенциального словаря по каждой специальности. Создание эффективного базового учебного словаря русского языка, ориентированного на определенный контингент учащихся, т.е. на определенную специальность, как писал Г. Давасамбу, возможно только на основе последовательного и системного учета русских лексических единиц. Следуя вышеупомянутому принципу и учитывая всё возрастающую роль словообразования в обучении русскому языку студентов-иностранцев, мы составили словарь, предназначенный для чтения и понимания специальной литературы. Он называется «Словарь базовых /русско-английско-монгольский/ и потенциальных /русский/ слов по биологии». Такой словарь, на наш взгляд, содействует умственному развитию студентов: узнавание новых производных слов является творческим процессом и вполне соответствует требованиям обучения, ориентированного на студентов. Вот образцы статей из этого словаря: 741. СИСТЕМА – system – систем // системный, системно, системность, бессистемный, бессистемность, бессистемно, подсистема, систематика, систематик, систематический, систематически, систематично. 949. ЩУПАТЬ – feel, touch – тэмтрэх, барьж узэх // щупание, щупальце, щупальцевый, щупальцевые, щупальцевидный.

Первому слову «Система» соответствует 12 потенциальных слов, второму «Щупать» – 5. Познакомившись со словами «Система» и «Щупать», студенты могут узнать потенциальные слова на основе знаний о словообразовательных элементах, словообразовательных типах /моделях/.

Некоторые слова, как ПОЧКА, ЦВЕТ, даны в двух различных значениях.

573. ПОЧКА 1 – bud – нахиа, гелег // почечный, почковаться, почкование, почковидный, почкоед

574. ПОЧКА 2 – kidney – беор // почки, почечки, почечный, надпочечник, надпочечный, предпочечник, предпочечный, предпочка и т.д.

Знание корней слов и словообразующих аффиксов, знание словообразовательных закономерностей развивает у студентов языковую догадку, что способствует успешному обучению иностранным языкам. В базовую часть вошли 976 слов, в потенциальную – около 5500 слов.

Словарь базовых и потенциальных слов по специальностям будет играть большую роль в усвоении терминологических слов студентами-иностранцами.

Литература

1. Моржовкин В.В. О состоянии и желательных перспективах русской учебной лексикографии (для иностранцев). М., 1985.
2. Фоломкина Е.Ф. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия. Составитель – А.А. Леонтьев. М., 1991.
3. Давасамбу Г. Контрастная ценность русских слов и ее отражение в базовом учебном словаре русского языка для учащихся-монголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
4. Цэдэв Х. Словарь базовых (русско-английско-монгольский) и потенциальных (русский) слов по биологии. Ховд, 2001.

V. ЯЗЫК И ДРУГИЕ СИСТЕМЫ: СОЗНАНИЕ, ПСИХИКА, СОЦИУМ, БЫТИЕ

Г.И. Богин

Тверской государственный университет

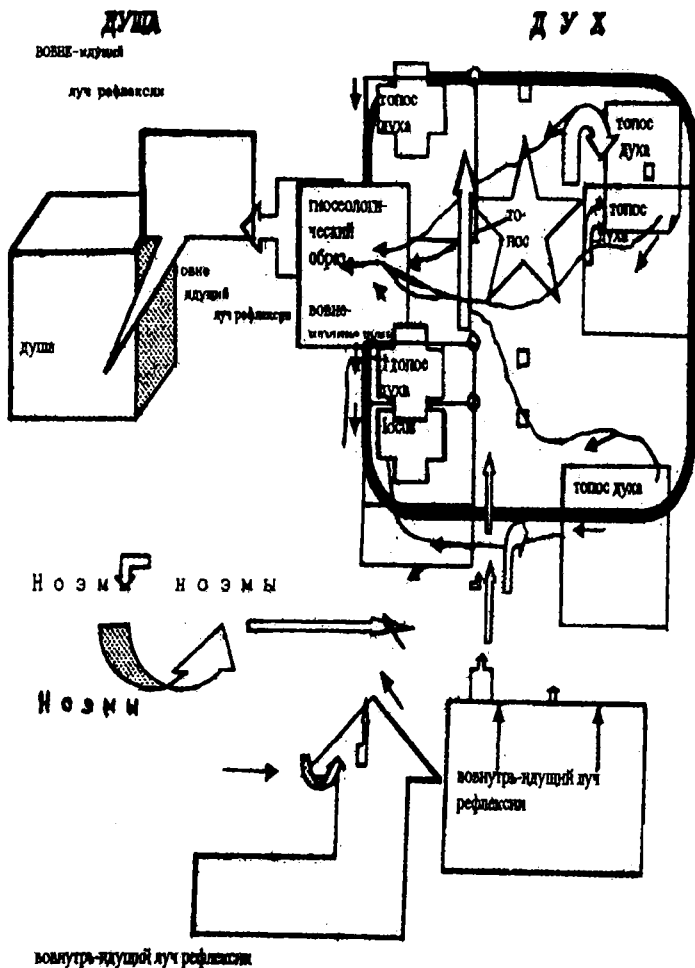
Техника понимания и культура чтения

Техники понимания – это те упорядоченные лично значимые усилия, которые человек обращает на свою субъективность, чтобы социально адекватно понять текст. Таких техник мы знаем больше сотни, но среди них некоторые имеют тенденцию быть техниками «ведущими», другие же (большинство) имеют тенденцию быть техниками «ведомыми». Общий список техник понимания многократно публиковался Тверской герменевтической группой, но указанное здесь разделение техник по тенденциям не упоминалось.

Ведомые техники присоединяются, добавляются к той или иной ведущей технике по мере развёртывания той схемы, которая перевыражает существо ведущей техники. Не теряя собственного характера, они образуют мощные технические объединения с ведущей техникой – например, с техникой интендирования. Интендирование – создание направленности рефлексии для указания на «топосы духа» – отправные точки ввне-идущего луча рефлексии. Усилие в связи с использованием техники может выглядеть следующим образом. Человек читает зачин «Белой гвардии» М.А. Булгакова:

«Велик был год и страшен по Рождестве Христовом одна тысяча девятьсот восемнадцатый». Первое впечатление: рядовое начало романа о гражданской войне в России, – однако ... а нет ли тут чего-то, относящегося к главному смыслу бытия – к (экзистенциальным) смыслом “жизнь”, “смерть”, “любовь”, “истина”, “красота”, “Бог”, “добро”, “свобода” и немногим другим? ... Да, действительно, синтаксис показывает, что это – о страдании, но сказано так, что пробуждается рефлексия над опытом слушания церковной речи... Страдания – это и страдания Христа, и страдания людей в 1918 году...» Равновеликость страданий Христа и страданий этих людей – вот куда выводит техника интендирования как техника указания на экзистенциальные смыслы, почти одинаковые у всех представителей рода людского. Не случайно именно техника интендирования обеспечивает усмотрение других менталитетов (национальных или индивидуальных) на основе фронтальной мобилизации всех средств рефлексивной реальности («души») как отстойника опыта.

ТЕХНИКА ИНТЕНДИРОВАНИЯ

Уже при движении рефлективного луча от предмета понимания в направлении «души» с техникой интендирования объединяются некоторые ведомые техники, например, техника самоопределения человека в позициях деятельности: чтобы актуализировать должным образом ту рефлективную реальность, которая хранится в «отстойнике опыта», надо заранее знать, чем ты в данный момент занимаешься – то ли просто хочешь понять «для себя», то ли хочешь понять, почему с первого раза не понял и почему многие так плоско понимают, то ли хочешь так понять, чтобы в ходе коммуникации с другими людьми им легче было бы понять текст (позиции практическая, рефлективная, инженерная). При движении луча рефлексии внутри «души» реализуется техника герменевтического круга: фиксации рефлексии во всех трех поясах системомыследеятельности происходят одновременно, и каждая фиксация выступает при этом как перевыражение других двух фиксаций, что приводит к некоторому единству действующему, гарантирующему против пустой декларативности, пустых разговоров и пустой бездуховности; эти пустоты возобладали бы, если бы рефлексия фиксировалась только в одном из поясов системомыследеятельности.

По мере развертывания схемы действия по данной технике к разным точкам схемы «прирастают» многочисленные (до 30–40) «ведомые» техники. Схема понимания становится сильнее, она надежнее выводит рефлексию от «души» к «духу» с его составом экзистенциальных смыслов. В роли ведущих могут выступать и некоторые другие техники: техника «расклевывания» содержания и смыслов, техника индивидуации, техника распремечивания и еще несколько. В каждом таком случае возникает новая схема техничного действия при понимании, причем при развертывании, например, схемы для техники индивидуации, выступающей в качестве техники ведущей, техника интендирования может выступить как ведомая. Вообще при техничной работе понимания возможны очень сложные сочетаемости техник.

Е.Л. Богданова

Томский государственный университет

*Психолингвистические аспекты анализа текста
(к проблеме психолого-педагогической диагностики)*

Переосмысление образовательных ценностей и целей актуализирует поиск путей гуманизации образования. При этом образование понимается не как надличностная трансляция культурных образцов, но как образование, становление самого человека. Целью процесса образования становится развитие системы

личностных смыслов учащих, принципиально меняются тип педагогического взаимодействия и сами основания педагогической деятельности.

Принципом, средством и целью педагогического процесса становится диалог как специальным образом организованное смысловдвижение [1]. В качестве единицы диалогического взаимодействия рассматриваем личностный смысл, понимаемый нами как «значение значения для субъекта» (А.Н. Леонтьев), как личностное отношение субъекта к тексту, факту, событию или любому другому стимульному объекту.

Организация диалога в образовательном процессе призвана задействовать различные уровни, аспекты и модальности личности педагога и учащихся, способствовать их личностному и профессиональному росту. Принципы диалогового взаимодействия в образовательной ситуации признаются сегодня многими педагогами как неоспоримая образовательная ценность. Однако сама возможность перехода от идеи диалогизма в образовании к его действительной реализации связана с проблемой технологизации диалога и, в первую очередь, с проблемой фиксации и диагностики динамики личностных смыслов.

Только в этом случае у нас появятся основания рассматривать диалог как действенный механизм развития субъектности участников образовательного процесса [2], как особый способ соорганизации и развития смыслового пространства человека в реальных условиях педагогической практики.

Для того чтобы педагог мог работать с личностными смыслами как с педагогической реальностью, необходимо найти материализованные формы существования этих смыслов и способы анализа их динамики, что и позволит нам реконструировать сам процесс развития и становления личностных смыслов.

Своеобразной «вербальной продукцией» смыслообразующей деятельности являются высказывания и тексты. Однако текст вторичен, он является «продуктом» диалогического общения, он «становится» в процессе этого общения. По словам Гегеля, не результат есть действительное целое, а результат вместе со становлением.

Психологи выделяют две основные субъективные формы представленности личностного смысла в сознании: эмоциональное, или личностно-значимое, переживание и вербализация личностного смысла, т.е. «воплощение его в определенной системе общественно выработанных и зафиксированных значений» (А.Н. Леонтьев).

При этом речевое высказывание трактуется нами не как изолированная речевая реакция на речевой или неречевой стимул, но как порождение определенной текстовой формы, обусловленной специальным образом организованной совместной деятельностью и спецификой индивидуального восприя-

тия и обработки информации субъектом этой деятельности. В этом смысле каждый текст, понимаемый нами не как языковая единица, но как единица общения, или со-общения [3], индивидуален. «Как и всякая деятельность, он рождается из ощущения (нередко смутного на первых порах) проблемной ситуации, порождающего ассоциируемые с ней образы» [4: 71]. Являясь «продуктом» смыслообразующей деятельности, текст «становится» в этой деятельности. В этой же деятельности возникает и складывается личностный смысл, а сама задача на «смысл», т.е. на осознание и вербализацию смысла ставится тогда, когда уже проявляются признаки реального отношения субъекта к явлениям действительности. Следовательно, специальным образом организованная деятельность субъекта может способствовать актуализации смыслообразования и, как следствие, текстопорождению в реальной педагогической практике, причем, в заданном сюжетном контексте, что достигается использованием определенных педагогических приемов.

Если выбор формы, опосредствующей личностные смыслы (устные и письменные тексты), обуславливается самой природой речемыслительной деятельности и становление, развитие смысла можно реконструировать через становление текстовой структуры [5], то анализ самих текстов на наличие «авторства» или «смысловую принадлежность» требует разведения речемыслительной деятельности и речевого поведения, основанного на автоматическом воспроизведении языковых стереотипов, при котором глубинные структуры личностного сознания оказываются не задействованы (псевдиалог). Поддержанию контакта при этом соответствует фатическая функция языка [6: 198], связанная с привлечением внимания и подразумевающая возможность так называемого фатического общения или обмена высказываниями с единственной целью – поддержанием разговора, что и достигается пониманием элементов кода.

Личностный смысл, несущий в себе отпечаток пристрастности индивидуального сознания, видимо, и во внешней форме своего проявления должен, с одной стороны, сохранять эту пристрастность, а с другой – обнаруживать тенденцию к своему «означиванию» или тяготению к «абсолютному ценностно-смысловому полю», что естественным образом должно находить свое отражение в содержательно-смысловой структуре текста.

Рассуждая о специфике «языка диалога», Ю.С. Степанов рассматривает язык в условном трехмерном пространстве (семантика, синтактика и прагматика) [7]. Нульмерный язык содержит в себе простое указание на вещь, это «мертвый» язык. Возможен ли диалог на языке-0? Нет, сколько ни повторяй слово «мед», во рту сладко не станет. Язык первого уровня позволяет воспроизводить и расширять словарь, но говорить можно только о том, что есть.

Нет ни модальности, ни отрицания, ни времени. Отсутствует взаимодействие с чем-то соразмерным себе. Это не язык диалога, но на нем вполне можно передавать информацию.

Язык второго уровня, описывая отношения между «вещами» и «фактами», позволяет выстраивать временные и логические отношения, может выражать различия и сходства между вещами, их раздельность и единство. Но «это мир, в котором действительны только Оно и Они» [8], которые подлинными личными местоимениями, по логике Бенвениста, не являются – «Оно в диалоге участвовать не может, у него нет собственного голоса и места в разноголосице диалога». «Я» и «Ты» появляются в языке третьего уровня, вместе с ними появляется личностное начало, субъективная точка зрения, и диалог уже не только возможен, но и неизбежен. Третье, решающее для диалога измерение – модальность – рассматривается как возможность выражать отношения между высказываниями и говорящими. Участники общения, которые до сих пор находились вне языка, проникают в его ткань, обеспечивая присутствие активного деятельного субъекта.

Модальную составляющую высказывания можно рассматривать как признак состоявшегося «авторства». В этом случае об объекте не просто сообщают, но каким-то образом к нему относятся: либо сомневаются, либо с уверенностью утверждают, либо отвергают и т.д. В тексте это, как правило, проявляется через использование слов-маркеров или словосочетаний, указывающих на субъективный, личностный характер высказываний, типа «мне кажется», «я считаю», «мое отношение», «в моем представлении» и т.д.

Упоминание о модальности как отнесенности к одному из возможных субъективных миров мы находим в книге «Семантические примитивы» [9]. Специальными лексическими средствами, задающими имплицитно позицию субъекта деятельности, А. Вежицка называет слова и словосочетания типа «наверное», «только», «уже», «возможно», «слишком», «все ещё» и т.д.

Модальность, или отношенческая составляющая, присутствуя в тексте, является основным условием его открытости и возможности последующей интерпретации в схематизме («мира впервые»). В этом смысле наше понимание авторства текста созвучно Библеровской трактовке «произведения». При этом универсальным признаком «авторства» будем считать понимаемую определенным образом модальность, которая в тексте фиксируется использованием характерных слов и словосочетаний указанного типа.

Полагая, что качество текста определяется характером и особенностями предшествующей деятельности, мы, различая диалог и псевдиалог, речемыслительную деятельность и стереотипное речевое поведение, будем различать открытый текст как предъявление субъектом самого себя и закрытый

текст как «безличное, деперсонифицированное порождение семиотического механизма культуры» (А. У. Харапи).

В контексте решаемой задачи имеет смысл говорить об авторском тексте как «тексте для себя», или первичном тексте, соответствующем этапу явленности личностного смысла для самого субъекта, и последующих «редакциях» этого текста, отражающих превращение «текста для себя» в «текст для других».

Изначально, полагает Т.М. Дридзе, природа текстовой деятельности не столько абстрактно-логическая (рациональная), сколько – интуитивно-образная. Это предположение подтверждается нейропсихологическими исследованиями головного мозга [10, 11], психолингвистическая интерпретация которых позволяет нам выявить особенности речемыслительных механизмов левого и правого полушария: левое полушарие обрабатывает информацию с помощью жестких формально-логических операций с ограниченным числом дискретных единиц разных уровней – от дифференциальных признаков до предложений и сочетаний предложений. Правое же полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание. Отсюда «мягкость» операций, континуальность структуры «единиц», иные принципы организации «уровней», непривычные для «строгих» традиционных грамматик.

Примечательно, что при искусственном подавлении речемыслительных механизмов левого полушария, речь становится близка по структуре к разговорной или начинает напоминать речь маленьких детей.

Таким образом, с одной стороны, интерпретация результатов нейропсихологических исследований позволяет соотнести особенности речемыслительных механизмов правого и левого полушарий с особенностями порождаемых ими текстовых форм (при поочередном подавлении речемыслительных механизмов одного из полушарий). С другой стороны, анализ этапов текстопорождения позволяет предположить, что текстовая форма, фиксирующая попытку перехода от внутренней речи к внешней, или от явленности личностного смысла для себя к форме его предъявления для других, должна соответствовать именно «чувственной», «правополушарной грамматике».

Именно на этом этапе ещё не обработанный и не подвергнутый логической структуризации и «тонкой» грамматике текст «для себя» наиболее полно несет на себе отпечаток чувственных образов и эмоций. Называя тексты подобного рода первичными, А.В. Брушлинский пишет, что затем эти тексты, характеризующиеся «первозаданностью», литературной неоформленностью и постоянным несовпадением «между эксплицитно выраженным в речи и подразумеваемым», существенно перерабатываются авторами, редактируются, «превращаясь в итоге во вторичные тексты, предназначенные для понимания другими людьми» [12: 203].

Психолингвистический анализ содержательно-смысловой структуры текстовой формы, соотносимый с данными нейропсихологических исследований о существовании двух грамматик, позволяет нам предположить, что этапы «становления» текста в некотором приближении соотносимы с этапами «становления» личностного смысла. То есть по особенностям текстовой формы можно реконструировать уровень обобщения или репрезентации объекта субъекту.

Многочисленные эксперименты и анализ «отрицательного» языкового материала [13, 14] подтверждают обоснованность нашего предположения о том, что «текст для себя» отвечает, скорее, правополушарной грамматике, то есть обладает чувственным характером, ему свойственна минимальная вербальная обработка (тексты-примитивы, наборы ключевых слов) и смысловая цельность как чувственный феномен (в отличие от логико-смысловой цельности структурированного текста).

Понятие неструктурированной цельности как психолингвистического феномена особого рода представляет собой возникающее в психике человека «симультанное (одновременное), интегральное, полностью не осознаваемое динамическое представление о некотором объекте» [15]. Являясь особенностью проявления речемыслительных механизмов правого полушария, оно хорошо коррелирует с размытой, неявной, но тем не менее вполне определенной соотносительностью бессознательного отображения с действительностью. Выделение различных уровней репрезентации объекта субъекту, начиная от когнитивных структур, имеющих характер перцептивных обобщений, и кончая формами опосредованной знаковой репрезентации, хорошо объясняет характер феномена цельности и взаимодополнительности двух грамматик. Правополушарная грамматика обеспечивает удержание цельности, целостности «образа» речи, контролируя её адекватность через связь с внешним миром. Ослабление опоры на неё приводит к непониманию речевого отрезка в целом, несмотря на понимание отдельных фрагментов. Однако большая часть явлений уровня речемыслительных процессов, в котором отмечаются «...обобщения, абстракция, логические приемы! ...», то есть иной способ интеграции информации, базирующийся на принципах логики, связана уже с деятельностью речемыслительных механизмов левого полушария.

Формирование речевого высказывания в чувственной ситуации, по мнению А.А. Брудного, характеризуется особым семантическим состоянием слова – ситуативным, в котором семантический потенциал реализуется в виде множества «контекстуальных значений». В психолингвистических исследованиях разговорного диалога обращается внимание на допущение лингвистических и даже прямых внешних искажений, не отражающихся на уровне взаи-

мопонимания общающихся. Неполнота выражения при этом восполняется ситуативно или паралингвистически, т.е. конкретная ситуация или задаваемый предшествующим опытом контекст делает вполне ясной словесно неточно оформленную мысль. Постоянное несовпадение «между эксплицитно выраженным в речи и подразумеваемым», характерное для первичных текстов А.В. Брушлинского, и отмечаемое лингвистами отсутствие «программы» диалоговой речи, делающее эту речь ситуативной и непонятной без знания данной реальной или воображаемой ситуации, позволяет характерной особенностью «текста для себя» считать высокую степень его ситуативной и контекстуальной обусловленности.

Поскольку этапы развития личностных смыслов соотносимы с определенными уровнями обобщения, можно предположить, что этап явленности смысла и его оформленность в первичном тексте соответствует, скорее, дополняющей форме обобщения, осуществленного на основе сходства чувственных и эмоциональных переживаний. На этом этапе обобщения носят расплывчатый бессистемный характер, слабо прослеживаются или отсутствуют вовсе связи между понятиями, что, естественным образом, находит свое отражение в проявляемом тексте. Далее, в процессе становления смысла и перехода к более высоким уровням обобщения, характеризующимся уже системностью организации значений, возможностью переформулировки содержания высказывания, выражения одних значений через другие (Л.С. Выготский), можно говорить о своеобразном «означивании» смысла, соотносении его с ценностями и нормами «ставшей» культуры.

В ситуации предъявления своего смысла другим поступающие извне вопросы на понимание, уточнение являются своеобразным стимулом для перестройки, изменения первоначального смысла как во внешней форме его проявления, так и в структуре сознания. В субъективных смысловых интерпретациях возникают субъективные смысловые образы. Объективным результатом этапа соотносения личностных смыслов оказывается множество воспроизведенных и как бы «заново родившихся» личностных смыслов и соответствующих им текстов. Соотнесение смысла с существующими другими, в том числе и со смыслами «ставшей» культуры, неизбежно отражается и на структуре соответствующих этому моменту высказываний: в языке третьего уровня появляется местоимение «ты».

Осознанность личностного смысла позволяет субъекту совместной деятельности для одного семантического содержания отбирать разные синтаксические реализации. Текст, являясь материализованной формой существования личностного смысла, видоизменяется в процессе его развития, сохраняя однако смысловое тождество или смысловую преемственность в отноше-

нии первичного авторского текста. Стало быть, сам факт изменения смысловой позиции и характер этого изменения можно фиксировать, сравнивая два тождественных в смысловом отношении текста, рассматривая их как целостные семантико-смысловые структуры.

Переход от смысловой рефлексии к предметной можно рассматривать как переход от формирования обобщений на неосознаваемых уровнях семантической организации к означиванию и осознанию в ходе перцептивной деятельности по построению образа. И смысл, и значение – это форма общественного опыта, усваиваемого индивидом. Но, в отличие от значения, «смысл – форма не кодифицированная» [16: 134]. Как правило, смысл не существует как что-то отдельное от значения, человеку кажется, что он непосредственно воспринимает слово в его объективном значении. Но все предметы человеческой деятельности, как и все слова человеческого языка, видятся каждому из нас как бы через призму нашего личного интереса. И нужно специальное усилие аналитической мысли, чтобы встать над этим интересом и уловить раздельность смысла и значения. Являясь средством осознания действительности, значения сами могут не осознаваться как таковые. Для осознания значения необходимо выражение его в системе других понятий. Именно системность является, по мнению Л.С. Выготского, критерием осознанности, рефлексивного сознания, которое способно к разведению образа и действительности. Осознавать действительность, полагает Н.И. Чуприкова, – значит расчленять её на элементы и устанавливать между ними определенные связи и отношения: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т.д. И чем больше взаимосвязанных элементов в объекте или ситуации может быть выявлено и вновь связано, тем выше уровень осознания действительности [17].

Таким образом, указание в тексте на отнесение собственной смысловой позиции к смыслам других, в том числе и к «означенным» смыслам «ставшей культуры», и наличие внутритекстовых связей и отношений могут служить критерием рефлексивного сознания, а стало быть, и критерием динамики личностного смысла. При этом структуризация текста проводится уже с опорой не на смысловую цельность, но на формально-грамматические показатели логических отношений, на «тонкие» структуры левополушарного механизма, базирующиеся на принципах логики. Означивание личностных смыслов определяет в тексте переход от расплывчатых коннотативных значений к развитым значениям с опорой на их логические отношения. Иными словами, текст по своей структуре и логико-смысловому содержанию все больше приближается к «нормативному» тексту, макро- и микроструктуры которого уже могут быть подвергнуты психолингвистическому анализу. С позиции информативно-целевого подхода к анализу текста появляется возмож-

ность выделения «логико-фактологической цепочки» и подсчета коэффициента информативности на основе методики, разработанной Т.М. Дридзе. Применение этой же методики к первичному тексту, базирующемуся на чувственной цельности, а не на логических отношениях, привело бы нас либо к очень низкому коэффициенту информативности, что и объясняло бы прежде всего непонятность первичного текста для других, либо в силу логической «нерасчлененности» отредактированного текста мы просто оказались бы не в состоянии выполнить предписанные методикой процедуры.

Итак, по мере развития, осознания и означивания личностного смысла происходит и развитие, переструктурирование текстовых форм, анализ которых и позволяет реконструировать становление личностного смысла и его динамику.

Психолингвистический подход к анализу текста, позволяющий по структуре и грамматике текстовых форм реконструировать этапы смысловдвижения, достаточно эффективен для возможности использования в реальных условиях образовательной практики и раскрывает дальнейшие возможности технологизации диалогового взаимодействия в образовании.

Литература

1. Богданова Е.Л. Диалог в контексте современной социокультурной ситуации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурные и культурологические аспекты развития Западной Сибири». Тюмень, 1998. С. 76–87.
2. Богданова Е.Л. К проблеме развития субъектности участников образовательного процесса // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2000. С. 105–109.
3. Хараш А.У. Смысловая структура публичного выступления // Вопросы психологии. 1978. № 4. С. 36–42.
4. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
5. Джохадзе Д.В. Диалог и диалектика // Диалектика и диалог. М., 1992. С. 79–100.
6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм («за» и «против») М., 1975.
7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Москва. 1985.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
9. Вежбицка А. Семантические примитивы. М., 1991.
10. Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Функциональная асимметрия мозга в организации речевой деятельности // Сенсорные системы: сенсорные процессы и асимметрия полушарий. Л., 1985.
11. Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л., 1976.
12. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
13. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
14. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII. Социолингвистика. С. 336–362.
15. Шахнарович А.М. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
16. Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1975.
17. Чуприкова Н.И. Изменение когнитивной репрезентации объектов в процессе умственного развития. // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 31–40.

Инвектива как вербальная агрессия в социокультурном аспекте

В последние годы инвективная проблематика является одной из важных и активно исследуемых прагматических направлений в лингвистике. Однако инвектива также явление психологическое, т.к. она представляет собой вербальный тип агрессии физической.

В психологии существуют различные определения агрессии. Мы будем придерживаться определения Р. Бэрона и Д. Ричардсон. «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [1: 26]. Будучи одним из типов агрессии, инвектива обладает всеми свойственными ей признаками. Таким образом, инвектива – это намеренное вербальное оскорбление или вербальное причинение вреда другому человеку, не желающему подобного обращения.

По классификации Басса [1: 29] существует 4 вида вербальной агрессии: 1) вербальная – активная – прямая; 2) вербальная – активная – непрямая; 3) вербальная – пассивная – прямая; 4) вербальная – пассивная – непрямая. Инвектива относится к первому виду, наиболее сильному из четырех возможных. Возникает необходимость конкретизировать инвективу как намеренное прямое вербальное оскорбление или вербальное причинение вреда другому человеку, не желающему подобного обращения.

По цели, преследуемой агрессором, агрессия делится на два типа: 1) агрессия, направленная на устранение неприятной ситуации или ослабление вредного влияния; 2) агрессия, направленная на достижение внешних выгод. В психологии существуют разные названия этих видов агрессии [1: 31]. Однако наиболее точной представляется терминология Э. Фрома [2: 33–34] (доброкачественно-оборонительная, злокачественно-деструктивная агрессия), в терминах которой можно описать инвективу.

Доброкачественно-оборонительная инвектива – это вербальная реакция, возмездие в ответ на осознаваемую угрозу. Злокачественно-деструктивная инвектива – это вербальное поведение с целью достижения различных внешних выгод.

Одним из четырех основных направлений в теории агрессии, выделенных Робертом Бэрном и Деборой Ричардсон, является рассмотрение агрессии как приобретенного социального поведения. Данный подход объясняет различия в агрессивном поведении разных народов. Как агрессивное действие инвектива также имеет ярко выраженный национальный характер.

В.И. Жельвис отмечает, что «этот слой более чем многие другие характеризуется национальной специфичностью в плане как отбора сфер, из которых черпается наиболее сильные инвективы, так и той роли, которую инвектива может играть в общении данной этнической группы, народа, ареала» [3: 98].

В разных национальных культурах преобладают разные инвективные стратегии (инвектива, вежливость).

Соотношение способов как составных этих стратегий также национально обусловлено: инвективная лексика (характерна для европейского ареала), снижение статуса адресата (японская, яванская, вьетнамская, абхазская национальные культуры) [3, 4], ненормированное использование другого языка (или разновидности другого языка): Япония, Парагвай [3, 5].

Восприятие вербальной агрессии как заместителя физической агрессии обуславливает отношение к ней как к менее опасной и разрушительной, как к «предохранительному клапану для выхода наших чувств» [3: 104]. Так, в США, например, отменены штрафы за богохульство и сквернословие в общественных местах.

А.К. Михальская подчеркивает, что «эта оценка не учитывает реальной социальной опасности речевой агрессии как первого шага на пути агрессии физической, а также как явления, создающего у членов общества агрессивный подход к действительности». Психологические исследования подтверждают это мнение, т.к., с одной стороны, гипотеза полного катарсиса (т.е. очищения от агрессивного состояния) подтверждается лишь в некоторых экспериментах, в большинстве же случаев имеет место явление временного частичного катарсиса, и возможно возобновление агрессивных действий по отношению к объекту.

С другой стороны, теория социального научения рассматривает агрессию как форму поведения, усвоенного в процессе социального научения. Агрессивное поведение определяется влиянием семьи, сверстников, а также средств массовой информации. Создавая агрессивную логосферу, человек впоследствии сам оказывается объектом влияния этой логосферы. Таким образом, вербальная агрессия, и инвективная в том числе, является не менее безопасной по сравнению с физической, т.к. по сути своей она остается агрессивней и имеет целью намеренное причинение вреда другому человеку.

Литература

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1998.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
3. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика / Отв.ред. Ю.А. Сорокин и др. М., 1998.

4. Калимова Г.А., Чирикба В.А. Фрагменты речевого этикета абхазов // Психолингвистика. М., 1998.
5. Филиппова Д.А. Двужычие как основная особенность речевого поведения парагвайцев // Этнопсихолингвистика / Отв.ред. Ю.А. Сорокин и др. М., 1998.

Т.В. Тюрина

Кемеровский государственный университет

*К вопросу об особенностях вербального поведения мужчин и женщин
(на материале лексико-семантической группы глаголов передвижения
немецкого языка)*

В зарубежной и отечественной лингвистике отмечается все возрастающий интерес к изучению особенностей влияния половой принадлежности человека на его языковое поведение. Повышенный интерес к вопросам соотношения пола и языка привел к возникновению таких направлений, как «женское языкознание» (Feministische Wissenschaft), «исследование полов». В настоящее время существует ряд работ, посвященных изучению отражения неравенства мужчин и женщин, в особенности социального неравенства женщин, в семантике языка (Nye A., Gomard K., Batliner A., Pusch L.F., Klein J. и др.), соотношения языка, пола и общества (Smith Philip M., McConnell-Ginet S.), особенностей вербального поведения мужчин и женщин (Д. Таннен, Е.И. Торошко и др.). Поведение представителей обоих полов будет различно не в силу господствующей роли мужчин в обществе, а по той причине, что женщины и мужчины – это два противоположных полюса, два различных мира, и потому их разговор представляет собой «коммуникацию противоположных культур» (Таннен, 1996: 16).

По сути мужчины и женщины говорят на разных языках, что никак не связано с их этнической принадлежностью, социальным статусом и т.д. Используя средства языка, носителями которого они являются, мужчины и женщины по-разному выражают свои мысли и чувства, по-разному понимают одну и ту же ситуацию, по-разному воспринимают и познают мир и себя в этом мире.

В связи с этим огромный интерес для лингвиста представляет изучение этого диалога диаметрально противоположных миров, выявление особенностей вербального поведения мужчин и женщин, являющегося отражением концептуальных различий. Таким образом, герменевтика мужского и женского «языков» может явиться ключом к правильному пониманию мужчинами и женщинами друг друга, позволит понять и объяснить причины частого непонимания или неправильной интерпретации интенций друг друга, при-

водящей в результате к невозможности достижения говорящими своих коммуникативных целей.

Проведённое нами исследование посвящено выявлению особенностей употребления глаголов, входящих в состав лексико-семантической группы глаголов передвижения, в мужской и женской речи (на материале немецкого языка).

Языковая модель пространства включает представления носителей языка о пространстве, и особенности его восприятия представителями как мужского, так и женского пола проявляются через правила выбора и употребления глаголов, наречий, предлогов, а также других средств выражения локальных отношений. В рамках предложения глаголу отводится центральная роль, как слову, передающему процесс, состояние или действие, а другим классам слов – второстепенная (для передачи аргументов, сопровождающих процесс, состояние или действие).

Наиболее универсальна в отражении изменения пространственного местоположения субъекта лексико-семантическая группа глаголов передвижения: *gehen, laufen, fahren*. Под глаголами движения следует понимать глаголы со значением «ходить», «летать», «плавать», «ездить», обозначающие передвижение в пространстве только субъекта действия (Трифонова: 37).

Лингвисты всего мира пытаются найти ответ на вопрос: есть ли сходства и различия в употреблении речи разнополюми представителями одного и того же языкового сообщества. По некоторым предварительным данным, носители немецкого языка, женщины, предпочитают выражать пространственные отношения эгоцентрично, то есть по отношению к себе, в то время как у мужчин наблюдается противоположная тенденция – языковое выражение по отношению к каким-либо внешним объектам.

Анализ материала исследования показал, что при обозначении изменения пространственного местоположения субъекта характерным для женской речи является использование более разветвлённой системы средств языка, обозначающих не только место, в которое (из которого/через которое) движется субъект, но и направление его передвижения, что достигается благодаря наличию в языке большого количества глагольных префиксов, обозначающих приближение или удаление субъекта по отношению к наблюдателю. Говорящий (наблюдатель) является дополнительной координатной величиной, относительно которой ориентировано движение субъекта. Так, существуют зафиксированные в словарях пары глаголов движения, семантические различия между которыми исчерпываются только направлением по отношению к наблюдателю, например: *hinunter* – этот глагольный префикс указывает на движение сверху вниз в направлении от говорящего, а *herunter* – на движение сверху вниз по направлению к говорящему.

Подобная субъективизация в обозначении процесса передвижения в большей степени характерна для женской речи. Это связано с тем, что вербализация локальных отношений может быть жизненно важной информацией тогда, когда необходима синхронизация действий или их согласованность в ситуациях, связанных с опасностью для жизни.

Для того, чтобы составить более полное представление о семантике глаголов передвижения и особенностях их употребления в речи мужчин и женщин, необходимо рассматривать функционирование этих глаголов в рамках их ближайшего контекста, который содержит дополнительные данные, конкретизирующие процесс передвижения. Пространственное содержание как простых, так и производных глаголов уточняется и дополняется в контексте наречиями, предложными и беспредложными конструкциями и т.д.

По семантическим признакам мы выделяем несколько разновидностей контекстуальных характеристик, связанных с передвижением субъекта в пространстве: это качественные, количественные и комитативные характеристики.

Более подробно остановимся на рассмотрении особенностей функционирования одного из самых употребительных как в мужской, так и в женской речи глаголов передвижения – gehen. Этим глаголом назван только сам процесс передвижения, исключая все его дополнительные характеристики, которые даны только в контексте предложения. Необходимо установить, насколько отличаются (в плане количественного соотношения и качественного состава) используемые в мужской и женской речи контекстуальные характеристики, связанные с передвижением субъекта в пространстве. Тем самым мы предпринимаем попытку определить, что в первую очередь привлекает внимание женщины или мужчины, наблюдающих за передвижением субъекта в пространстве.

Качественные характеристики передвижения связаны часто с упоминанием о звуках, производимых или избегаемых при движении ног: *leise, fast lautlos, wie ein Schatten, schlurfend*. Много сведений дается о привлекающем

Таблица 1

Качественные характеристики передвижения	Мужская речь	Женская речь
Равномерность шагов и степень подъёма ступней	2	1
Осанка, положение головы и рук	10	7
Шум, производимый при ходьбе	2	3
Напряжение, усталость, возникшее при ходьбе	2	4
Эстетическая оценка данного вида передвижения	1	6
Движение ног	–	2

внимание наблюдателя положению тела, головы, рук и других частей тела идущего человека: *aufrecht, frei, gerade, krumm, mit leicht gesenktem Kopf*; о равномерности или связанной с какими-либо трудностями неравномерности шагов: *gemessenen Schrittes, im ruhigen Wanderschritt, stockend, leicht hinkend*, о движении ног: *steif, mit gegrätschten Beinen*; о напряжении: *mühsam sein* Verdun – Bein schleppend; об общем впечатлении в эстетической оценке той или иной манеры передвижения: *anmutig, graziös*. Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет сделать следующие выводы: восприятие движущегося человека, различное у мужчин и женщин, находит, соответственно, и неодинаковое отражение в их речи; так, если внимание мужчины в большей степени привлекает осанка, положение головы и рук идущего человека, то объектом пристального внимания женщины, как правило, является движение ног, напряжение, усталость, связанные с передвижением, а также эстетическая оценка данного вида передвижения.

Т а б л и ц а 2

Количественные характеристики	М	Ж
Длина шага	2	5
Расстояние, длина пути	2	5
Многократное прохождение пути в изменяющемся направлении / единичное движение в одном направлении	22	22
Скорость передвижения	16	32

Количественные характеристики включают в себя данные о скорости передвижения на шкале от медленной до быстрой с различными модификациями, например: *ganz langsam, Schritt fur Schritt, möglichst langsam, ziemlich schnell, schneller, ganz schnell, zu schnell, beinahe laufend*. Обзор примеров, полученных в результате сплошной выборки из произведений художественной литературы, показал, что при характеристике передвижения героев своих произведений женщины склонны в большей степени, чем мужчины, обращать внимание на скорость, с которой они движутся (соотношение между мужской и женской речью 1:2 соответственно). Характерно для женской речи еще и то, что и такие количественные характеристики, как длина шага и расстояние, преодолеваемое субъектом, представлены в большем объеме, чем в мужской речи (их соотношение в мужской и женской речи равно 1: 2,5 соответственно).

Сведения о дистанции, которую преодолевает субъект передвижения, её длине тоже широко представлены в контексте предложения: *...wieviel Meter er noch hätte gehen müssen...*

Многokrатное прохождение дистанции в меняющемся направлении, противопоставленное единичному движению в одном направлении, имеет, по нашим данным, одинаковое отражение в речи мужчин и женщин:

Bienkopp geht auf und ab, auf und ab. Er (Wunschgetreu) geht seinerseits im Buero hin und her (E. Strittmatter 330).

Т а б л и ц а 3

Комитативные характеристики	М	Ж
Переносимые в процессе передвижения предметы	7	2
Одежда, обувь или их отсутствие	8	8
Расположение движущегося субъекта по отношению к другим (рядом, позади)	36	61

Пространственные отношения задаются расположением некого лица или нескольких лиц по отношению к движущимся предметам или лицам, то есть движущимся ориентирам (основное отношение: перед/рядом/позади, один/с кем-нибудь). Любопытен тот факт, что женщины проявляют повышенный интерес к расположению движущегося субъекта по отношению к другим (соотношение составляет 1,7 : 1 соответственно), а для мужчин предметом более пристального внимания становятся переносимые при передвижении предметы (соотношение мужское: женское = 3,5 : 1 соответственно).

В данной статье была сделана попытка выявить некоторые особенности употребления глаголов передвижения в речи представителей мужского и женского пола и наметить возможные направления для дальнейших исследований в этой области лингвистики.

Г.И. Сыроватская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Лексикографический аспект энциклопедического значения слова

Главная характеристика слова, превращающая его в основную единицу языка, – его способность обозначать то, что существует в реальной жизни. Каждая единица языка приобретает свое значение, соотносясь с предметами из окружающего мира. При этом значение обуславливается не только отдельной изолированной связью «знак – обозначаемое», на него оказывает влияние весь корпус знаний, накопленных человечеством за всю историю его существования.

В последнее время в лексикографии наметилась тенденция к эксплицитному и более полному введению энциклопедических сведений в толковый сло-

варь, что вполне отвечает требованиям языковой педагогики и лингводидактики. Такие учебные толковые словари английского языка, как OALD и его энциклопедическое издание, LDOCE и LDOEL&C, COBUILD, CIDE и Harrap's Essential English Dictionary HEED, являются тому наглядными примерами.

Энциклопедические знания в перечисленных выше словарях представлены различными способами, а именно:

1. Энциклопедическая информация в дефиниции дает нам представление об устройстве, функции, происхождении вещи и ее месте в культуре общества.

2. Словосочетания и сложные слова помогают нам понять «мир слова» (окружение слова).

3. Комментарии к словам по их употреблению также помогают нам соотнести их с соответствующими ситуациями, ассоциациями и стереотипами.

4. Примеры иллюстрируют значения и функции слова и помимо грамматического функционирования сообщают сведения о понятийной картине мира того общества, где говорят на данном языке.

5. Ссылки на синонимы, антонимы и пр. помогают создать картину мира, опираясь на лексико-семантические поля.

6. Таблицы являются исконно энциклопедическим способом представления информации, где она суммируется, подытоживается, классифицируется и т.д.

7. Иллюстрации: фото, рисунки, диаграммы, карты, схемы – дают наглядное изображение значения того или иного слова.

8. Включение энциклопедических очерков, примечаний по употреблению слов в определенном контексте или ситуации, стилистические пометы, культурные сноски помогают учащимся лучше ориентироваться как в самой системе языка, так и в той реальности, которую данный язык отражает.

Изменение облика языкового словаря и включение в него энциклопедических сведений в определенной мере обеспечивается современными теоретическими и прикладными исследованиями в области общей и прикладной лингвистики. При этом ставится задача найти такой способ репрезентации, который позволил бы объединить в единое целое знание грамматики, семантики языка и знание о реальном мире.

Так, например, когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов. Тем самым когнитивный подход к лингвистике способствует «энциклопедизации» словарей.

Способом представления знаний, широко используемых в настоящее время, является фрейм как единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном,

типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Фрейм организует наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение.

При таком подходе фрейм – «структура данных для представления стереотипной ситуации, соответствующая обычно частотным, но иногда и непродуктивным стереотипам. С каждым фреймом связаны несколько видов информации: об его использовании и о том, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтвердятся» (Краткий словарь...).

Описание значения слов с помощью связанных с ними фреймов и сценариев оказывается более экономным и вскрывает новые факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных и структурных методов.

Так, например, анализ материала британской художественной литературы, где описывается ситуация «чаепития», позволил описать составляющие элементы фрейма, необходимые для адекватного понимания и использования в речи слова “tea” в значении «прием пищи».

Как известно, англичане пьют чай чаще, чем представители других наций. Существует даже две разновидности английского чаепития: так называемый “high tea”, он же “full tea” (полный чай) и “ordinary tea” (обычный чай). “Full tea” – это своего рода чайный обед, а “ordinary tea” – «постный чай», к нему не положено ничего, кроме молока или дольки лимона и печенья. Традиция английского чаепития между ленчем и обедом возникла в XIX в. и восходит к великосветской моде (5 o'clock tea).

О закреплённости определенного промежутка времени и места проведения данного мероприятия свидетельствуют следующие примеры: «At tea-time he came down to the drawing-room...» (J. Galsworthy, *The Man of Property*). «“Always the afternoon tea with you English!..”» (A. Christie, *Dumb Witness*).

На чай приглашают, устраивая вечеринки в честь какого-либо семейного события, «...tea-parties every Friday» (Jerome K. Jerome, *My Life and Times*).

Как любой прием пищи, он подразумевает сервировку и блюда. К чаю в Англии всегда подается молоко, ибо чай с молоком – это собственно и есть “English tea” (английский чай), следовательно, непременным атрибутом сервировки должен быть сливочник или молочник (It was 5 o'clock... The butler brought in the tea-things» (W.S. Maugham, *The Razor's Edge*).

Соблюдая технологию приготовления, англичане также следуют и определенному правилу – вливать чай в молоко, а не наоборот. «He puts milk in the cup. He reaches the teapot. He pours tea into his cup» (E. Bond, *Saved*).

Подаются к чаю бутерброды (“fish pate sandwich”), булочки (“scones, muffin”), пирожные (“cakes”), гренки (toast). Наличие некоторых блюд сви-

детельствует иногда и об участниках церемонии, принадлежащих к высшим кругам английского общества. «“Why cucumber sandwiches?... Who is coming to tea?” “Please don’t touch cucumber sandwiches. They are ordered especially for aunt Augusta”» (O. Wilde, *The Importance Of Being Earnest*).

Атмосфера чаепития обычно доброжелательна и располагает к флигельным беседам. «... by the strength and sweetness of tea, Mrs Kidder relaxed into gossip, ...» (A. Christie, 4.50 from Paddington) «... the pleasant warmth of tea...» (E.M. Forster, *The Longest Journey*).

Из приведенных примеров, описывающих английское чаепитие, видно, что компонентами фрейма слова «tea» в значении «прием пищи» являются следующие: «социальный обычай» (social habit), «угощение» (entertaining) и «комфорт» (comfort). Как для любого обычая, для него характерно определенное время и место проведения, а поскольку он представляет собой социальное явление, то немаловажным является и указание на участников события. Любое угощение предполагает наличие определенной сервировки, блюд и напитков, а также развлечение гостей. Для того, чтобы люди чувствовали себя комфортно и хоть на какое-то время отвлеклись от повседневных забот, необходима соответствующая обстановка и темы для беседы. Так как все из перечисленных компонентов фигурируют при описании ситуации «английского чаепития», то их нельзя игнорировать. Все они, в той или иной мере, должны быть отражены в словарной статье еще и по той причине, что, кроме объяснения самой ситуации чаепития, они обуславливают образование и употребление собственно языковых средств, присущих именно английскому языку.

Каждая составляющая фрейма «английского чаепития» характеризуется набором словосочетаний, которые в свою очередь являются понятийно полноценными, клишированными, идиоматически связанными и социолингвистически обусловленными. Использование этих словосочетаний носителями языка отражает их физический и социальный опыт.

Так, компонент «социальный обычай» раскрывается такими языковыми образованиями, содержащими слово “tea”, как tea-time, tea break, tea party, afternoon tea, high tea, 5 o’clock tea, cream tea, tea room, tea shop, to invite to tea, to ask sb to tea, to drop into tea, to come to tea. Для «угощения» характерны сложные слова tea-cake, tea service/set, tea cup, tea pot, tea trolley, tea tray, tea-things, tea table, tea cosy. О «комфорте» свидетельствуют фразы tea and sympathy, the warmth of tea, the sweetness of tea, tea-table talks.

Останавливаясь более подробно на тех значениях, которые объясняются в учебных словарях, следует отметить, что особый интерес для нас представляет значение слова “tea” как прием пищи, так как в этом случае слово не имеет эквивалентов в других языках, а потому полнота информации желательна как ни в каком другом.

(light meal served at an) occasion when tea is drunk, esp in the late afternoon (OALD) BrE a) very small meal of cake or biscuits, eaten in the afternoon with a cup of tea b) a large meal that is eaten early in the evening in some parts of Britain (LDOCE) a small meal eaten in the late afternoon, usually including cake and a cup of tea / Br. regional and Aus) a meal which is eaten early in the evening and which is usually cooked (CIDE) a light afternoon meal at which tea sandwiches and cakes are served / (Br.E) the main meal, served in the early evening (HEED).

О чае как трапезе даются более подробные детали о времени ее проведения, участниках, месте и блюдах.

The waitress has served twenty teas since 4 o'clock. // We usually have tea at half past four. // When is tea? (OALD) I'm doing the sandwiches for tea. // I took her to tea at the Ritz. // Br.E. At 5 o'clock he comes back for his tea (COBUILD). Afternoon tea is served in the dining-room from 3 to 5 p.m. every day (CIDE). Tea is ready when he gets home from work (HEED).

В словарных статьях в LDOCE и COBUILD есть ссылки на afternoon tea и high tea. Толкования указанных сочетаний во всех словарях сопровождаются пометой (Br), подчеркивая таким образом то, что это присуще только британской культуре.

(Brit) early evening meal of cooked food, usu with tea (OALD) BrE a meal of cold food, cakes etc eaten in the early evening (LDOCE) (Br) a meal eaten by some people in the late afternoon or early evening which usually includes cooked food and tea to drink (CIDE) Br. a large meal eaten in some households and served in some cafes, usually between 5.00 and 6.00 p.m. consisting of a cooked main course followed by bread and cakes, with tea to drink (HEED).

Однако всего этого недостаточно для того, чтобы охватить тот фрейм, о котором говорилось выше.

Более подробную информацию о напитке и трапезе мы находим в энциклопедических изданиях толковых словарей издания Хорнби и Лонгмен. Так, словарная статья в энциклопедическом издании OALD содержит дополнительный параграф (mini-note), предоставляющий информацию, известную говорящим на английском языке, которая может оказаться полезной для изучающих его, где говорится о популярности данного напитка, который британцы пьют в любое время суток с молоком или сахаром, он может подаваться в различной социальной обстановке, включая вечеринки, когда его подают в элегантных фарфоровых чашечках. Сама трапеза предполагает уют и теплоту отношений между людьми за чашечкой чая.

Здесь же дается ссылка на примечание по употреблению слова "tea" в значении "трапеза" в словарной статье слова DINNER. Откуда становится ясно, что "чаем" может называться прием пищи, который может варьиро-

ваться в зависимости от социального слоя британского общества по времени проведения и количеству блюд в разных регионах Британии.

В энциклопедическом очерке о напитках описывается процесс приготовления напитка путем заваривания листьев в чайнике.

В словарной статье LDOEL&C даётся ссылка на “cream tea” и примечание в словарной статье слова DINNER. Из толкования словосочетания “cream tea” мы узнаем о маленьких булочках (scones), которые подают с джемом и сливками, такой чай считается типично английским и ассоциируется с отпуском в Девоншире.

(In Britain) a light meal taken in the early afternoon consisting of small cakes (SCONES), jam, and cream usu. also with a pot of tea. It is considered to be typically English and is often something people have when on holiday: a Devon cream tea.

Это только то, что касается “tea” с точки зрения подачи его внешнего фрейма в учебных словарях.

Если посмотрим на внутренний фрейм данного слова, то здесь привлекают внимание такие слова и выражения, как “a cup of tea” в значении “чашка чая”, которое в британском разговорном варианте чаще звучит как “cuppa”.

(Brit infml) cup of tea: Shall we have a cuppa? (OALD) и помимо основного значения обладает еще и переносными – “персона, особа” и “увлечение”. В словарной статье “tea” мы находим ссылку на идиому «sb’s cup of tea».

О происхождении слова “tea” свидетельствует другая идиома “not for all the tea in China”, а о дружелюбной обстановке во время трапезы – “tea and sympathy”: BrE kindness and attention that you give someone when you are upset (LDOCE).

Сложные слова указывают на предметы, явления и события, связанные с приготовлением напитка и проведением “чайной церемонии”; некоторые из них опять же характерны только для британского варианта:

tea break (Brit) tea cake 1 (Brit) tea lady (Brit)

tea room (also tea-shop) (OALD).

Как видно из проведенного нами анализа учебных словарей, информация о внешнем фрейме слова “tea”, означающем прием пищи, наиболее полно представлена лишь в энциклопедических изданиях OALD и LDOEL&C.

Но не все реалии, связанные с английским «чаем», актуальны в настоящее время. Об этом свидетельствует сюжет одного из романов Агаты Кристи «В отеле Бертрам». Интрига романа построена на том, что преступники, до мельчайших подробностей воссоздав обстановку respectable английской гостиницы, превратили ее в свою штаб-квартиру, не вызывающую подозрений благодаря мнимой respectableности. Лишь таким пронизательным

людям, как мисс Марпл, инспектору и некоторым другим, показалось невероятным, чтобы в современном, быстро меняющемся мире в этом отеле все оставалось неизменно таким же, как и тридцать лет назад, в том числе и некогда типичный английский "5 o'clock". По сюжету романа именно использование некоторых устаревших реалий в качестве актуальных приводит, в конечном счете, к разоблачению преступников.

"Le Five-o'clock", he was saying. "C'est bien Anglais ça, n'est-ce pas?" He looked round him with approval. Le Five o'clock, thought Davy as he passed through the swing doors to the street. That chap doesn't know that "Le Five o'clock" is as dead as the dodo! (A. Christie, A Bertram Hotel).

Таким образом, с одной стороны, в словарь необходимо включать информацию о слове, актуальную в настоящее время, для правильного его употребления в речи, а с другой стороны, изучающие английский язык должны находить там и то, что поможет им в адекватной интерпретации текстов, где содержится описание обычаев, традиций и исторических фактов, канувших в лету, но известных носителям языка, так как они неотделимы от истории и образа жизни народа его страны, а потому их можно назвать «пассивной» культурной информацией.

Литература

1. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
2. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Дис... д-ра филол. наук. М., 1995.
3. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1995.
4. Fillmore Ch. J. Lexicography and Ethnographic Semantics // Proceedings EuroLEX-94, 1994.
5. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 5-th Edition 1995.
6. OALD, Encyclopedic Edition – Oxford Advanced Learner's Dictionary, Encyclopedic Edition, 1992.
7. Oxford University Press.
8. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. New Edition, 1995. – Harlow, London, 1995.
9. LDOEL&C – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992.
10. COBUILD – The Collins COBUILD English Dictionary / Ed. by J.M. Sinclair and others. – Collins, 1987.
11. CIDE – Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 1995.
12. HEED – Harrap's Essential English Dictionary / Ed. E. Higgleton. HARRAP, 1995.

*Экология языка как гарантия роста высокого уровня
благополучия государства*

Под термином «язык» на Руси в разные времена подразумевались следующие объекты реального и абстрактного миров:

- а) полифункциональный орган человеческого тела («язык – орган»);
- б) акустическая информационная модель, созданная человеком, отображающая взаимоотношения человеческих индивидов друг с другом и с окружающей средой («язык – речь»);
- в) абстрактная символическая система, которая на базе некоторого исчерпывающего множества неповторяющихся символов (букв, цифр или иных знаков), называемого алфавитом (буквенным или цифровым), и при помощи определенных правил, заложенных в некоторой лингвистической модели, производит управляемую генерацию символических носителей информации, позволяющей субъекту в процессе коммуникации передавать, получать или анализировать интересующие его сведения об окружающем мире («язык – дэскриптор»);
- г) система ментальных образов, созданных человеческим мозгом и отражающих информацию о взаимоотношениях объектов и события, существующих в реальном мире, с целью их познания и управления ими («язык – мысль»).

На основании вышеизложенного можно сделать следующее обобщение термина «язык». Под языком понимается реальное или абстрактное (модельное) средство информационного воздействия человеческого индивида на окружающий мир (существующий как вовне, так и внутри его) с целью его познания и выбора наиболее эффективного способа адаптации в нем как биологического существа (являющегося частью человеческой популяции и экологической системы в целом), как и в качестве носителя индивидуального и общественного интеллекта.

Можно выделить 3 основных типа таких воздействий:

- а) ментальные (связанные с деятельностью человеческого мозга, направленного на познание самого себя и порождаемого им абстрактного мира);
- б) экологические (направленные на познание окружающего мира и многообразия существующих в нем взаимосвязей);
- с) социальные (направленные на познание человеческих общностей, с целью адаптации в них и обретения определенного социального статуса).

Интересными разновидностями модельных языков, возникших в 20-х гг. XX в., являются семейства машинных и человеко-машинных языков. Пер-

вое из них предназначено для реализации коллективных действий (без участия человека) различных блоков ЭВМ в процессе решения единой задачи. Второе – для оперативного вмешательства человека в вычислительный процесс. Эти технические языки олицетворяют собой внешние дополнения интеллектуальных возможностей человека (что делает их ближе к первому типу), но направлены они на коммуникации с искусственно созданными им самим же интеллектуальными системами, подобными ему по функциям, но существенно отличными по типу и структуре организации (что не дает возможности их однозначного отнесения ни ко второму, ни к третьему типу).

Из сказанного следует, что современный человек живет в некой языковой среде, предназначенной для информационного обеспечения его жизнедеятельности, созданной усилиями всех поколений людей Земли в ходе ее эволюционного развития. Можно без преувеличения сказать, что данная среда является необходимым условием существования человека как существа разумного и общественного. Эта сервисная среда постоянно развивается во времени и в пространстве. На определенных стадиях эволюционного процесса в ней формируются принципиально новые коммуникационные, инструментальные, информационные системы, способствующие развитию интеллектуальных возможностей человека.

В то же время происходит естественноисторический отбор наиболее эффективных в прикладном и ценных в духовно-эстетическом отношении традиционных языковых структур, конструкций и концепций. Этот отбор, длящийся значительное историческое время, соизмеримое со временем смены эпох и цивилизаций, формирует устойчивые виды и системы языковых коммуникаций, закрепляя их в общественном сознании как объективную необходимость, и тем самым создает национальный менталитет, а в наивысшей стадии его развития – национальную культуру, присущие каждой сложившейся нации.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что языковая среда постоянно эволюционирует одновременно в двух направлениях: информационном и культурно-эстетическом, которые при низком уровне развития социальных и государственных морально-этических норм, а также – несовершенного законодательства, могут конфронтировать, вплоть до антагонизма. Упомянутая конфронтация делает языковую среду неустойчивой в силу ее специфических свойств (неоднородность, нелинейность; стохастичность и немотивированность поведения человека – носителя языка и культуры и т.п.), особенно при условии регулярных «внешних» воздействий (языковые среды иностранных государств, «чуждые», несовместимые или трудно совместимые культуры и т.п.). В силу указанных специфических свойств в языковой

среде государства периодически появляются геосоциальные (обусловленные действиями географических и социально-демографических факторов) зоны бифуркаций (или как называют их аналоги в технических системах – «странные аттракторы»), которые делают языковую среду на какое-то время непредсказуемой и неуправляемой, особенно в экономическом отношении.

Кроме духовно-эстетического и рационального (информационного) начал, в языковой среде человека постоянно проявляются тенденции эгоистического и агрессивного толка, носителями которых являются различные «злокачественные» (по отношению к системам, сложившимся в языковой и культурной средах в качестве незыблемой платформы) словообразования и их более сложные конструкции.

Особенно сильны агрессии в языковой среде со стороны молодежных поп- и субкультур, а также – криминалитета. Первые руководствуются стремлением к популярности (зачастую – сомнительной), оригинальности и псевдонаторству. Как правило, за этими устремлениями скрываются гражданская незрелость, инфантильность и невысокая культура указанных представителей молодого поколения. Вторые, представители криминального мира, производят данную агрессию сознательно, стараясь сознательно культивировать в языковой и культурной средах собственную криминогенную субкультуру, конечная цель которой – криминальное государство.

Активный информационный антиэстетический прессинг осуществляется по отношению к языковой и культурной среде России чрезмерно навязчивой и пошлой рекламой. Особый трагизм воздействия негативной и некачественной рекламы (а ее – большинство) заключается в том, что, не достигая адекватной финансовой реакции со стороны предполагаемого потребителя, она через представителей определенного контингента молодежи проникает в языковую и культурную среды и устойчиво закрепляется там в виде расхожих штампов антирекламы.

Можно привести наиболее расхожие образцы социального словотворчества, режиссура которого осуществлялась близкими к средствам массовой информации представителями различных социальных слоев (групп) населения России (например: «прикол» – розыгрыш, шутка; «лох» – обыватель; «оттянуться» – отдыхать, наслаждаться отдыхом; «фишка» – смысл, понятие, событие; «клёво» – хорошо, прекрасно; «косяк» – подвох, спровоцированная неприятность; кроме того – порция наркотика, вмонтированная в сигарету или папиросу; «торчать», вариант – «балдеть» – веселиться с удовольствием, получать удовольствие, приятно удивляться; «заторчать» – задержаться дольше предполагаемого и т.д.). Продемонстрированный словесный ряд является поистине массовым народным творчеством, созданным и

введенным в устойчивый оборот всеми слоями общества (рабочей, студенческой и армейской молодежи; журналистами, ведущими теле- и радио-программ и т.п.).

Особо варварски обращается с языком криминалитет («пруха» – удача, везенье; «чернуха» – клевета, неприглядные стороны жизни, неприятности; «безнадега» – невезенье, нереальное событие; более жесткие слова и выражения здесь не приводятся). Менее жестоко, но более назойливо в этом направлении действуют через рекламные ухищрения представители коммерческого мира («сникерснуть» – съесть сомнительного качества шоколадку «Сникерс»; «вливатьсь») – пить рекламируемые напитки; «проявка» – проявление фотопленки и т.п.), шоу-бизнеса («фанера» – фоновая музыкальная запись, сопровождающая пение; «раскрутка» – популяризация молодого исполнителя и т.д.). В повседневном обороте в России широко используются «словоблудие» (немотивированное и необоснованное обращение к услугам иностранных языков при наименовании широко употребляемых в обиходе предметов, в то время, когда родной язык обладает более мощными возможностями в информационном и культурно-эстетическом отношении) и нецензурная речь, традиционно присущая для многих поколений россиян. Перлами словоблудия являются «шузы» – обувь, «шоу» – концерт, сценическое или музыкальное действие, «прайс-релиз» – ценник, прейскурант; «баксы» – доллары; «презентация» – открытие, представление, предоставление; «офис» – здание, контора, представительство).

Указанные выше примеры варварского отношения к русскому языку, официально признанному во всем мире как высокохудожественный и максимально насыщенный синтаксическими, семантическими и лексикографическими возможностями (т.е. функционально полный) и не нуждающийся (как дескриптивное и коммуникационное средство) в каких-либо модернизациях и модификациях, неотвратимо приводят к формированию следующей проблемной ситуации: за счет «злокачественных» образований в языке и языковой среде происходит неуклонное снижение культурно-эстетического уровня на фоне ускоренного роста информационной и лексической избыточности.

Языковая среда, как и ее создатель – человек, двойственна по своей природе: это и интеллектуальная среда (обеспечивающая необходимые и достаточные условия формирования, развития и функционирования интеллекта), и часть экологической системы (как среда обитания и коммуникаций человека). Поэтому ее проблемная ситуация сродни той, что сложилась в экологической системе: загрязнения бесполезными и неэффективными образованиями, конструкциями, чуждыми традиционному национальному языку, информационный и лексический прессинг со стороны рекламы, средств массовой

информации, преднамеренное отчуждение из повседневного и повсеместного оборота традиционных языковых средств и конструкций, воплощающих национальный (или многонациональный в рамках России) колорит, интродукция иностранных социально-коммуникационных штампов, импортирующих в той или иной форме собственные национальные стереотипы и менталитеты и т.д.

Для борьбы с этим социальным, а с учетом сделанных выше сравнений и экологическим злом необходима разработка всероссийской комплексной программы охраны и рекультивации языковой среды, вплоть до введения своеобразной лексико-этической цензуры со стороны государственных и независимых организаций. Все это обеспечит экологически «чистое» состояние языковой среды, необходимое для эффективного функционирования и развития государственных и общественных структур, а также для каждого отдельно взятого человека.

Реализация кампании за экологическую чистоту языка и языковой среды будет способствовать в конечном итоге росту благосостояния (духовного, морального и материального) государства и его граждан. Однако это станет возможным только тогда, когда каждый человек и все российское общество осознает истинную суть, ценность и катастрофичность состояния языка и языковой среды.

Охрана и рекультивация языковой среды, оснащение ее современными техническими средствами, воспитание у граждан осознанного, бережного и уважительного отношения к языку межнационального общения будут способствовать повышению культурного и духовного уровня издаваемой в России научной, художественной и специальной литературы, а также произведений, отображаемых аудио-, видео- и шоу- средствами. Эти культурные ценности, будучи востребованными на внутреннем и внешних рынках, обеспечат существенные финансовые поступления в бюджет, а через это – рост благосостояния.

Л.Г. Ефанова

Томский государственный педагогический университет

Истина как норма

Содержание понятия «истина» долгое время было и остается предметом философских споров. Сегодня оно исследуется учеными разных областей знания, в том числе лингвистами. Одним из наиболее разработанных подходов к его изучению здесь является рассмотрение истинности высказывания

как необходимого условия успешного речевого общения – коммуникативной нормы (Г.П. Грайс). Однако, как показывает анализ языкового материала, и в частности русских пословиц, нормативный характер истины проявляется не только при речевом общении, требование соблюдения нормы истинности пронизывают все бытие человека.

Как любая норма, норма истинности является разновидностью оценки и состоит из следующих компонентов: субъект оценки, предмет оценки и основание оценки. В процессе оценивания субъект оценки сопоставляет предмет оценки с ее основанием. Особенностью оценки с точки зрения нормы является то, что в качестве основания оценки здесь выступает постоянная универсальная норма. Другим важным свойством нормативной оценки является ее стандартизированность при помощи санкций – того или иного наказания за отступление от нормы.

В языке оценка выражается в основном при помощи оценочных суждений. Примером нормативных оценочных суждений могут служить пословицы, где субъект оценки (говорящий) сопоставляет объект оценки (обычно речевое высказывание) с некоторой идеальной нормой (основанием оценки). Именно основание оценки определяет тематику пословицы. В пословицах о правде и истине таким нормативным основанием является объективная истина.

Анализ русских пословиц позволил установить неоднородность содержания, вкладываемое в понятие «истина» носителями языка, и выявить в нем три уровня, а следовательно, три варианта значения называющих его слов. Различия между этими вариантами обусловлены характеристиками составляющих нормативной оценки (субъекта, предмета и основания оценки).

1. Действуя в рамках социума, норма истинности может рассматриваться как социальная норма. Поскольку социальные нормы устанавливаются обществом, то субъектом оценки с позиций такой нормы является общество или отдельные его представители. В качестве предмета оценки при этом выступает речевое поведение какого-либо члена социума, а ее основанием является объективное (истинное) положение дел. Отклонение от нормы истинности осознается носителями языка именно как ее нарушение, аномалия (ср.: исказить истину, грешить против истины), а сама истина признается тем критерием, относительно которого осуществляется оценка (ср.: соответствовать – не соответствовать истине). Особенностью нормы истинности является то, что оцениванию с точки зрения этой нормы может подвергаться не только речевое произведение социального субъекта (правда – ложь), но и его поведение (Кто лжет, тот и крадет; На людей налыгать – не себя очищать) и сам этот субъект (лжец, лгун, враль). Именно в отношении такого субъекта социум осуществляет определенные санкции – обычно выносит моральное пори-

пание (Проврался, что прокрался: люди долго помнят или вперед не поверят; Без правды жить – избойтись, а не поверят – удавиться).

2. Истина является не только регулятором социального поведения людей, но и тем нравственным критерием, который определяет внутреннюю жизнь личности. В этом случае норма истинности выступает в качестве моральной нормы. Отклонение от моральной нормы истинности И. Кант назвал «внутренней ложью». В отличие от «лжи внешней», вводящей в заблуждение членов социума, «внутренняя ложь» не влечет за собой наказания со стороны общества. Нарушение моральной нормы истинности карается угрозами совести, и этот вид санкции отражен в пословицах: Совесть без зубов, а загрызет; Злая совесть стоит палача; Стыд – та же смерть. Моральная норма истинности объединяет в одном лице субъект и предмет оценки, поскольку в качестве субъекта оценки в этом случае выступает совесть самого субъекта лжи, а в качестве предмета оценки – его поведение. Моральная норма истинности представляется в сознании носителей русского языка более устойчивой и объективной, чем социальные, и в том числе правовые, нормы, о чем свидетельствуют пословицы: Закон что дышло: куда повернешь, то и вышло; На правду нет суда.

3. Социальная и этическая нормы истинности имеют своим субъектом личность или общество. Однако ни человек, ни социум в целом не способны познать истину во всей ее полноте и передать ее без искажений (В море глубины, а в людях правды не изведает; У каждого Павла своя правда). Относительность моральной и социальной оценок позволяет предположить существование более высокого уровня оценки с точки зрения нормы истинности и более сложной ее структуры. В сознании русского православного человека эта норма связана с Богом и не может быть воплощена в реальном земном бытии человека (Правда живет у Бога, а кривда – на земле; Правда свята, а мы люди грешные). Такое представление о норме истинности является не только фактом национального самосознания, но и находится в соответствии с представлением о норме истинности, выработанным в христианской философии: «Истина о всякой вещи есть не только истина о том, что есть, но и о том, чем должна быть данная вещь» [1: 36], т.е. включает в себя представление о некоторой идеальной норме. В соответствии с этим представлением основанием нормы истинности является не объективная действительность, но некий недостижимый в этой действительности идеал. Границы предмета оценки при этом существенно расширяются и могут включать не только отдельные речевые произведения, но любой элемент человеческого бытия. Наконец, субъект оценки, в отличие от социального, должен быть всеведущ, а наказание за нарушение такой нормы – неотвратимо и, безусловно, справед-

ливо. В сознании русского православного человека таким справедливым судьей, которому одному известен идеал истины, может быть только Бог: Правда живет у Бога; В Боге нет неправды; В неправде Бог карает; Как ни путай, а Божья воля распутает; Кто правду хранит, того Бог наградит.

Литература

1. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1996.

И.Г. Темникова

Томский государственный университет

*История развития категории собирательности как отражение
некоторых процессов в развитии человеческого мышления
(на материале английского языка)*

Собирательность относится к числу древнейших и интереснейших языковых явлений. Будучи категорией семантической, собирательность теснейшим образом связана с грамматической категорией числа, и этот факт был отмечен и отнесен А.А. Реформатским к языковым парадоксам [1960].

Как собирательность, так и грамматическая категория числа служат выражением в языке значения множественности, и в этом они схожи. Однако можно обнаружить и некоторые различия:

1) различие значений. Как известно, множества в реальной действительности неоднородны, и это находит отражение в языке. В лингвистике выделяют различные типы значений множественности – множество может быть определенным и неопределенным, сплошным и дискретным, однородным и неоднородным и т.д. [см.: Холодович, 1979]. Так, существительное в форме множественного числа может выражать неопределенное дискретное множество (например, дома, города), а может передавать значение сплошного однородного множества (например, леса, поля, стада). Что же касается собирательных существительных, то, согласно общепринятому определению, такие имена в форме единственного числа обозначают совокупное множество однородных лиц или предметов, представленных как единое целое. Иными словами, собирательные имена существительные служат для обозначения ограниченного однородного дискретного множества. Здесь следует сделать оговорку, что дискретность может проявляться в разной мере, поэтому в англистике, например, существует традиция выделять 2 типа собирательности – объединенную и раздельную (во втором случае признак дискретности выражен сильнее).

2) различие выражения. Грамматическая категория числа располагает рядом формальных показателей – флексий, которые, будучи добавленными к любому существительному, придают ему форму множественного числа и соответствующее ей значение множества (например, в английском языке это суффиксы -s, -en). Собирательность же выражена лексически, она передается значением самого слова.

Значения собирательности и простой множественности, формой выражения которой служит множественное число, связаны генетически. Рассматривая эти два значения в диахроническом плане, некоторые лингвисты приходят к выводу, что первоначально существовала лишь собирательность и лишь позднее, с развитием способности человека к абстрактному мышлению, появилось значение простой множественности и формы, его выражающие. Собирательные существительные определяются иногда как «дограмматические имена множественные» [Дегтярёв: 57]. История развития значений собирательности и простой множественности позволяет сделать некоторые выводы о том, как изменилось восприятие человеком окружающего мира с древнейших времен до наших дней.

Интересные данные, подтверждающие теорию первичности собирательного значения, были получены Л. Леви-Брюлем в ходе наблюдения над народами Австралии и Новой Гвинеи, стоящими на низкой ступени развития и условно названными «первобытными». Обобщая свои наблюдения, Л. Леви-Брюль определяет сознание и мышление этих людей как коллективное. Характерными чертами такого сознания являются ощущение человеком себя не как отдельного индивидуума, а как части целого (например, племени), а также представление о мире и его явлениях как о сплошном континууме. Мышление такого человека оперирует «коллективными» представлениями, которые «употребляются без всякого различия для обозначения одного существа и многих существ...» [Леви-Брюль: 109]. Развитие аналитического мышления привело к изменению картины мира древнего человека, к постепенному дроблению на более мелкие элементы. Осознание того, что то или иное множество состоит из отдельных самостоятельных единиц, вызвало появление категории числа. Разумеется, такая упрощенная схема дает лишь самое приблизительное представление о сложнейшем процессе, проходившем в течение долгого периода времени. Однако некоторые элементы этого процесса можно обнаружить, изучая историю развития языка.

Если попытаться сравнить лексико-грамматический разряд собирательных существительных на разных этапах развития английского языка, то сразу привлекает внимание некоторое сокращение количества собирательных лексем в современном английском по сравнению с древнеанглийским перио-

дом развития языка (подобные данные об уменьшении количества собирательных лексем приводятся и на материале других языков, например русского). Кроме того, можно констатировать и изменения в морфологическом составе собирательных имен: значительная их часть на современном этапе развития английского языка содержит в своем составе суффиксы, которые и придают этим словам собирательное значение. К таким суффиксам И.В. Арнольд относит *-age*, *-dom*, *-hood*, *-ship*, и др. [71]. Большая часть суффиксов со значением собирательности появилась, согласно наблюдениям З.И. Котовой, в средне- и новоанглийский период [см.: Котова].

Что же касается древнеанглийского периода, то здесь также существует разделение собирательных имен на простые и производные, однако древнеанглийские собирательные имена, имеющие в своем составе аффикс с собирательным значением, значительно отличаются от современных аналогов. В качестве примера рассмотрим древнеанглийскую лексему *burghwa*. Это существительное можно отнести к собирательным, поскольку его значение определяется как «жители города, воспринимаемые как сообщество». В тексте слово также функционирует как собирательное, что выражается в согласовании подлежащего *burghwa* с глаголом в форме единственного числа, а также в частом его употреблении со словами-маркерами собирательности.

По своему морфологическому составу лексема *burghwa* является производной. Первая часть лексемы *burgh* употребляется в древнеанглийском как самостоятельное слово со значением «город, крепость, защищенное место». Вторая же его часть представляет собой форму, являющуюся своего рода переходным элементом между свободной самостоятельной лексемой и связанной морфемой, суффиксом. Форма *-wa* в древнеанглийских письменных памятниках не встречается как самостоятельное слово; однако она широко распространена в качестве второго элемента сложных слов собирательного значения: *eorthwa* «население земли», *hellwa* «жители ада», *landwa* «население страны» и т.д. Таким образом, по своему употреблению *-wa* напоминает суффикс. Однако англо-саксонский словарь Босворта-Толлера определяет *-wa* как «форму, встречающуюся только в сложных словах с собирательным значением «жители какого-либо места». Вероятно, само значение формы *-wa*, определяющее лексическое значение слова, компонентом которого она является, а также наличие в древнеанглийском соотносимой с ней свободной лексемы *wa* (*-an; m*) «житель», не позволяет присвоить ей статус суффикса. Наличие лексемы *wa* позволяет предположить, что форма *-wa* соотносилась скорее с расчлененным денотатом, т.е. составляющие множество, обозначенное лексемой, содержащей в своем составе форму *-wa*, осмысливались как отдельные самостоятельные единицы.

Обратимся теперь к тем понятиям, которые обозначались англосаксами при помощи собирательных лексем. Среди собирательных существительных древнеанглийского языка можно встретить лексемы, обозначающие такие понятия, как семья, родня (maegth, hus), потомство (bearn), род, племя, народ (супп, folc, leod), войско (here, fierd), имущество (feoh).

Все эти понятия существовали задолго до того, как возникли объединения «население города», «население страны». Интересно отметить, что слова, служащие для обозначения более древних понятий, по своей структуре являются простыми.

Вышеизложенные факты, думается, могут послужить аргументом в пользу гипотезы о постепенном вычленении отдельных элементов окружающей действительности в процессе развития человеческого сознания и мышления. Кроме того, обозначение более поздних понятий производными лексемами, соотносящимися с расчлененным денотатом, позволяет говорить о некотором сближении значений собирательности и простой множественности на данном этапе развития языка.

Литература

1. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках. Ростов-на-Дону, 1982.
2. Котова З.И. Собирательные существительные в английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1964.
3. Леви-Брюль Л. Сверхестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
4. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960. С. 384–400.
5. Холодович А.А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 173–195.
6. Arnold I.V. The English Word. М.; Л., 1966.
7. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, 1954.

И.А. Галкина

Томский государственный педагогический университет

Сочетание различных средств выражения расстояния с цифровым обозначением

Категория количества выражает фундаментальные уровни понимания человеком природы, общества, самого себя. В данной категориальной форме отражается практическая деятельность, его культура.

Наблюдая историю языка, можно заметить постоянные изменения, в которых отражаются чёткие правила, помогающие изучающему язык восстанавливать их в полной мере и отметить те из них, которые остаются в силе в определённое время и в определённом месте без исключения [Levitt: 15].

Как правило, выражение количественных отношений в языке носит характер абсолютного множества, за исключением тех случаев, когда предметы или явления подлежат точному счёту и имеют лексически-числовую форму своего выражения. Все слова, как единицы языковой системы, выражают нечто общее. Слово обозначает общее, включающее в себя всех индивидуумов, рассеянных во времени и пространстве, и таким образом относится к индивидуумам как настоящего времени, так и прошедшего [Радхакришнан: 92].

Значения слов, вкладываемые индивидуумом, покоятся на специфической форме отражения действительности: обобщении и абстракции. В связи с этим многим словам и, в частности, словам, выражающим расстояние, присутствию: ситуативность, то есть смысловая зависимость от ситуации речи, и эгоцентризм, то есть отнесённость к субъекту речи.

Количественные отношения группируются вокруг двух основных значений:

1. Значения точного количества, объективного в своей основе.

And se Estmere is huru fiftene mila brad. И Вислинский залив по крайней мере 15 миль в ширину.

2. Значения приблизительного количества, субъективного в своей основе, которое выражается словами – квантификаторами.

Выделение этих единиц в особую группу количественных было проведено академиком Л.В. Щербой, впервые обрисовавшим квантификаторы, которые обладают, по его мнению, абстрактно – количественным значением. Они являются наиболее абстрактными выразителями количественных и пространственных значений и более отвлечёнными по уровню обобщения, чем количественные числительные.

Др. англ. Smæl – совр. англ. Small – узкий [Skeat: 494].

He sæde that Northmanna land wære swythe lang and swythe smæl. Он сказал, что земля норманнов была очень длинной и узкой. [Всемирная история Оросия].

Др. англ. lang, совр. англ. Long – длинный, распространённый [Skeat: 301].

S e wudu is east lang and west lang hundtwelftiges mila lang oððe lengra. ... лес, простиравшийся с востока на запад на 120 миль, дальше и дальше.

Пространство каждой материальной системы незамкнуто, непрерывно переходит в пространство другой системы, которое может отличаться по метрическим и другим локальным свойствам, и отсюда происходит многосвязность реального пространства, его неисчерпаемость в количественных и качественных отношениях.

В результате исследования древнеанглийских текстов было отмечено, что категория слов-квантификаторов занимает значительное место среди слов, относящихся к пространственной лексике, и именно их исходное значение неопределённого количества находит своё выражение при отражении реальной действительности в виде картины мира англосаксов.

О.В. Кудаманова
Томский государственный университет
*О некоторых экстралингвистических причинах
демотивации слов английского языка*

Демотивация (процесс полной или частичной утраты словом его мотивированности) в английском языке, как и в других языках мира, может быть обусловлена как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К последним относятся те изменения, которые происходят с предметами или явлениями реальной жизни. Так, к демотивации может привести выход из употребления денотата, обозначаемого словом-мотиватором, или смена способа, сферы его употребления.

Обратимся к материалу английского языка.

Глагол to bless “благословлять, освящать” мотивировался словом blood “кровь”. По данным словаря Random House Webster’s Unabridged Electronic Dictionary, в древнеанглийском языке у глагола было значение “освящать, очищать от грехов, первоначально кровью”. По всей видимости, в связи с изменением обряда и перехода к «бескровной» процедуре, глагол демотивировался, о чем свидетельствуют данные словарей:

Lingvo 5a –

- 1) благословлять, освящать;
- 2) славословить;
- 3) делать счастливым, осчастливливать.

Random House –

- 1) освящать, очищать от порока церковным обрядом, делать или объявлять святым;
- 2) просить у Бога награждения священным благословением;
- 3) наградить добром любого рода;
- 4) превозносить как священное, прославлять;
- 5) ограждать или защищать от зла (обычно в междометиях);
- 6) осуждать или проклинать;
- 7) креститься.

Существительное taper “тонкая свечка” мотивировалось словом paper “бумага”. Но уже в среднеанглийском языке у него появляется значение “восковая свеча (wax candle)”. Очевидно, изменился материал, из которого делали свечи. В результате демотивации у слова остались значения:

Lingvo 5a –

- 1) тонкая свечка;
- 2) слабый свет.

Random House –

1) свечка, особенно очень тонкая;

2) тонкий фитиль, покрытый воском, жиром или чем-либо подобным для использования в свечах или газе.

A. S. Hornby Oxford Student's Dictionary of Current English –

Тонкая полоска, нить, покрытая воском, сжигаемая для получения света.

Интересен процесс развития значений существительных lunch “ланч, обед” и luncheon “завтрак (обыкн. официальный)”. Существительное luncheon мотивировалось словом noon “полдень” и словом schenck “напиток”, выпешшим из состава английского языка. В результате морфологических изменений образовалось слово lunch, существующее сегодня в английском языке параллельно со словом luncheon. В то время, как lunch и luncheon носители языка продолжают принимать в середине дня (то есть в реальности сохраняется связь с noon), напитки же заменили едой (что привело к потере мотивационных отношений со словом schenck). Обратимся к данным словарей:

Lingvo 5a –

Lunch:

1) обед (обычно в полдень в середине рабочего дня), ленч;

2) легкая закуска.

Luncheon:

завтрак (обыкн. официальный); легкий завтрак.

Random House –

Lunch:

Сущ. 1) небольшой прием пищи в полдень между завтраком и ужином;

2) любой небольшой прием пищи или закуска.

Глаг. 3) есть ланч.

Приведем фрагмент художественного текста: I was about to accept a place in one of these Women's Auxiliary Bazars, where they build a parsonage by selling a spoonful of chicken salad and a cream-puff for seventy-five cents and calling it a Business Man's Lunch. (The Gentle Grafter, by O. Henry). “Я чуть было не согласился принять участие в одном из этих женских благотворительных базаров, где они строят приход, продавая ложку куриного салата и сливочный пирожок за 75 центов, называя это обедом делового человека”.

Нужно отметить: привязанность приема пищи к определенному времени дня ослабевает у носителей языка, и этот факт находит отражение в словарных статьях Random House:

Lunch: 2) любой небольшой прием пищи или закуска.

Следовательно, выявление всех внешних причин демотивации слов предполагает глубокое знание истории и культуры этноса.

Е.В. Бирюкова
Новосибирский государственный педагогический университет
*Семантико-прагматические аспекты зооморфизмов
в русском и английском языках*

Тема работы, которую мы предлагаем вашему вниманию: «Семантико-прагматические аспекты зооморфизмов в русском и английском языках». На современном этапе, с учётом современных актуальных проблем русистики эта тема рассматривается в рамках понятий «Языковая картина мира», «Языковая интерпретация».

Под зооморфизмом мы понимаем (вслед за М.И. Черемисиной и О.А. Рьжжиной) семантический метафорический вариант названия животного, образованный на базе прямого значения (например, акулы пера, акулы политики, кот мартовский).

Вопросами семантики, синтактики экспрессивного фонда и, в частности, зооморфизмов активно занимались в 70–80-е гг. такие лингвисты, как Л.С. Войтик, Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, Н.А. Лукьянова, О.А. Рьжжина, Т.А. Трипольская, М.И. Черемисина и др. Прежде всего они выделили круг слов – названий животных, которые образуют характеристические значения, и достаточно полно описали особенности семантики и речевого потенциала отдельных зоонимов (петух, осел, лошадь, медведь и др.). Особенности семантики зооморфизма они определили как многокомпонентность и диффузность, которые нейтрализуются в каждом случае его употребления в тексте (высококачественная лиса, хитрая лиса). Описывая компоненты содержания экспрессивных единиц (эмоциональность, оценочность, образность, интенсивность/экстенсивность), классифицируя экспрессивные единицы, исследователи определили зооморфизмы как семантические производные номинативных лексем или метафорические экспрессивы. Далее был определен ряд дополнительных требований к лексикографическому описанию экспрессива (глубокий семантический анализ, отражение как денотативного, так и коннотативного аспекта значения, использование описательных и синонимических толкований, система помет и др.). И, наконец, была доказана целесообразность использования комплексной методики исследования экспрессивного слова, которая включает: метод идентификации, дефиниционный анализ, контекстный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа, а также метод психолингвистического эксперимента.

В 90-х гг. предметом исследования в области экспрессивного фонда стали: национальная специфика семантики (Т.Ф. Ухина, Воронеж, 1991), мотивированность зоонимов в языках (Л.П. Леонова, Тверь, 1993), прагматический потенциал зооморфизмов (С.В. Свионтковская, Пятигорск, 1996) и др.

Изучение экспрессивного фонда любого языка – это многоаспектная и неисчерпаемая тема для исследования, тем более, что сейчас она входит в актуальную область «Лингвистическая прагматика», которая подчеркивает необходимость антропоцентрического подхода к исследованию.

Цель нашей работы – через зообразы показать различия языковой картины мира русского и англоязычного человека.

В соответствии с целью в круг задач мы включили: описание особенностей семантики слов-названий животных русского и английского языков, сопоставление этих особенностей, выявление общего и различного, степени идиоматичности, направленности семантического развития, определение приоритетных концептов, отраженных в зооморфных характеристиках.

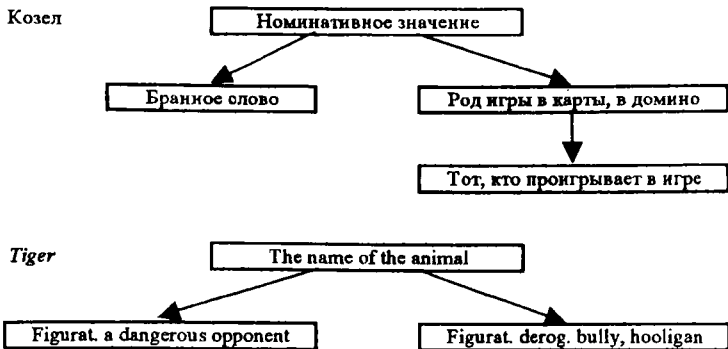
Изучение метафорических зообразов в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить национальную специфику каждого языка (в одной из его частей), отделяющую его от других.

Итоги сравнительного анализа

1. Семантическая структура зоонимов в русском и английском языках обычно сложная: немало из них развивают 2 и более значений. Многозначность слова определяется особенностями повседневного опыта человека: а) практической заинтересованностью в использовании данных животных в хозяйстве (например, английское *shrimp* – «*derog. a small person*» – креветка – «ничтожество»); б) как относится человек к этому животному (корова в индийской и европейской традициях); в) своеобразием животного мира (живет или не живет животное на данной территории (например, для русских: стервятник, зубр, соловей; для англичан: *buffalo*, для американцев: *coon*, *coyote*); г) малочисленностью или, наоборот, представлено большим количеством особей (заяц, лиса, медведь (рус.)); д) а также наличием ярких отличительных признаков, характеризующих внешность или повадки животного (слон, попугай, *tiger*).

2. Образование новых значений происходит на основе сем, уже существующих в номинативном значении. Животное заяц – маленькое и трусливое. Это семы номинативного значения, которые явились основой для метафорического переноса наименования: очень часто маленького и трусливого человека мы называем зайцем. Однако, в некоторых случаях возможна актуализация факультативных сем: в одном из африканских языков (суахили) зайцем называют бесшабашного, неожиданно смелого человека.

3. Между лексическими значениями, входящими в семантическую структуру зоонима, существует как радиальная, так и цепочная связь, однако радиальная преобладает.

4. Как для русского, так и для английского языка характерно наличие в семантической структуре слов-названий животных лексико-семантического варианта, основанного на метафорическом переносе. Это свойство группы можно считать лингвистической универсалией. В процессе исследования мы объединили зоометафоры в три группы: 1) метафоры с определенными, устойчивыми переносными значениями (трутень, drone); 2) метафорические характеристики, не имеющие конкретного ядерного значения, т.е. в различных контекстах актуализирующие то один, то другой смысл (медведь, петух, wolf, bear: Он был натурой не творческой, но чрезвычайно честной домовой лошады. Ее единственной подругой была эта огромная лошадь Селяя); 3) окказиональные метафорические характеристики, в роли которых может быть употреблено любое название животного. Их смысловое содержание определяется в контексте (милая моя обезьянка).

5. В план содержания образных зоохарактеристик обоих языков входит коннотативный компонент, опирающийся на эмоциональную оценку, и стилистический элемент (информация о сфере употребления слова): для зооморфизмов характерно употребление в разговорно-бытовом стиле, а также в языке художественной литературы (особенно в диалогах). Однако в переводных с английского языка экономических статьях встречаем употребление названий животных в качестве финансовых и политических терминов: *bear* – медведь – «a speculator for a fall – спекулянт, играющий на понижение»; *bull* – бык – «a speculator trying to raise prices – спекулянт, играющий на повышение»; *kangaroo* – кенгуру – «a regular dealer in stocks – биржевик»; *stag* – олень – «a speculator on the exchange – биржевой спекулянт»; *rat* – крыса – «betrayal – предатель»; *rook* – грач – «swindler, cheat – мошенник, жулик, шулер» и др. Русскому языку не свойственно употребление зоонимов в подобных значениях, т.е. семантика русских зоонимов не развивалась в направлении, связанном с политикой и экономикой.

Слово *акула* может служить лишь слабым исключением. Английский словарь Лонгмана отмечает у слова *shark* – акула одно переносное значение «(inflml.) a person clever at getting money from others in dishonest ways – об умном человеке, способном добывать деньги у других нечестным путем». No doubt, we cannot trust such a *shark* like he is or we'll fail. – Нет никакого сомнения в том, что нам не следует доверять такой акуле, как он, иначе мы обанкротимся.

Словарь русского языка не выделяет значений, кроме номинативного (неточность словарного описания), хотя образ крупной, хищной рыбы с острыми зубами в современном языке является продуктивным для характеристики человека (влияние внеязыковой действительности: изменение политических и экономических отношений в России, а следовательно, и духовного мира русского человека): акулы пера, т.е. журналисты, способные задавать острые, нетрадиционные вопросы, стремящиеся «укусить, уколоть»; акулы бизнеса – о бизнесмене, готовом проглотить конкурента, использующем любые средства (честные или нечестные) для достижения своей цели; акулы политики – характеристика крупного, мощного политика, которого трудно победить, сломить.

Во время экономического кризиса устоять на ногах смогут лишь акулы бизнеса.

Т.е., несмотря на различие в содержании образных значений современных слов *shark* – акула, на наш взгляд, имеет место некоторое пересечение смыслов. Что касается русского зооморфизма, то следует добавить, что в советское время эта характеристика была идеологизированной; акулы империализма, капитализма, буржуазные акулы. В подобных сочетаниях данная зоохарактеристика по своему содержанию еще ближе к образному значению в английском языке: нечестные, непорядочные люди.

6. Тожественность значений зооморфизмов русского и английского языков обусловлена, во-первых, одинаковой этимологией: *dark horse* – темная лошадка, *a dog in the manger* – собака на сене и др. Источники, давшие им рождение (библия, басни Эзопа), известны всему миру. Во-вторых, одними и теми же ассоциациями у носителей разных языков, связанными с животными. «The origin of the phrase crocodile tears was the fabulous belief that the crocodile wept in order to allure, or while devouring, its victims» [17]. Переносное значение у выражения *крокодиловы слезы* появилось от поверья, будто крокодил плачет, заманивая или съедая свою жертву. «Swan song is the allusion to the fabulous belief that a swan sings shortly or immediately before it dies» [17]. Лебединая песня – это аллюзия из легенды, что лебедь поет краткую песню прямо перед смертью.

7. Одна и та же экстралингвистическая данность может по-разному преломляться в разных языках: основой для возникновения образных смыслов могут служить разные периферийные семы номинативного значения. Эти смыслы составляют национальный компонент семантической структуры зооморфизмов, в котором отражается национальная специфика культуры народа, его языковая картина мира.

Например, в русском языке *курицей* называют глупую, суетливую, беспоконную женщину; есть также значения мокрая курица (о безвольном или имеющем плохой вид человеке), *слепая курица* (о человеке с плохим зрением или о духовно бедном человеке). В английском разговорном языке слово *курица* используется как дружеское обращение к женщине, чаще всего в значении «мать», т.е. коннотация русского зоонима по сравнению с английским имеет отрицательную оценку, хотя сема «беспокойная» присутствует и в том и в другом языке. Возможно, неполным эквивалентом *hen* в русском языке в данном значении может быть синоним *наседка*, однако чаще всего данной зоохарактеристике свойственно ироничное употребление.

В английском языке зооморфизм *волк* – «мужчина-ловелас» (яркое отличие в содержании зоохарактеристики). Совершенно различны фразеологически связанные значения этого зоонима: в русском – *волком смотреть*, *морской волк*, *отольются волку овечьи слезки*, в английском – *keep the wolf from the door* – держать дом от волка и *to take the wolf by the ears* – взять волка за уши. Совпадающие по форме устойчивые обороты *волком выть* – *to cry wolf* имеют семантические отличия: в русском языке выражение употребляется в значении «о тяжелом безвыходном положении», а в английском – «raise a false alarm, that is to cry or complain about something when nothing is really wrong – поднимать ложную тревогу, т.е. жаловаться на то, чего в действительности нет».

Pay no attention. She's just crying wolf again (Richard A. Spears).

Не обращай внимания. Как всегда все ее жалобы сильно преувеличены (Она опять воет волком). Перевод приведенного примера доказывает, что подобное употребление слова *волк* не свойственно русскому языку.

Весна нужна крестьянину И ранняя, и дружная,

А тут – хоть волком вой! Не греет землю солнышко (Н. Некрасов).

В контексте это выражение реализует не только значение «безысходность положения», но и «бесполезность «выть волком» в данной ситуации». На наш взгляд, есть некоторое пересечение смыслов, присущих обоим языкам: «не обращай внимание» косвенно указывает на «бесполезность действий». Следовательно, этимология фразеологизма *хоть волком вой*, возможно, та же, что и у английского *to cry wolf*, и не является результатом метафорическо-

го переноса того или иного компонента номинативного значения. В процессе исторического развития под влиянием национальных особенностей в русском языке произошло изменение первоначального значения, появился новый смысл – «безысходность положения». Этот смысл свойственен русской ментальности.

Существенны отличия в содержании зооморфизма лиса – fox. Наряду с номинативным значением в обоих исследуемых языках, данный зооним образует переносное «a cunning person who deceives others by means of clever tricks – ловкий, хитрый человек, способный обманывать других людей с помощью различных ухищрений». Но в американском английском находим и другие значения. Одно из них, входящее в состав сленговых, – «a sexually attractive woman – сексуально привлекательная женщина», другое – «a first-year student – первокурсник». Можно с уверенностью сказать, что языковая картина мира современного русского человека не содержит подобных ассоциаций.

Нами отмечены случаи, когда вторичные образные значения зооморфизмов, принадлежащих разным языкам, антонимичны. Животное гусь у русских ассоциируется с хитростью, ловкостью: мы называем гусем ненадежно-го или плутоватого человека – пройдоху. Часто употребляем в сочетаниях: *гусь лапчатый*, ну и *гусь*, что за *гусь*, *хорош гусь*. В английском языке *goose* в переносном значении – «a simpleton, fool – простак, дурак», т.е. во вторичных значениях это почти антонимы. Единственное, что является общим – это наличие негативной оценки: *как с гуся вода* – «о человеке, на которого ничего не действует»; *гусей дразнить* – «бесцельно вызывать раздражение»; *cook someone's goose* – «to damage or ruin someone» – испечь гуся – «нанести кому-то ущерб, разорить» (эквивалент в русском – подложить свинью, вырыть яму).

Объём зоохарактеристики *обезьяна* в русском языке шире, нежели в английском: в английском – только о ребёнке, способном на шалости; в русском – о человеке (некрасивом, подражающем другим и т.д.) вообще.

Из таблицы (1 часть – семы номинативного значения, 2 – в английском языке, 3 – в русском языке) видно, что, несмотря на то, что *обезьяна* – один и тот же объект действительности для носителей разных языков, в процессе создания метафорических образов каждый язык по-своему фиксирует этот объект, отвлекаясь от одних свойств, акцентируя внимание на другие, что еще раз доказывает влияние национальных особенностей на развитие семантики зоохарактеристик.

Следовательно, один и тот же зооним в разных языках по разным социально-культурным причинам развивает разные экспрессивные ЛЗ (*козел* – бранное слово; *goat* – «a man who is very active sexually, especially one who is old and not sexually attractive – человек, выставляющий себя сексуально ак-

Семы номинативного значения	В английском языке	В русском языке
Компонентный анализ позволяет выявить, какие семы номинативного значения актуализируются при образовании вторичных значений в английском и русском языках:		
1) небольшое	+	-
2) близкое к человеку	+	+
3) с длинным хвостом	-	-
4) некрасивое	-	+
5) лазящее по деревьям	+	(+)-
6) верткое	+	(+)-
7) подражает другим	-	+
8) с богатой мимикой	-	+
8а) хрюляется и гримасничает	-	+
9) не способное мыслить деятельности	+	-
10) с забавной манерой поведения	+	-

тивным, хотя на самом деле стар и сексуально не привлекателен», носит уничижительный, юмористический оттенок), нередко фразеологически связанные (в русском языке: *большой как слон, как слону дробина, делать из мухи слона*; в английском: *memory of a memory like an elephant* – память как у слона; *a white elephant* – белый слон; *pink elephant* – розовый слон).

Сопоставительный анализ фразеологизмов с зоокомпонентом позволил разделить их на три большие группы.

1. Устойчивые сочетания, идентичные по форме и содержанию (*a dog in the manger* – собака на сене; *don't count one's chickens before they are hatched* – цыплят по осени считают; *a wolf in sheep's clothing* – волк в овечьей шкуре). Идентичность чаще всего обусловлена общими древними источниками (библия, басни Эзопа).

2. Фразеологизмы, входящие в словарный фонд обоих языков, равнозначные или очень близкие по содержанию, но различающиеся по форме (состоящие из разных лексем).

Русский вариант	Английский вариант
купить kota в мешке	to buy a pig in a poke – купить свинью в сумке
змея подколотная	a snake in the grass – змея в траве
пьет как свинья (интенсивность действия, резко выраженная отрицательная оценка)	he drinks like a fish – пьет как рыба (пристрастие к выпивке)

Однако имеют место случаи, когда изменение формы фразеологизма (не смотря на общую этимологию) происходит в процессе языкового развития. Например, *a black sheep* – «a worthless, bad person» и *паршивая овца* – «никчемный, плохой человек». Мы считаем, что в исследуемые языки данное устойчивое сочетание пришло из одного источника. Однако, вероятно, в процессе развития в русском языке «исконное» определение «черная» в значении «плохая» было заменено на «паршивая», характеризующееся ярко выраженной отрицательной оценкой.

3. Фразеологизмы с зоокомпонетом, имеющие место только в одном языке (исконно русские или исконно английские), связанные с традициями, обычаями и поверьями народа, его ассоциациями, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами (*donkey's years*, *dead parrot*, *красный петух*). «The idiom *donkey's years* means «a long time». It appears because (it was noticed by the English people) one never saw a dead donkey. Another suggestion is that the phrase is a play on words: «donkey's years» for «donkey's ears», which are long» [17]. Фразеологизм *ослиные годы* означает «длительный период». Англичане заметили, что никто никогда не видел умершего осла, следовательно, это животное живет очень долго. Другое предположение: возможно, здесь игра слов, близких по звучанию и написанию в английском языке: «годь» и «уши». Возможно, первоначально выражение звучало как *ослиные уши*, а они у осла тоже длинные.

8. Отрицательная оценка более свойственна содержанию образных значений, она превалирует особенно в русском языке (например, *свинья*, *гусь* в русском языке вызывают лишь негативные ассоциации, тогда как в английском могут быть связаны как с отрицательной, так и с положительной оценкой: *live high on the hog* или *eat high on the hog* – «жить припеваючи»; *kill the goose that laid the golden egg* – «лишиться источника благосостояния»).

9. Развитие семантики зоонимов русского языка в основном однонаправленное: оценивающая характеристика человека, его внешности, поведения и т.д. При этом наряду с преобладанием негативной оценки в коннотативном компоненте значения обнаруживается приоритет концептов «нравственность – мораль», что говорит о заниженной самооценке и моральной ориентации в содержании русской ментальности. В английском языке источниками формирования переносных значений зоонимов могут быть различные сферы жизни и деятельности человека: политика, спорт, уровень жизни и даже сексуальность. Вероятно, здесь мы можем говорить о проявлении рационализма (как одной из главных составляющих ментальности англоязычного человека) нации.

В связи с активной ролью языка в процессе познания возникает языковая картина мира. В основном она совпадает с предметно-логическим отражени-

ем мира в сознании людей, но ее периферийные участки в качестве словесных образов варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через специфические словесные зообразы осуществляется, на наш взгляд, дополнительные национально-культурные интерпретации человеческого поведения, дополнительное видение мира.

Литература

1. Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Загорская О.В., Фомина З.Е. Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова // Семантические процессы в системе языка: Сб. науч. тр. Воронеж, 1984.
3. Литвин Ф.А. Экспрессивность как свойство лексико-семантической группы // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 84–93.
4. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. Новосибирск, 1979. С. 12–36.
5. Скляревская Г.Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография 1981. Л., 1983. С. 53–63.
6. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная картина мира: признаки, функции, пути исследования // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999.
7. Черемисина М.И., Рыжкина О.А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VI. Новосибирск, 1977. С. 3–24.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., М., 1881.
9. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. М., 1959.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
11. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1988.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. / Сост. А.И. Федоров. Новосибирск, 1995. Т. 1: А–М.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. Новосибирск, 1995. Т. 2: Н–Я.
14. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
15. Longman. Active study dictionary of English. Moscow, 1988.
16. The advanced learners dictionary of current English by A.S. Hornby. Moscow, 1996.
17. Collins V.N. A Book of English Idioms (with Explanations). L., 1960.
18. NTC's. American Idioms Dictionary. M., 1991.

В.Г. Карелин

(г. Екатеринбург)

Символизм согласной буквы «С» в кратких названиях рек

В гидронимике имеется, на первый взгляд, необъяснимый пласт кратких названий рек, содержащих одну или несколько букв-сибилянтов (ж, з, с, ц, ш,

щ) и одну или несколько гласных букв, например, Иж, Уза, Оса, Асса, Азясь, Чуя, Шуа, Шача и др. Наша выборка таких потамонимов была произведена из русских атласов и карт (всего более сотни названий в Европе, Азии, Африке и Америке).

В структурном плане всю выборку можно разделить на пять групп (по количеству букв в номене). 1 группа – двухбуквенные: Г (гласная) – С (согласная) – Ис, Уж, Уз, Уч, Эш, Юс и др.; С – Г (Зу, Сы, Че, Чи, Чо, Чу). 2 группа – трёхбуквенные: Г – С – Г (Аза, Иса, Осе, Уча, Уша, Уща, Юса, Яза и др.); Г – Г – С (Иус, Оус); Г – С – С (Эсс), С – Г – Г (Жуя, Зау, Зея, Суя, Чая, Шуя и др.); С – Г – С (Сез, Соз, Шиш); 3 группа – четырёхбуквенные: Г – С – Г – С (Азас, Азус); Г – С – С – Г (Исса, Усса, Усча, Эсса, Яссы); Г – Г – С – Г (Уаза, Яуза); Г – С – Г – Г (Укоя, Усия, Учая, Ушуй, Юсуй и др.); С – Г – С – С (Сесс); С – Г – С – Г (Зуша, Соча, Шача, Шоча и др.); С – Г – Г – Г (Заей, Шайо, Шуэо); С – Г – Г – С (Чауш). 4 группа – пятибуквенные: Г – С – Г – С – Г (Ащису, Усыса, Усоза); С – Г – С – Г – Г (Сезия, Сещой, Сюшуй, Чушуй, Чечкой, Шишуй); С – Г – С – С – Г (Соссе); С – Г – Г – С – Г (Шуйца). 5 группа – шестибуквенные: С – Г – Г – С – Г – Г (Сяошуй); С – Г – С – Г – С – Г (Шушица).

Для анализа выборки был использован потамонимолингвистический метод, успешно применённый нами ранее при анализе символизма ряда других согласных букв в кратких названиях рек, содержащих единственную согласную букву, например, Г, В, Р, Л и др. [1–4]. Основные положения метода состоят в следующем. Время номинации рассматриваемых потамонимов – глубокая древность. В древнейших языках на начальных этапах номинации корни слов были одноконсонантными, и не существовало различия между звонкими и глухими согласными, т.е. в первом приближении все буквы-сибилянты в то время были неразличимы. Ещё в ряде работ античных мыслителей (Пифагор, Гераклит, Платон и др.) была отражена идея «отприродности» первичных имён. Последнее послужило лейтмотивом существа метода, разработанного нами, – единственная согласная буква в кратком потамониме отражает определённую географическую особенность реки, её конкретные природные качество и свойство топографического параметра, единые для каждой согласной буквы.

Потамонимолингвистический анализ географических особенностей рек рассматриваемой выборки однозначно показал, что согласная буква С является отприродным символом, отражающим единый геосемантический признак реки – прямой характер долины реки. При этом характеристика реки как «прямой» в ряде случаев является в некоторой степени относительной и допускает незначительные изгибы её. Важен тот факт, что общее генерали-

зованное направление реки постоянно. Существенно то, что усреднённый вектор направления течения реки может быть выражен в первом приближении «прямой линией». Подавляющее большинство рек выборки обладает однозначно выраженной «прямизной» общего направления течения.

Семантизм согласной буквы С нашёл своё отражение в древних алфавитах. Так, в древнейшем консонантном одногласном египетском алфавите буква С зафиксирована в виде прямой горизонтальной линии с пометой, размещённой в середине. Буква Z (zauṗ) изображается в виде вертикальной прямой линии, ограниченной чёрточками сверху и снизу в ряде древних алфавитов: западносемитские (ахирам, азербал, элибалл, кипрский, меша), финикийский, палестинский, арамейский, древнегреческий, нумидийский, брахми и др. В южносемитских алфавитах буква Z изображалась так же, но была повернута на 90 градусов. Буква Z в виде прямой вертикальной линии представлена в древнееврейском, набатейском, синайском и др. алфавитах. Во всех них в форме написания буквы С отображено реальное отприродное свойство рек – прямой (не изогнутый) характер долины реки. Таким образом, в древних алфавитах общий вид буквы С был символом общей географической формы реки.

Был выполнен анализ словарных статей, содержащих корневую букву С, в доступных нам словарях современных языков народов, населяющих Азию, Европу и Африку. Оказалось, что в большом количестве современных языков (более 80) сохранились слова, консонантные корни которых представлены одной или двумя буквами-сбилянтами. Проведённый анализ показал, что семантическое поле сбилянтных корней можно разделить на пять секторов.

Первый семантический сектор имеет значение – «прямой» (по форме), например: Вьетнам, sào “шест, жердь”, дари аша “палка, трость”, коми шы “копье, рогатина, штык”, нубийск. ša “копье”, эвенк, усэ “палка, стрела”, гилан. asas “основа”, пушту асас “основание, фундамент”, киргиз, чачы “кисть”, курдск. sis “спица, шило, железный прут”, монгол. зуу “игла”, сингал. сучийа “игла”, меру usi “нить”, суахили uzi “нить, нитка”, банту sai “палец”, ойротск. уч “конец, острие”, туркмен. кош “дикий тростник”, персид. шуше “со-сулька”, удмурт. ючис “сучковатая жердь”, македон. сач “противень”, урартск. ase “щит”, финнск. oas “шип, колючка”, коми си “волос, ость”, монгол, ус “волосы”, якутск. ас “волосы”, румын. ос “кость”, манси ес “разрез, черта, колея, русло”, чечен, аса “полоса”, тувин. шиш “вертел, небольшая остроко-нечная палочка”, древнетюрк. sis “вертел, палочка, которой едят лапшу”, марийск. азу “клык”, уйгур. чиш “зуб”, русск. язъ “род плетня поперёк реки”, финнск. aisa “оглобля, стойка”.

Второй сектор имеет семантику – “прямой” (по содержанию, по смыслу), например: кабардин. соз “протягивать, вытягивать, удлинять”, лаос. сы “прямо”, мальгаш. sisi “выпрямление, выравнивание”, молдав. шуй “стройный”, нанайск. сааси “выравнивать нижние и верхние края невода”, хауса sosai “точно, прямо, ровно”, санскрит. yos “прямота”, молдав. шес “ровный, главный”, киргиз. сыз “проводить черту”, нанайск. часо “ходить, ездить напрямик”, непал. уч “высокий, длинный”, ойрот. уза “удлиниться, быть длинным”, якут. сус “растягиваться в длину”.

Третий сектор включает слова с семантическим значением “хороший, правильный, главный”, отражающим часть бинарной оппозиции: прямой – ‘хороший, правильный’, кривой (не прямой) – “плохой”, например: бенгал. ачча “хорошо”, будух. асас “основной”, киргиз. саз “хорошо, хороший”, коми-пермяк. сюсь “умный, толковый”, курд. са “главный, лучший”, лингала saa “явный, очевидный, ясный”, марийск. яжо “хороший, хорошо”, монгол. заа “ладно, хорошо”, ория су “хороший”, персид. асаси “основной, главный”, русск. цаца “украза, прикраса”, русск. чеча “хорошенькая вещичка”, санскрит. су “хорошо, очень”, сингал. йаса “хорошо, bravo”, туркмен. саз “исправный, хороший”, удмурт. зеч “хороший, добрый”, урду сач “истинный, правильный, верный”, финиск. suosio “благосклонный”, шугнан. соз “хороший, ладный, удобный”.

В четвертом секторе объединены слова со значением “сочиться, течь”, имеющие оттенок “течения по прямому направлению”, например, англ. оозе “медленно вытекать, сочиться”, белорус. цячы “течь”, мальгаш. sosa “быстрое и плавное течение”, ойрот. сыс “сочиться, просачиваться”.

В пятом секторе находятся слова с семантикой “река, ручей, вода”, подразумевающие прямой характер их течения, например, уйгур. сай “высохшее русло реки, ручей”, узбек. сай “горная речка, горный ручей”, тайск. со “горный ручей”, тайск. си “небольшой продолговатый ручей”, лаос. се “река”, киргиз. суу “вода”.

Особую группу составляют слова с семантикой “один”: уаргтск. susini, старославянск. аз и др. Сюда же можно отнести и название буквы зауи в целом ряде древних алфавитов. Все их можно интерпретировать как понятие, основанное на семантике буквы С – одно (направление), как прямое, единственное направление течения реки.

Изложенное позволяет считать согласную букву С в кратких названиях рек символом с лексической универсальностью и полисемантизмом по нескольким признакам, характеризующим общую особенность речной реалии – прямой характер долины реки.

Литература

1. Карелин В.Г. Согласная Г – семантический символ в кратких названиях рек // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1998. С. 78–79.
2. Карелин В.Г. Семантика согласной буквы В в кратких названиях рек // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Челябинск, 1999. С. 41–42.
3. Карелин В.Г. Символизм согласной буквы Р в кратких названиях рек // Материалы научной конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева. Пенза, 1998. С. 41–43.
4. Карелин В.Г. Семантизм согласной буквы Л в кратких потапонимах // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. Барнаул, 1999. С. 19–21.

З.М. Богословская, С.А. Пилипенко, А.Б. Щербаков

Томский государственный университет

Направления лексикографической параметризации немецкого «островного» говора Сибири

Язык немцев, живущих на территории нашей страны, – особый лингвокультурный тип. Характеризующийся, с одной стороны, самобытностью, обусловленной изолированным положением от своих генетических корней, с другой – амбивалентностью, обусловленной прежде всего влиянием русского языка и русской культуры (см. об этом подробнее: Кресс Э. 1995), он являет собой источник познания народного языка, народной истории и культуры немцев.

Объект нашего исследования – немецкий «островной» говор Кожевниковского района Томской области, находящийся, как и многие диалекты российских немцев, под угрозой нивелировки. Долгое время в силу неблагоприятных политических причин хранителем традиций немцев, их религиозных представлений, фольклора и языка была семья. На современном этапе жизни язык российских немцев – это главным образом семейный обиходно-разговорный язык.

Поэтому первое направление лексикографической параметризации указанного говора, предпринятой нами, связано с подготовкой фактической базы и разработкой концепции диалектного словаря нового типа – полного словаря одной семьи. Идея создания такого словаря в настоящий момент воплощена в дипломном сочинении Т.В. Томашевской (Томский госуниверситет, 2001. 92 с. Научный руководитель – З.М. Богословская), представляющего собой опыт описания вокабуляра семьи Келлер. Данный словарь отвечает антропоцентрическим тенденциям современной лингвистики, интересу языковедов к вопросу о гендерных различиях в языке.

Другое направление лексикографической интерпретации немецкого «островного» говора соотносится с такими аспектами лингвистики, как дидакти-

ка и экология языка. Последний аспект определяется «задачей восстановления преемственности в хранении и передаче этнокультурной информации о своём народе, его прошлом, которая, в частности, аккумулируется в диалектной системе, в её словаре, отражающем языковую картину мира так, как его видит коллективный носитель народного говора. Задача лингвоэкологии – «реставрировать» эту картину, «смысл» все искажения, восстановить первоначальную свежесть, яркость и выразительность» [Шарифуллин Б.Я., 1997: 91].

В рамках названных аспектов мы поставили перед собой задачу создания школьного диалектно-литературного словаря, относящегося, в отличие от первой работы, к словарям полудифференциального типа. В него входят и собственно диалектные слова, и общенемецкие слова, имеющие в говоре семантические, стилистические и другие особенности. Кроме традиционных частей, словарная статья содержит указание на мотивированность/немотивированность слова, его встречаемость в разных диалектах Германии. Словарь является толково-переводным, в роли метаязыка здесь выступает русский язык.

Третье направление лексикографической параметризации немецкого говора, интенсивно разрабатываемое нами, связано с такими аспектами лингвистики, как структурно-системный и когнитивно-культурологический. Речь идёт о лексикографической трактовке терминсистемы традиционного хозяйства немцев. По мнению М.Н. Володиной, «когнитивно-культурологическая информация, заложенная в слове-термине, может «поставлять» сведения о самом существовании реалий, об источниках их появления, о контактах народа – носителя данного языка – с другими народами, об уровне развития культуры этих народов» [1998: 55]. В словаре обращается внимание на внутреннюю форму слова (ВФС), которая содержит дополнительную информацию такого рода, и на вариантно-синонимические связи слов.

Приведём образцы словарных статей, посвящённых лексике переработки молока:

Kochkäs [ˈkɔç.ke:s] der; -s, Sg. Сыр, изготовленный из творога (↑Käsmada) путем нагревания на сковороде, обычно с добавлением яиц, соды (↑Bachsouda) и соли.

ВФС: «koche+käs» = «варить+сыр».

– Wan milich zu raich is, macht man kochter Käs.

↑Riwekäs, Schmierkäs, Riwekäs, Faulkäs.

Schmierkäs [ˈʃmi:ʀ.ke:s] der; -s, Sg. 1. Смесь, состоящая из творога, яиц и сметаны, которая предназначается для намазывания на кусок хлеба. 2. Бутерброд, намазанный такой смесью; лит. нем. Streichkäse.

ВФС: «schmiere+käs» = «пачкать, мазать+сыр».

– [Welche Käsesorten gab es noch?] Schmierkäs, Faulkäs, Riwelkäs ...

↑Riwelkäs, Schmierkäs, Kochkäs, Faulkäs.

Riwelkäs и Ribelkäs [ˈRi:b(v)ɛl.kɛ:s] der; -s, Sg. 1. Тертый, мелко раскрошенный руками сыр, употребляемый в качестве приправы или одного из ингредиентов кушаний. 2. Творог; лит. нем. (2) Quark.

ВФС: «rive+käs» = «тереть, крошить+сыр».

– [Welche Käsesorten gab es noch?] Schmierkäs, Faulkäs, Riwelkäs ...

↑Kochkäs, Schmierkäs, Faulkäs.

Tigimilich, dike Mil(i)ch, Mojge и Molge [ˈtiki.mi:li:c.] и [ˈmo:jge:] die; -s, Sg. Простокваша, лит. нем. Molge.

ВФС: «tiki+milich» = «толстый +молоко».

– Wan tigimilich ainbisschen tutweise is, dann ...

↑tik mache.

Tik mache [tlk.mache]; vt. Створаживать; обычно створаживание молока происходит при теплой температуре вследствие жизнедеятельности молочнокислых бактерий (в противоположность сычужному способу створаживания), для чего сосуд с молоком (↑Erdtip) ставят в теплое место; verkäsen.

ВФС: «tik+mache» = «толстый+делать».

– [Wie macht man Käse?] Man macht Milich tik, so stellt Milich haier.

↑Tigimilich.

Faulkäs [ˈfaul.kɛ:s] der; -s, Sg. Сыр с характерным запахом; запах сыра обуславливается способом приготовления: творог оставляется в теплом месте до тех пор, пока не покроется плесенью, затем его очищают от нее и обрабатывают до готовности нагреванием на сковороде с добавлением сливочного масла.

ВФС: «faul+käs» = «гнилой+сыр».

– [Welche Käsesorten gab es noch?] Schmierkäs, Faulkäs, Riwelkäs ...

↑Kochkäs, Schmierkäs, Riwelkäs.

(Milch)laider [ˈmɪlç.laedɛr] der; -s, -. Сепаратор; лит. нем. Milchenträher, Scheideapparat, Separator.

ВФС: «laide» = «пропускать, сепарировать».

– [A как называется сепаратор?] – Laidier. Milchlaider.

VI. ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ: ЯЗЫК, ОБРАЗЫ, КАТЕГОРИИ

Г.И. Лушникова

Кемеровский государственный университет

Литературная пародия в социокультурном контексте

Многие лингвистические исследования в настоящее время ориентированы на вопросы взаимодействия и взаимовлияния знаков и структур в социокультурной сфере. В этой связи жанр литературной пародии представляет особый интерес. Если любое произведение литературы и искусства «говорит», «общается» с другими произведениями, то в пародии это «общение» обусловлено спецификой и задачами жанра, т.к. пародия всегда на что-то или кого-то, она осмеивает, передразнивает, критикует это что-то или кого-то. Если художественная литература есть зеркало действительности, отражение в котором предполагает определённую модальность, то пародия является кривым зеркалом, намеренно отражающим и пародируемое произведение, и отражённую в нём действительность с заданной модальностью: осмеивать, критиковать, иронизировать.

Принято выделять разные типы пародии на основании типа пародируемого объекта. Это может быть отдельное произведение, стиль автора, жанр, литературное направление, социальные явления. Как правило, всегда оговаривается, что это деление условно, т.к. даже в пародии на отдельное произведение почти всегда просматривается критика и всего стиля автора, и главных черт жанра, и элементов социальной действительности.

Можно утверждать, что в пародии переплетаются субъективное восприятие, общее отношение, идеологические посылки, исторические тенденции. В пародии многоголосие, свойственное литературе в целом, обязательно и необходимо. Множественность дискурсов определяет сущность пародии. В этом смысле она представляет собой мета-произведение – произведение, связывающее современного ей читателя с пародируемым объектом, его автором, его читателями, его эпохой, иными словами, с его социокультурной средой.

Любая пародия должна рассматриваться в историческом контексте, причём необходимо иметь в виду, что этот контекст видоизменяется во времени и этнокультурном пространстве. В пародии осуществляется желание поддержать, продолжить «разговор» через географические и временные границы,

потому как настоящие произведения литературы продолжают волновать, вызывают вопросы, требуют новых интерпретаций у новых поколений читателей и писателей.

Этот «разговор» ведётся в шуточной форме, это перепев, передразнивание оригинала. Существует разряд пародий, основная функция которых – резкая, порой уничтожающая критика. Это пародии на слабые в художественно-эстетическом отношении произведения. Однако особый интерес вызывают пародии на знаменитых маститых авторов слова, классиков мировой литературы, которые, казалось бы, выше критики. Причём, чем более значителен, знаменит писатель, тем больший интерес вызывает пародия на него. Это не случайно, т.к. первые пародии, появившиеся ещё в античности, направляли свои стрелы на всё самое священное – богов, царей, царский выезд, суд, народное собрание. Пародия подобна шуту у трона короля – ей позволено осмеивать, критиковать, сохраняя, однако, уважение и пиетет.

Пародия предполагает анализ пародируемого объекта, его интерпретацию с особой заданностью – комической, иногда сатирической, критической, но и уважительной одновременно. При такой интерпретации на начальном этапе должны быть замечены, выделены и высоко оценены типичные и оригинальные лингвостилистические приёмы, специфическая манера повествования, особая композиция произведения, основные характеристики стиля, жанра или направления, социальные тенденции той или иной страны и эпохи. В литературной пародии эти специфические черты намеренно выпячиваются, искажаются, подвергаясь тем самым осмеянию. Но черты эти непременно должны быть интересными, достойными внимания и уважения, т.к. то, что неинтересно, слабо в художественно-эстетическом отношении, смешно само по себе, не нуждается в искажении, чтобы быть осмеянным.

Искажение достигается за счёт нарочитого повтора тех или иных элементов пародируемого текста, либо за счёт повтора новых элементов, противоречащих, противопоставляемых оригиналу, а также благодаря неуместности появления каких-либо единиц в определённом контексте, когда имеет место смешение стилей в рамках текста пародии или разноплановость стилей текста оригинала и пародии. При этом неизбежно меняется модальность произведения – интенции автора оригинала не совпадают с интенциями автора пародии.

Основное условие пародии – узнавание пародируемого объекта – подразумевает использование знаков пародируемого текста в тексте пародии. Тем самым в жанре пародии осуществляется процесс знакового обмена в культуре.

Пользуясь терминами когнитивной лингвистики, пародию можно сопоставить с когнитивной метафорой, которая предполагает видение одного объекта

через другой. Когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными классами объектов. Чтобы уловить сходство пародии и прототекста, читатель должен знать данный прототекст, т.е. совместное знание читателя и автора, необходимое при восприятии любого текста, при восприятии пародии является необходимым условием.

Итак, при анализе текста пародии необходимо принимать во внимание не только данный текст, его лингвостилистические, структурные и композиционные особенности, но и особенности пародируемого произведения, а также его социокультурный контекст, что требует большой филологической образованности, широкого знания языковых, литературных и исторических фактов.

Рассмотрим в качестве примера пародию Роберта Бенчли «Сочельник», которую можно считать «многоадресной», т.к. объектами пародирования являются, во-первых, «Рождественские повести» Диккенса, во-вторых, её можно считать собирательной пародией на авторскую манеру, стиль и образный строй диккенсовских произведений в целом, а также на некоторые традиции английского общества XIX в., в частности, визиты родственников друг к другу, вручение рождественских подарков, обильные праздничные угощения и т.д.

Эта юмористическая, доброжелательная пародия насмешливо относится к оригиналу, но за внешней «непочтительностью» отчётливо проступает уважение к своему прототипу, новая организация материала не только не отменяет старой, но, напротив, подчёркивает её добротность и устойчивость.

В короткой пародии Р. Бенчли (всего три страницы печатного текста) в концентрированном виде используются очень многие характерные для Диккенса лингвостилистические приёмы, так что процесс узнавания происходит практически безошибочно и моментально. Здесь есть лексические повторы значимых в идейно-смысловом отношении единиц, параллельные конструкции, сложные синтаксические структуры, инвертированные предложения, восклицательные эмфатические предложения и некоторые другие.

Бенчли мастерски имитирует Диккенса, повторяет его манеру повествования. Однако пародийный повтор, как известно, предполагает искажение, противопоставление. Если первый абзац начинается с патетического восклицания *What an afternoon!* и далее ... *There never had been such an afternoon since the world began...*, то уже во втором абзаце параллельно имитации происходит переименование оригинала, что ведет к эффекту обманутого ожидания: *In the first place, there was the ennuï* (скука, тоска). Слово *ennuï* повторяется на протяжении абзаца пять раз, т.е. ключевым словом при описании рождественской вечеринки является слово «скука», что представляет собой контраст и по отношению к модальности «Рождественских повестей», и к нашему представлению о весёлых английских празднованиях.

Далее в пародии встречается ряд восклицательных предложений с положительной оценочной окраской: Then there were the days! And the cigar smoke! A great deal of commotion! Однако после каждого следует высказывание, начинающееся с But, которое не просто снижает, а полностью опровергает предыдущую похвалу.

Почти каждый характерный приём Диккенса в пародии при формальном сходстве имеет противоположный эффект иногда благодаря межтекстовому контрасту либо контрастирующим элементам внутри текста, как было показано выше, иногда за счёт нарочитого нагромождения примеров того или иного приёма. Так, инвертированные предложения с постпозитивом в начальной позиции встречаются в одном абзаце пять раз: In came Baby Lester Gummidge... In came curly-headed Effie и т.д. Характерные для Диккенса сложные предложения значительной протяжённости с вводными конструкциями, причастными и депричастными оборотами у Р. Бенчли приобретают слишком утрированную форму. Например, одно из них занимает 12 строк, имеет 3 вводных конструкции, 5 подчинительных предложений, 2 причастных оборота.

В пародии осмеянию подвергается и сам «институт празднования Рождества» – «Christmas afternoon as an institution»: обед, состоящий из восьми блюд (eight courses of steaming, grained food), три с четвертью дюжины подарков (three and a quarter dozen toys), обязательным курением сигар. Праздник, предполагающий радость, смех, веселье, оборачивается скукой, ссорами, плохим настроением и чувством изнеможения, когда всё заканчивается (and, finally, there were slamming of doors and the silence of utter exhaustion).

Таким образом, в данной пародии удивительным образом одновременно шутивно и уважительно, иронично и доброжелательно отражаются и конкретное произведение Диккенса, и стиль автора в целом, и социально-семейные традиции английского общества XIX в.

Т.Н. Хомутова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Лингвистика жанра: анализ вариативности

Начиная со второй половины 60-х годов, лингвистика текста завоевала прочные позиции в исследованиях, посвященных системно-структурной организации языка. Текст как объект лингвистического исследования стал рассматриваться в качестве единицы высшего уровня языка и речи. Если раньше считалось, что основным средством коммуникации является предложение, то сейчас таким средством стал считаться текст.

Наряду с коммуникативной направленностью основными свойствами текста называют его структурное и смысловое единство. Структура текста проявляется в формальных различительных признаках, лежащих на его поверхности; смысл текста, содержащаяся в нем информация, извлекается в результате выявления глубинного значения поверхностных структур и экстралингвистических референтов.

Стремление к таксономии языковых средств, в том числе и на уровне текста, вызвало необходимость изучения текстов различных типов и поиска некоего инварианта данной языковой единицы. И.Р. Гальперин считал, что тексты организуются по абстрактным моделям существующих в языке форм сообщений: функциональных стилей, их разновидностей и жанров, поэтому они должны соответствовать каким-то общим закономерностям – «инвариантам текстов каждого из функциональных стилей» [1]. Поиск таких закономерностей, критериев отнесения того или иного текста к определенному типу и привел исследователей к выделению уровней языка выше текста: «области текстов» и «всей совокупности текстов» [2].

Более того, рассматривая категории текста, многие лингвисты выделяют категорию межтекстовой связности, при этом тексты объединяются парадигматически при наличии общих формальных и содержательных компонентов и синтагматически по тематическому признаку [1, 3, 4]. Одной из текстовых парадигм считается жанровая.

Таким образом, подход к жанру как единице уровня более высокого, чем текст, возник в лоне самой лингвистики текста и является логическим развитием общей теории языка.

В последние годы современная лингвистика уделяет пристальное внимание исследованиям в области теории жанра и связанным с ними прикладным исследованиям, таким как обучение языку для специальных целей. Традиционное понимание жанра как литературного (художественного) конструкта расширилось, и понятие «жанр» стало применяться для анализа формы и функций нелитературных текстов, например научной статьи [5], диссертации, аннотации и т.д., а также для прикладных целей в области риторики, обучения композиции и письму на профессиональные темы, преподавания английского для специальных целей (ESP).

Понятие жанра наиболее полно разработано в трех исследовательских традициях, представленных в: 1) ESP; 2) исследованиях североамериканских ученых в области Новой Риторики; 3) австралийской системно-функциональной лингвистике [6].

Исследователей ESP жанр интересует как инструмент для анализа и обучения иностранцев устной и письменной разновидностям языка для учебных

и профессиональных целей [5, 7]. По определению этих ученых, жанр – это устный или письменный тип текста, определяемый по его формальным свойствам, а также коммуникативным целям в социальном контексте. Суэйлз описывает жанры как «коммуникативные события», характеризующиеся как своими коммуникативными целями, так и различными схемами, стилем, содержанием и предполагаемой аудиторией [5].

В работах исследователей по Новой Риторике этого направления представлен иной подход к пониманию жанра и его анализу. Основное внимание в этих работах сосредоточено на ситуативном контексте, в котором существуют жанры, а не на их форме. Особое значение придается социальным целям или действиям, которые выполняют жанры в данных ситуациях [8, 9, 10]. Наряду с функциональным и контекстуальным аспектами жанров, ряд ученых использует скорее этнографические, чем лингвистические методы анализа текстов, такие как наблюдение за создателями текста, интервью, сбор данных для выявления цели данного текста и отношения к нему других людей и т.д. [8, 11].

Австралийский подход к жанру был разработан в рамках фундаментальной теории языка, известной как системно-функциональная лингвистика, созданной Майклом Халлидеем. Системно-функциональная лингвистика занимается изучением взаимосвязи между языком и его функциями в социальном контексте. Формы языка, по мнению авторов этой теории, образуются под воздействием ключевых свойств окружающего социального контекста, определяемых как имеющая место деятельность, взаимоотношения между участниками и канал коммуникации. Все эти три элемента определяют регистр языка [12].

Жанр в системно-функциональной лингвистике определяется как поставленный, целенаправленный, социальный процесс, структурная форма, используемая данной культурой в определенных контекстах для достижения различных целей [13]. В отличие от исследований в ESP и Новой Риторике, работы австралийских ученых посвящены главным образом жанрам начальной и средней школы и непрофессиональным текстам [13]. Вместе с тем австралийские ученые, как и исследователи жанра в ESP, уделяют большое внимание лингвистическим характеристикам жанров, однако объяснение свойств текста проводится в соответствии со схемами лингвистического анализа, предложенными Халлидеем.

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что для целей настоящего исследования наиболее приемлем подход к анализу жанра, предложенный исследователями ESP. Его мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Научный жанр в нашем понимании относится к функциональному стилю научной прозы и представляет собой систему текстов, имеющих сходные формальные свойства и общую коммуникативную цель в социальном контексте. К жанрам научного стиля относятся журнальная статья, монография, рецензия, реферат, аннотация, реклама и ряд других.

Таким образом, жанр является, с одной стороны, виртуальной единицей, неким идеальным конструктом, инвариантом, в соответствии с которым строятся реальные тексты, с другой стороны – это актуальная единица, существующая в совокупности текстов, принадлежащих данному жанру и являющихся вариантными реализациями данного жанра. Поэтому изучение жанра неизбежно влечет за собой анализ текстовой вариативности.

Исследования текстовой вариативности являются относительно новым направлением лингвистического анализа, поэтому представляется целесообразным рассмотреть понятие вариативности и связанные с ним понятия варианта, инварианта, варьирования, его видов, единиц и уровней, а также факторов, обуславливающих использование вариантов.

В современной лингвистической литературе получила широкое распространение точка зрения, согласно которой термин «вариативность» характеризует общее свойство языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. Вариативность рассматривается как один из факторов развития языка и проявляется на всех языковых уровнях, не исключается возможность и межуровневого варьирования. Варьирование понимается как процесс использования вариантов [14–17].

Существуют различные точки зрения на характер и природу вариантных отношений, содержание и объем понятий «вариант» и «инвариант».

Широкое распространение получила теория, согласно которой понятие варианта как конкретной реализации языковой единицы противопоставлено понятию инварианта как абстрактной единицы, обладающей совокупностью черт и основных признаков всех ее конкретных реализаций, рассматриваемых как варианты данной единицы [18].

Ряд лингвистов при рассмотрении языковой вариативности пришли к выводу о необходимости отказаться от представления об «инварианте – варианте». Предлагается при описании вариативности языковых единиц исходить из выделения двух зон: зоны константных признаков единицы и зоны вариативных признаков единицы, константная зона при этом понимается как конкретный набор характеристик языковой единицы [19].

В отличие от модели языковой вариативности «инвариант – вариант», в которой инвариант есть единица языка, а вариант – ее конкретная реализация в речи, константно-вариантная модель рассматривает константные и варианты признаки в одной плоскости.

Представляется, что константно-вариантная модель не противоречит инвариантно-вариантной, а является ее развитием вширь, в горизонтальной плоскости, при рассмотрении вариантов первого порядка, т.е. вариантов, противопоставленных инвариантам в вертикальной плоскости, вариантов – конкретных реализаций языковых единиц, при этом речь идет о вариативности не самих языковых единиц, точнее речевых вариантов единиц, а скорее о постоянстве константных и вариативности вариантных признаков речевых единиц, то есть о вариативности второго порядка, вариативности внутри самой единицы. Поскольку теория константности-вариативности разрабатывалась применительно к значению слова, очевидно, что она более уместна при анализе семантического варьирования, в то время как теория инвариантно-варианта является общепризнанной для рассмотрения формального варьирования.

Под формальным варьированием понимается наличие в языке единиц, имеющих общее или близкое содержание и различающихся, а иногда и не различающихся, оттенками значения или другими дополнительными признаками [14, 16]. Это варьирование плана выражения при неизменности (инвариантности) плана содержания.

Проблема формального варьирования на уровне текста практически не изучена. Говоря о формальном варьировании текстов, необходимо иметь в виду условность термина «формальное». Это связано в первую очередь с тем, что текст является двусторонней языковой единицей, имеющей как план содержания, так и план выражения. Поэтому для того, чтобы выявить варианты плана выражения при неизменности плана содержания, необходимо определить сами эти сущности.

В качестве плана содержания текста в настоящей работе рассматривается его информационная структура, которая трактуется как сложное иерархическое единство, как совокупность смысловой и грамматической структур текста. План выражения составляют различные по природе и уровню средства языка.

Грамматическая структура текста рассматривается в настоящей работе как совокупность грамматических категорий, участвующих в организации содержания текста. Грамматические категории текста трактуются нами как категории строевой основы языка, без которых не могут быть созданы тексты как обобщенное типизированное значение, структурно организующее смысл текста.

Многоаспектный функциональный анализ грамматической структуры научного текста позволил нам на основе функционального подхода к анализу предложения выделить структурные, актуальные, аналоговые и логико-ориентированные грамматические категории научного текста.

Структурный, актуальный, аналоговый и логико-ориентированный аспекты грамматики текста мы относим к разделу суперкатегорий, которые, в свою очередь, подразделяются на категории и субкатегории. Так, категории структурных суперкатегорий, или композиции – это вводная часть, основная часть, заключение; субкатегории вводной части – титут/заголовок, библиографическое описание, слоган, предисловие, субкатегории основной части – основная часть, раздел, глава, параграф, субкатегории заключения – заключение/выводы, список литературы, предметный указатель, приложение. Категории актуальных суперкатегорий – актуальное членение (субкатегории – тема, рема), модальность (субкатегории – сообщение, побуждение, оценка), персональность (субкатегории – адресат). Аналоговые суперкатегории членятся на такие категории, как темпоральность (субкатегории – настоящее, будущее, прошедшее), локативность (субкатегории – статика, динамика); логико-ориентированные суперкатегории состоят из категорий «речевая форма» (субкатегории – описание, повествование, рассуждение). Суперкатегории и категории составляют инвариантную модель грамматической структуры любого научного текста, в то время как различные наборы субкатегорий составляют вариантные реализации этой модели грамматической структуры различных жанров. Указанные категории относятся к функционально-семантическим категориям, которые выражаются различными по природе и уровню средствами языка.

Грамматическая структура текста в таком понимании, безусловно, относится к плану содержания текста. Вместе с тем, эта многомерная содержательная сущность, позволяющая структурировать смысл текста при помощи различного набора своих категорий, может одновременно рассматриваться как в качестве формы, вторичного плана выражения внутри денотатного плана содержания текста, так и в качестве функции.

Как показали результаты нашего исследования, при условно неизменной смысловой структуре научного текста, т.е. отнесенности текстов к одной понятийной области программирования, и их сходных логико-понятийных схемах, грамматическая структура текстов характеризуется определенной вариативностью. Это особенно отчетливо прослеживается на материале различных жанров: первичных (монография, научная статья, реклама) и вторичных (аннотация, реферат, рецензия). Не вызывает сомнения тот факт, что такое варьирование тесно связано с влиянием экстралингвистических/прагматических факторов, в частности фактора адресата, поэтому формальное варьирование грамматической структуры научного текста, о котором можно говорить с определенной долей условности, отягощено дополнительными коммуникативными значениями.

Исследование текстовой вариативности является перспективным направлением лингвистического анализа, которое позволит приблизиться к пониманию научного жанра с позиций современной лингвистической концепции жанра в русле вариативного подхода.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
4. Шендельс Е.И. Грамматика текста и грамматика предложения // Иностранные языки в школе, 1985. № 5.
5. Swales I.M. Genre Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
6. Hyon S. Genre in Three Traditions: Implications for ESL. In TESOL Quarterly. Vol. 30. № 4. Win 1996. P. 693–722.
7. Bhatia V.K. Analysing genre: Language use in professional settings. London: Longman. 1993.
8. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Blackwell, Oxford UK and Cambridge, USA. 1994.
9. Miller C.R. Rhetorical community: The cultural basis of genre. In A. Freedman and P. Medway (Eds.), Genre and the new rhetoric. London: Taylor and Francis. 1994. P. 67–78.
10. Freedman and P. Medway (Eds.). Introduction. In Genre and the new rhetoric. London: Taylor and Francis. 1994. P. 1–24.
11. Schryer C.F. Records as genre. In Written Communication. 1993. № 10. P. 200–234.
12. Halliday M.A.K.
13. Martin, J.R. Factual writing: Exploring and challenging social reality. Oxford: Oxford University Press, 1989.
14. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариативность как свойство языковой системы. Тезисы докладов. М., 1982. Ч. 2. С. 71–73.
15. Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 145–175.
16. Ярцева В.Н. Проблемы вариативности на морфологическом уровне языка // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 7–26.
17. Вариативность как свойство языковой системы. Тезисы докладов. М., 1982. Ч. I, II.
18. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
19. Беляевская Е.Г. Семантика слова. М., 1987.

Л.А. Гзюкян

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Текстологические особенности киносценария

Если попробовать расположить работу сценариста в какой-то последовательности, идя от общего к частному, то можно получить следующую грубую схему:

- 1) тема;
- 2) сюжет (сюжетное оформление темы);
- 3) кинематографическая обработка сюжета.

Нужно всегда помнить, что картина, в силу особенностей своего построения (быстрая смена последовательных кусков), требует от зрителя чрезвычайного напряжения внимания. Режиссер, а следовательно, и сценарист все время ведут за собой внимание зрителя. Зритель видит только то, что показывает ему режиссер; для раздумья, сомнения и критики не остается места и времени, и поэтому малейшая ошибка в ясности и отчетливости построения воспринимается как сумбур или как просто не впечатляющее место. Помня это, нужно всегда заботиться о наибольшей отчетливости построения каждой отдельной задачи, в какой бы момент она ни встала перед сценаристом.

Рассмотрим каждый из вышеперечисленных пунктов схемы отдельно.

Тема. Если основная мысль, которая должна служить стержнем сценария, неопределенна и расплывчата, он осужден на неудачу. Тема должна объединять в себе смысл всех показываемых событий. Все должно быть подчинено этой теме (идее). Для того, чтобы создать ощущение реальности и полностью реализовать тему, нужно, чтобы композиция исходила в своем построении из содержания и образа произведения в целом. Классические построения музыкальных произведений, драм, кинопроизведений или образцов живописи почти всегда держатся на борьбе противоположностей, связанных в единство конфликта.

Трудно подыскать примеры подлинно воздействующих произведений драматического искусства, в которых не было бы соблюдено это основное условие общекomпозиционного построения. Важно понять необходимость строгой зависимости таких сквозных закономерностей композиции от темы и содержания произведения. И тогда можно достигнуть правдивости сюжета и всего произведения. Если же сценарий следует закономерностям, не вытекающим из общих закономерностей действительности, определяющих его содержание, то оно будет восприниматься как надуманное и стилизованное. Как отмечает С. Эйзенштейн, «Элементы повторности темы, ее композиционные обороты и тому подобное отнюдь не являются чисто «головными» и «надуманными», потому, что любая нюансировка композиционного хода вытекает не из формальной потребности, а из концепции, выражающей тему и отношение к ней автора».

Итак, мы приходим к заключению, что любые композиционные ходы и приемы выражают собой «идейную установку» по отношению к предмету оформления. Существуют различные пути возникновения и оформления «идейной установки» в композиционном строе киносценария. Однако самым органичным и действенным является такой путь, когда, по словам Эйзенштейна, «в процессе разработки понимание и живое ощущение идеи постепенно начинают проступать на материале и определяют собой композиционную

закономерность вещи». При таком подходе все, что уже было упомянуто о композиционном развитии киносценария, об установлении его внутренних закономерностей, будет органически вытекать из той идейной наполненности, с которой автор сценария подходит к любой теме и к любому материалу.

Сюжетное оформление темы. Однако творческий процесс написания сценария никогда не идет в схематической последовательности. Задумывая тему, сценарист почти одновременно мыслит и о ее сюжетном оформлении. Определив тему как основную мысль, обуславливающую отбор материала, который должен быть уложен в рамки будущей картины, сценарист приступает к группировке этого материала. Здесь впервые вводятся действующие лица, устанавливаются их взаимоотношения, определяется их различное значение в развитии действия и, наконец, намечаются какие-то пропорции распределения всего материала по всему сценарию. Основная задача автора сценария на этом этапе состоит в выстраивании композиционного костяка, по которому должно идти развитие действия и сочетание частей, эпизодов, сцен и отдельных кадров между собой и друг с другом. Этот композиционный костяк является одним из самых резко выраженных форм отношения к факту и того, что принято называть трактовкой произведения. Сценаристу необходимо учитывать динамические, ритмические и структурные элементы, которыми достигается та композиционная «беспощадность», по определению Эйзенштейна, которая «непреклонно выражает авторское намерение, рельефность изложения материала и авторское отношение к нему».

Вступая в область сюжетной обработки темы, сценарист впервые сталкивается с условиями художественной работы. Попытаемся прежде всего определить характер работы над сюжетом. Литератор, когда он намечает будущее произведение, всегда устанавливает целый ряд каких-то опорных пунктов, значительных для выявления темы и разбросанных по всей подготавливаемой вещи. Эти опорные пункты как бы отмечают общий контур; сюда можно отнести моменты характеристики отдельных лиц, характер событий, сталкивающих их между собой, иногда детали, определяющие смысл и силу моментов подъема или падения, иногда даже просто отдельные, удачные по силе и выразительности отрывки. Конечно, подобный момент есть и в работе сценариста. Нельзя мыслить о сюжете отвлеченно. Необходимо нащупывать не только то, что происходит, но и как это происходит. Работая над сюжетом, надо уже ощущать и форму. Прежде чем не будет найдена какая-то конкретная форма, которая, по мнению сценариста, должна впечатлить зрителя с экрана, любая отвлеченная мысль не имеет художественной ценности и не может служить опорным пунктом для построения сюжета. Такие опорные пункты необходимы, так как они устанавливают твердый скелет сюжета и

устраняют опасность провалов, которые всегда могут случиться, если какой-то важный момент в развитии сценария намечен небрежно и отвлеченно. Этот момент в процессе окончательной кинематографической отделки может оказаться внешне невыразительным, не поддающимся пластической обработке и, таким образом, нарушающим все построение.

Писатель отмечает свои опорные пункты описательными отрывками, драматург – эскизами диалога, тогда как сценарист мыслит пластическими (внешне выраженными) образами. Он должен представлять себе каждую мысль, приходящую в голову, в виде какой-то последовательности экранных изображений. Более того, он должен научиться владеть этими образами и из множества являющихся в воображении выбирать те, которые наиболее ярки и выразительны. Он должен владеть ими так, как литератор владеет словом, а драматург – диалогом. Ясность и четкость в сюжетной разработке находятся в прямой зависимости от ясной формулировки темы.

Сценаристу нужно всегда помнить, что каждая фраза, написанная им, должна в конце концов быть выражена пластически в каких-то видимых формах на экране, и, следовательно, важны не те слова, которые он пишет, а те внешне выраженные пластические образы, которые он этими словами описывает. В действительности найти эти пластические образы – задача не из легких. Они прежде всего должны быть ясны и выразительны. Мы хорошо представляем себе, что такое выразительное слово и что такое выразительный язык. Мы также знаем, что растянутый, неясный, с множеством лишних слов язык неопытного писателя есть результат неумения выбирать слово и владеть им. Все сказанное о литературной работе можно целиком отнести к работе сценариста, но только место слова занимает пластический образ. Таким образом, становится ясным, что мы подразумеваем под понятием выразительный, пластический материал. Ни один из приводимых в сценарии предметов или людей не вводится случайно; каждый из них, оставаясь зрительным образом, не требующим пояснений, вместе с тем должен иметь крепкое и ясное значение. Отсюда важное правило для сценариста: из бесчисленного количества материала выбирать такие формы и такие движения, которые наиболее ясно и выразительно выражают всю полноту замысла сценариста.

Перейдем к общим вопросам концентрации сюжета в целом или, другими словами, его композиционного построения. В сценарии должны быть сделаны нужные акценты, выделены высшие точки напряжения при помощи соответствующих средств выразительности. Одним словом, любой материал необходимо разместить композиционно действительно с целью создания «кинематографически ударной формы». Композиционно решать какую-либо сцену нужно всегда с куска, который больше всего поражает своим содержанием и

своеобразием. При этом следует иметь в виду, что обычно наиболее сильно поражает тот кусок, который не только непосредственно эффектен, но в котором заключен «внутренний динамический выразитель темы».

Таким образом, сценарист, в процессе работы над сюжетом всегда может учитывать различную степень напряженности действия. Эта напряженность должна будет в конце концов отразиться на зрителе, заставляя его с большим или меньшим волнением следить за данным куском картины. Это волнение зависит не от одной только драматической ситуации. Оно может вызываться или усиливаться и чисто внешними приемами. Увеличение динамичности действия за счет быстрой смены монтажных кусков, введение сцен, построенных на быстрой энергичной работе персонажей, введение массовых сцен – все это управляет нарастанием волнения у зрителя, и нужно уметь строить сценарий так, чтобы зритель захватывался развивающимся действием постоянно, лишь в конце получая главный впечатлительный удар. Более того, выделение существенного должно быть подготовлено заблаговременно. При этом наиболее эффективным путем является включение кульминационного места в определенную «линию повторностей». Другими словами, кульминация обнаруживается где-то в начале картины, а затем проводится через ряд наиболее отчетливо запоминающихся сцен. Эти сцены должны, по словам Эйзенштейна, «переключаться друг с другом и ощущаться как некое целое, сведенное в окончательную стройность монтажной композиции».

Как всякое литературное произведение, сценарий делится на три части. Сюжетная ткань может лепиться по-разному, но всегда можно найти три основных этапа:

- 1) экспозиция с завязкой;
- 2) перипетийная средняя часть с кульминацией;
- 3) финал с разрешением драматургического узла.

В финале должны быть завершены все основные сюжетные линии: то, что было заложено в начале, должно решиться в конце. Чехов говорил, что если в первом акте на стене висит ружье, то в третьем оно непременно должно выстрелить.

Кинематографическая обработка сюжета. Следующим этапом в работе сценариста будет уже специальная кинематографическая обработка сюжета. Весь сценарий должен быть разбит на части, части – на эпизоды, эпизоды – на сцены, сцены – на отдельные куски, соответственно кадрам, из которых, в конце концов, будет склеена лента. Сценарист должен уметь писать на бумаге так, как это будет показываться на экране, точно обозначая содержание каждого куска и их последовательность. Построение из отдельных кусков (кадров) сцены, из сцен – эпизода, из эпизода – части, из части – сценария

называется монтажом. Монтаж является одним из значительных орудий впечатления, которым владеет кинематографист, а следовательно, и сценарист. Соединяя куски различной длины и в различной последовательности, сценарист тем самым управляет вниманием зрителя и ведет за собой его ассоциативную работу. Временной ритм смены отдельных кусков, то быстрый, то медленный, обуславливает чисто физиологически степень возбуждения зрителя, сопоставление же кусков различного содержания создает психологическую окраску его ассоциаций.

Монтажная композиция является, таким образом, оружием, управляющим тем волнением зрителя, которое должно сопутствовать всякому художественному впечатлению. Кроме того, только с момента монтажной композиции, по словам В. Пудовкина, «появляется та иная, творчески созданная, отличная от реальной заснятой, действительность, которая ставит кинематограф в ряду искусств». «Если мы снимаем лицо изо всей силы кричащего человека», по мнению Пудовкина, «и, монтируя, вставим его в картину таким образом, что за ним будет следовать изображение матроса, спокойно кивнувшего головой и затем поднимающего на мачту флаг, зритель совершенно ясно воспримет это лицо как отдающее приказание. Если же тот же кричащий человек будет вмонтирован в сцены пожара и гибели в пламени ребенка, также ясно зритель воспримет его лицом паникера, вопящего о помощи. Причем, значение сопоставления настолько остро, что зритель получает от одного и того же лица впечатление различной эмоциональной окраски».

Все это, конечно, не значит, что качество отдельного кадра не важно, а важно лишь их сопоставление. Это значит, что монтаж – это мощное средство впечатления и поэтому овладение им и его законами необходимо любому кинематографисту и прежде всего сценаристу.

Здесь необходимо остановиться на одной важной особенности кинематографического зрелища. Вопрос о переживании, по определению Пудовкина, об эмоциональном волнении, вводимом в содержание картины, должен быть как-то изменен в своей постановке. Обычно эмоция целиком возлагается на плечи актера. Он должен неизбежно своим лицом и телом демонстрировать все эмоциональные моменты развивающегося действия. Только через него сценарист предполагает воздействовать на публику. Однако это глубоко неверный подход, чуждый кинематографу и пришедший главным образом из театра. Нужно помнить, что зритель кинематографа, может быть, более, чем в каком-либо другом искусстве, является непосредственным участником действия. В конце концов вся техника кинематографического монтажа заключается в умении вовлечь зрителя в ритм и темп растущего сценария. Смена планов и ракурсов, различных мест и точек зрения – разве это не напоминает

стремительный полет фантазии зрителя, захватывающего своим вниманием наиболее яркие фрагменты развивающегося действия?

В самой своей сущности кинематографическое зрелище таково, что оно вовлекает зрителя в самую гущу разворачивающихся событий, как бы велико ни было их число. В то время как театр сосредоточивает свое внимание на актере, кинематограф – на событии. В искусстве кино истинное место зарождения всякой эмоции лежит в зрителе, который должен быть убежден монтажом событий. Именно на зрителя должен быть направлен удар сценариста и не через мимику актера, а через демонстрацию эпизода, умелый монтаж которого призван вовлекать в действие зрителя и сообщать ему нужное волнение.

Подводя итог сказанному, приведем три основополагающих принципа сценарной техники, по которым, по словам В. Пудовкина, должна быть направлена работа сценариста:

1. Умение выбирать пластический образ ясный и четкий, точно и максимально ярко выражающий свое содержание.
2. Умение мыслить последовательностью этих образов так, как музыкант мыслит звуками, а художник – краской и линией.
3. Овладение методом экранной композиции элементов кинокартины, последовательно заключающих в себе работу отдельного актера, сцену, эпизод и, наконец, каждую из нескольких переплетающихся линий сценарного действия. Иначе говоря, овладение методом кинематографического монтажа.

О.Л. Шаталова

Кемеровский государственный университет

*Типология зооанимов в английской прозе в плане отражения
языковой картины мира*

Зоосемия – родовидовая сверхобщность, в которой ощутим приоритет переносного значения входящих в неё лексем. История зоосемии уходит в глубокую древность, к эпохам эволюции человечества, когда анимализм был основой мировоззрения. Зоосемический фонд вокабуляра каждого современного языка сохраняет «историческое богатство, бесценное свидетельство многих проявлений давно минувших форм мышления» [2: 21]. Именно в ту далёкую эпоху начали складываться первые обобщения-символы, конкретизируемые в образе того или иного животного. Множество примет, поверий, обиходных форм связаны с первобытным анализом. Всё это нашло отражение в древнейших пластах лексики. Животные играли роль так называемого «мифологического кода». Истоки многих христианских зоосемических образов также лежат в мифологии.

Зоосемии присуща высокая степень идиоматичности. Употребление зоонимов в тексте художественной литературы придаёт красоту и образность повествованию, поэтичность описаниям тех или иных событий. Метафорические ассоциации зоосемической лексики являются отражением языковой картины мира.

Образы животных в литературе – это зеркало гуманистического самосознания. Самоопределение личности невозможно вне отношения её к другой личности, а самоопределение всего человеческого рода не может свершаться вне его отношения к животному миру. Поэтому анимализм как творчески осмысленное и ответственное отношение человека к животным играет важную роль в создании предпосылок экологически сбалансированной культуры будущего, культуры, в которой человек придёт к зрелому сотрудничеству со всеми формами жизни на Земле.

Берущие начало в мифе образы претерпевают следующую трансформацию: миф → образ → топос → символ. Образы животных в художественной литературе претерпевают такие же преобразования. Неисчерпаемые возможности зоосемической лексики делают её популярной у многих авторов. Проходя через текст Библии и произведения художественной литературы, зоонимы эволюционируют и, наполняясь новым содержанием, становятся топосами на уровне национальной литературы, а затем образами-символами, которые универсальны в отдельно взятой культуре и переkreщаются с другими образами-символами в культурах разных времён и народов.

Семантическая наполненность и стилистические функции зоонимов в разных прозаических текстах художественной литературы различны и имеют свои особенности. В рассматриваемых нами текстах зоонимы структурно организуют текст, играют важную роль в передаче авторского замысла.

В романе М. Стюарт «Хрустальная пещера» [3] зоонимы можно рассматривать как классификаторы на определённой оси мифологической наррации: в структуре этого произведения разные зоонимы, фигурирующие в заглавиях частей романа, являются основными зооморфными классификаторами различных состояний героя. Классификаторы-животные помогают автору создать «концептуальную матрицу» текста. Анималистические образы становятся для автора способом наиболее точного описания всех отношений действительности.

Символический образ как художественный приём обладает большими выразительными и информационными особенностями. Систему символов любого писателя можно рассматривать как особый код. Задача декодирования системы символов писателя предполагает анализ контекстов, в которых употребляется то или иное ключевое слово. В символическом горизонте произведение литературы открывается как поле смысловой многослойности.

Эта бесконечная смысловая перспектива проявляется в выходе произведения в пространство культурной традиции. Любая интерпретация художественного произведения обнаруживает единство двух основных аспектов – символического и ценностного.

В романе М. Стюарт «Хрустальная пещера» повествуется о жизни волшебника и предсказателя Мерлина. В кельтской мифопоэтической традиции и средневековых повествованиях «артуровского» цикла сюжетов поэт и провидец Мерлин -- один из главных героев. Роман состоит из пролога, четырёх частей и послесловия. В заглавии каждой части фигурируют зоонимы:

Book 1. The Dove.	– Часть 1. Голубь.
Book 2. The Falcon.	– Часть 2. Сокол.
Book 3. The Wolf	– Часть 3. Волк.
Book 4. The Red Dragon.	– Часть 4. Красный Дракон.
Book 5. The Coming Of The Bear.	– Часть 5. Приход Медведя.

Многочисленное употребление ключевых слов, то есть зоонимов, фигурирующих в заглавиях частей романа, и тематических слов (других зоонимов) в пределах произведения обогащает и изменяет их смысловое содержание. Зоонимы, стоящие в заглавиях, содержат несколько семантических компонентов, которые постепенно актуализируются по мере развития сюжета. Количественный и качественный состав семантических компонентов значений рассматриваемых слов, взятых изолированно и в художественном произведении, не совпадает.

Поэтому значение этих лексических единиц определяют как «индивидуально-художественное» [1: 33]. Такая семантическая структура действует в пределах одного текста и не сводится только к контекстуальной значимости. Индивидуально-художественное значение каждого зоонима обобщает ряд контекстуальных актуализированных значимостей, реализация которых обуславливается композиционной структурой произведения.

Роль этих заглавий чрезвычайно велика в передаче авторского замысла, так как они представляют собой такой тип заглавия, в котором символическое значение разворачивается, раскрывается в тексте. Эти образы-символы проходят через всё повествование и несут большую семантическую нагрузку. Все они тем или иным образом связаны с главным героем – Мерлином. Великий маг и прорицатель, волхв Мерлин – это сын «дракона», родившийся под знаком ворона и нареченный «соколом»; кроткий и беззащитный в детстве, как голубь, долгое время для всех он был «волком», позже он стал духовным отцом «медведя». Этот герой постоянно претерпевает метаморфозы, и автор тонко показывает его сверхъестественную сущность и способность к оборотничеству и перевоплощению. Уже на первых страницах произведения

М. Стюарт подчёркивает отдалённость Мерлина от людей и его странную близость к животному миру: «*You go your own way, and sometimes I think you're nearer to the wild things than to men*» [3: 45]. – «Ты идёшь своим путём, и иногда я думаю, что ты ближе к зверям, чем к людям». Такие слова сказал Мерлину его старый слуга и верный друг Кердик. Затем сам автор прямо называет Мерлина животным: «*a sullen young animal*» [3: 45] – «угрюмое молодое животное», «*a wary animal*» [3: 45] – «осторожное животное». На протяжении всего романа перед нами предстаёт постоянно формирующийся и изменяющийся образ этого таинственного героя.

Итак, каждый из рассмотренных зоонимических образов-символов включает в себе основную идею той части, в заглавии которой он фигурирует, благодаря им смысловые слои произведения скрепляются в единое целое. Эти образы-символы дают ключ к пониманию характера главного героя – Мерлина.

Исходя из разнообразной семантики зоонимических образов, их можно считать одними из наиболее частотных и многозначных символических образов.

Мифопоэтическое мышление – это особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания. Мифологический образ – это произведение мифотворческого мышления, он является отражением пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некоей конкретной предметности. В связи с этим одна из характеристик «магического мышления» – анимизм и тотемизм. На основе мифа в художественной литературе формируются обобщенные образы, которые часто могут развиваться в символы.

Образы-символы животных – одни из древнейших образов в истории мировой культуры, их происхождение лежит в мифологии, библейских текстах.

Мы старались рассмотреть зоолексемы английского языка сквозь призму человеческой культуры, вскрыть символические связи рассматриваемых понятий, проследить их историю через нравы, обычаи, верования и способы мышления людей на протяжении веков.

Особенности развития лингвокультурных зоонимических символов и их преломление в отдельных словах английского языка показывают, что зоонимы обладают неограниченными возможностями и могут быть использованы как средства мелиоративной или пейоративной оценки человеческой деятельности не только в сравнительном, но и в вокативном плане. Коннотативные оттенки таких единиц языка намного превосходят по своей роли денотативное значение слова, имплицитно гораздо больше, чем эксплицитно.

За некоторыми образами животных закреплена определенная символика, часть из них фигурирует на общечеловеческом уровне, другие имеют национальную специфику. Символические образы зоонимов представляют широкие возможности интерпретации в художественных текстах разных типов, так как могут быть использованы в разнообразных направлениях и нести разную семантическую и стилистическую нагрузку. Метафорические ассоциации английской зоосемической лексики находятся в тесной связи с зоосемией других языков и являются отражением фрагмента языковой картины мира. Это даёт ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национального специфического видения мира, но и его универсального образа.

Литература

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л., 1979.
2. Лясота Ю.Л. Английская зоосемия. Владивосток, 1984.
3. Stewart M. The Crystal Cave. A Fawsett Crest Book, Fawsett Publications Inc., Greenwich, Conn, 1970.

К.В. Ратников

Челябинский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ПРОГРАММА ЛЮБОМУДРИЯ:

Стилевой аспект стихотворений С.П. Шевырева и А.С. Хомякова

Стремясь к созданию в русской поэзии особого направления, «поэзии мысли», участники Общества Любомудрия С.П. Шевырев и А.С. Хомяков активно использовали при этом весь спектр поэтических возможностей: разработку жанров лирической медитации и проблемного послания единомышленникам, соответствующую тематику – обращение к глубинным вопросам бытия и мироздания, а также последовательное придание своим стихотворениям специфической стилевой окраски, присущей, по их убеждению, по-настоящему философской, интеллектуальной поэзии.

Языковая программа поэзии Любомудрия отличалась целостностью и взаимообусловленностью составляющих ее элементов. Главным принципом, определявшим лексический выбор поэтов-любомудров, было стремление добиться от читателя неторопливого, замедленного и благодаря этому более вдумчивого восприятия поэтического текста. Для достижения такого эффекта поэтическому стилю придавался сознательно затрудненный, нелегкий для понимания с первого прочтения характер, что должно было исключить воз-

возможность поверхностного скольжения по чересчур гладким строкам, чей гармонический легкий стиль мог бы рассеять напряженную работу читательской мысли. Излюбленным приемом поэтов-любомудров стало обильное насыщение стихотворной речи лексикой, способной в наибольшей мере задерживать и приковывать к себе читательское внимание, – церковнославянизмами, библеизмами, архаическими оборотами речи (ср. у Шевырева: «И звук всецельного глагола / Достиг до горнего престола, / Отколе глас творящий был: / Ответу вяла от века сущий / И в нем познал свой глас могущий / И рекшего благословил»; у Хомякова: «На тихое небес сиянье / Я не велю глазам своим взирать. / Сей синий свод, усеянный звездами, / И тихая безмолвной ночи тень, / И в утренних вратах рожающийся день...»).

Употребление высокой, торжественной одической лексики призвано было создать у читателя установку на серьезность и значимость содержания поэтического произведения, побудить его вчитываться в философское стихотворение с таким же почтительным вниманием, с каким прочитывались лучшие творения русской одической традиции, в частности, религиозно-философские оды Державина, на чье поэтическое наследие ориентировались Шевырев и Хомяков.

Философская заданность тематики произведений любомудров напрямую выражалась средствами поэтики заглавий: подбирались такие лексические единицы, которые наиболее точно и емко отражали бы основную мысль и идею стихотворения (Шевырев: «Сила духа», «Глагол природы», «Беспредельность», «Мысль», «Мудрость»; Хомяков: «Молодость», «Старость», «Желание», «Вдохновение», «Мечта»). Аналитический характер стихотворений любомудров подчеркивался также указанием в заглавии на несколько сопоставляемых, внешне однородных явлений, рассмотрению внутренних скрытых различий между которыми посвящалось произведение (Шевырев: «Две чаши», «Два духа», «Три молнии»; Хомяков: «Два часа», «Две песни»).

К числу стиливых средств выражения философской мысли относились и часто использовавшиеся поэтами-любомудрами синтаксические конструкции, завершающие описательную экспозицию стихотворения в виде своеобразного философского вывода, заключительного тезиса, основанного не на лирической экспрессии, а на принципах логической доказательности. Так, стихотворение Шевырева «Гуляние», рисуя картину московского воскресного праздника, подытоживается обобщающей концовкой: «Не так ли в жизни у людей, / Мой друг? – От частых повторений / Любезных игр и наслаждений / Нам жизнь становится милей». Аналогичный прием – у Хомякова: изображение вечерней зари в одноименном стихотворении сопровождается отвлеченным умозаключением: «Заря! Тебе подобны мы – / Смешенье пламени и хлада, / Смешение небес и ада, / Слияние лучей и тьмы».

Языковая программа поэтов-любомудров, принципы замедления течения поэтической речи и максимальной фиксации читательского внимания на самом процессе развития лежащей в основе стихотворения философской мысли были во многом восприняты и учтены Баратынским, Тютчевым, поздним Вяземским и, дополнив достижения поэтов пушкинской плеяды в гармонизации стихотворного строя русской лирики, по праву вошли в арсенал отечественной философской поэзии XIX в.

И.В. Никиенко

Томский государственный университет

*Адъективный силлекс и оценочный аспект высказывания
(на материале книги мемуаров А.Н. Бенуа «Мои воспоминания»)*

Языковые средства выражения оценки многообразны, и каждый ярус языка использует в оценке специализированные единицы. На частеречном уровне такой единицей является прилагательное (адъектив), которое может выражать как оценку в чистом виде, так и оценку «придескриптивную» [2: 29]. Если представить адъективный пласт словаря в виде поля, то мы увидим, что «прилагательные по своей семантике составляют непрерывный ряд от собственно оценочных («хороший/плохой») до прилагательных, лишенных оценочного значения (относительные прилагательные), причем промежуточную сферу составляют прилагательные, которые совмещают указание на признак и собственно квалификацию по качеству («хорошо/плохо») или по количеству («много/мало»)» [1: 9].

Однако деление прилагательных на оценочные и неоценочные не совпадает с традиционным противопоставлением качественных и относительных прилагательных: в основании оценки лежит не любая качественная характеристика, а лишь признак, локализованный на шкале с основными позициями «+», «0», «-». Поэтому, если пренебречь такими часто сопутствующими оценке и пересекающимися между собой компонентами значения, как эмоциональность, экспрессивность, аффективность, интенсивность, то оценочными можно назвать три разряда качественных прилагательных (терминология общеупотребительная): **общеоценочные** (собственно оценочные), напр., *великолепный, плохой*; **частнооценочные** (дескрипция + оценка: «обладающий свойством X, и это хорошо/плохо»), напр., *добрый, глупейший*; **примыкающие к последним параметрические** (мы включаем сюда не только «размерные» прилагательные («оценка величины»), но и характеристику по времени), напр., *долгий, узковатый* (оценка в широком смысле, или квалификация [1: 34 и далее], [2: 8]).

На наш взгляд, отмечаемые в языке тенденции к окачествулению относительных прилагательных следовало бы интерпретировать как прежде всего движение от безоценочности к оценочности как ядру адъективной семантики. Ряд новых (качественных, оценочных) значений закрепляется в системе, но большая часть семантических сдвигов фиксируется только в речи. Наведение оценочных сем контекстом, выдвигание на первый план (актуализация) фоновых компонентов значения и другие процессы семного варьирования [5: 106–120] определяют двойное функционирование прилагательного: в денотативной и квалификативной (оценочной) структуре высказывания [1: 20].

Если оценочные прилагательные (однословные и синлексические) активно формируют квалификативный аспект высказывания, то безоценочные лишь «вовлекаются» в этот процесс контекстом. Наряду с появлением оценочных сем у изначально безоценочных адъективов в текстовом функционировании можно наблюдать также передвижение параметрических прилагательных к центру поля оценки: признак «много/мало» переосмысливается в аспекте «хорошо/плохо».

Вышеизложенные положения разработаны для «синтетических» (однословных, цельнооформленных) адъективных единиц. Если же мы будем рассматривать в аспекте оценочности другие единицы словаря (шире – номинативного состава языка), например, т.н. «аналитическую» лексику [4], или синлексику [3] (т.е. единицы неоднословные, раздельнооформленные, но характеризующиеся «цельнономинативностью»), то, вероятно, при сохранении общей картины, в ряде случаев эти новые для лексикологии объекты будут вести себя специфически.

Адъективный синлекс как «составное», композитивное прилагательное противопоставлен однословному адъективу по ряду признаков, среди которых для нас является актуальным один, а именно: прозрачная структурная мотивированность как следствие грамматической раздельнооформленности синлексической единицы (ср.: *белый – белого цвета*). Формирующая часть синлекса представлена не морфемой, а «словным» компонентом. В отличие от абстрактных суффиксов однословных прилагательных (-н-, -ов- / -ев- и др.), формант адъективного синлекса категоризирует основу не только в грамматическом (частеречном) аспекте, но и в лексико-семантическом, эксплицируя принадлежность к той или иной группировке номинативных единиц в зависимости от их конкретного значения (ср.: *«белый» – это прилагательное цвета* и *«белого цвета» – это прилагательное цвета*). Четко просматривающаяся родо-видовая организация значения наводит исследователей на мысль о «терминологичности» такого рода единиц, их моносемии (или олигосемии) [4: 119].

Тем не менее процессы идиоматизации (демотивации) являются неотъемлемой частью «узукволения» синлексических единиц – их семантической изоляции от синтаксических словосочетаний и вхождения в систему. А утрата мотивации (частичная или полная), в свою очередь, создает предпосылки для разнообразных сдвигов в семантике. Поэтому можно ожидать, что в формировании квалификативного аспекта высказывания будут участвовать не только «искожно» оценочные адъективы синлексической принадлежности, но и единицы, переосмысленные как оценочные в контексте.

Для синлексики современного русского языка актуален тот же набор лексико-семантических групп (ЛСГ), что и для собственно прилагательных (с традиционным разграничением «качественных» и «относительных» значений, ср.: (время) *новый* и *весенний*). При этом можно предположить, что синлексы (как единицы композитивные) членят то или иное семантическое пространство более дробно, что мы и наблюдаем в ряде случаев, ср.: (материал) *кирпичный*; *фарфоровый*; (...) и *белого кирпича*, *красного кирпича*; *китайского фарфора*, *севрского фарфора*, (...); (...). Но так бывает не всегда; вхождение синлекса в ту или иную ЛСГ и его положение во внутренней иерархии группы зависит от того, реальные или мнимые родо-видовые отношения фиксирует категоризатор (ср.: *богемского стекла* = *стеклянный*, *тонкого стекла* = *тонкий*), является ли он (категоризатор) предсказуемым или непредсказуемым (ср. *черного цвета* и *черного дерева*). Из приведенных примеров видно, что роль грамматического категоризатора в формировании результирующей семантики синлекса неодинакова в разных случаях: аспектуализация «производящей основы», поддержание ее семантики, полная нейтрализация (дублирование каких-то элементов контекста, пресуппозиции и т.п., напр., дом *старинной постройки* – *старинный* [построенный] дом). Ослабление роли категоризатора способствует появлению у адъективного синлекса новых (оценочных) смыслов.

На основании проделанной работы (исследование текста “Моих воспоминаний” А.Н. Бенуа с эпизодическим обращением к другим текстам художественной, мемуарной, литературно-критической литературы XX в.) можно говорить о том, что основной предпосылкой внедрения в структуру значения синлекса оценочного компонента является процесс дезактуализации (десемантизации) категоризатора синлексической единицы. Семантическое опустошение категоризатора может быть ступенчатым, но даже при высокой его степени появляющиеся оценочные семы не могут нивелировать стартовое (чисто дескриптивное) значение. Специфика контекстуального варьирования семантики синлекса на фоне слова заключается в том, что новые значения контекстуального происхождения (т.е. окказиональные) имеют у синлексической единицы слабый потенциал для узукволения.

В заключение кратко проиллюстрируем вышеизложенное на примере контекстуального переосмысления в оценочном ключе адъективов группы цвета.

Известно, что «синтетические» имена цветов (главным образом «основных») легко метафоризируются и символизируются (*черный день*, *зеленая тоска*, *розовые мечты* и т.п.). Замещение позиции эпитета синлексом в данном случае будет некорректным (* *день черного цвета* и т.д.). Однако на уровне ассоциативных компонентов значения возможна актуализация оценочных смыслов (как правило, осложненных дескриптивными семами). Такие ассоциации традиционны и уже «опробованы» в языке на материале однословных прилагательных. Напр., *красный*, *белый*, *золотой* цвета вызывают представление о торжественности, праздничности, роскоши, внешней эффектности, оцениваемой положительно: *«И какая же это была блестящая свадьба! <...> Со двора перед церковью, запруженного экипажами, была постлана дорожка красного сукна вверх по лестнице»*.

Цветовые синлексы представлены двумя семантическими разновидностями: единицами, обозначающие цвет окрашенного предмета или цвет материала окрашенного предмета (ср.: *синего цвета* и *синего шелка*); в последнем случае оценочный смысл может приобретать и сам категоризатор, подерживая (усиливая) оценочное значение семантически ведущего компонента: *«<...> в Мюнхене показались нам мизерными эти конуры с их неаппетитными альковами темно-красного репса и с затоптанными драными коврами, с их убогой мебелью времен Луи Филиппа»* (контекст наводит сему отрицательной оценки: *мрачный* (цвет), *дешевый* (материал), *ординарный*, *безвкусный*, *немодный* (то и другое)).

В отличие от однословных прилагательных, синлексы цветообозначения способны принимать участие в оценке лица, события, абстрактного признака только косвенным образом, не определяя имя оцениваемого объекта непосредственно, напр.: *«<...> Германа [в постановке «Ликовой дамы»] превратили из инженера <...> в кавалериста <...>. Из разных же гусарских полков выбор остановился на Нежинских гусарах, мундир которых был черного цвета»* [избыточный авторский вариант: *«<...> вследствие чего облик Германа получил оттенок чего-то inferнального»*]. В таких случаях символизация приобретает «метонимический» характер: *черный* («мрачный, зловещий и т.п.») *мундир* – *черный* («мрачный, злобный и т.п.») человек.

Литература

1. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978. 200 с.

2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 225 с.
3. Климовская Г.И. Субстантив-атрибутивная синлектика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование. Томск, 1978. 200 с.
4. Левит З.Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968. 448 с.
5. Стерляк И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 172 с.

М.А. Солодова

Томский государственный университет

Рок-тексты: опыт лингвистического анализа

Под рок-текстами мы понимаем вербальную сторону речемусыкальной композиции, представляющей собой основную форму функционирования жанра рок-музыки. Полагаем, что рок-тексты на повышенно экспрессивном уровне отразили общую специфику современной социокультурной ситуации, «искривленную» связь человека и мира конца XX в. Наблюдаемая ныне смена парадигмы художественного мышления обусловлена общим состоянием культуры второй половины XX в., напоминающей мозаику, сложенную из «множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов – в ней нет точек отсчета, мало подлинно общих понятий, зато много понятий, обладающих большой весомостью, – опорных идей, ключевых слов» [1: 38]. Отсутствие целостности и взаимосвязанности отдельных фрагментов формирует понимание мира как хаотического, явления в котором не связаны строгими логическими закономерностями.

Подобная смена парадигмы художественного мышления порождает иной принцип организации и функционирования рок-текстов некоторых рок-групп («Мумий Тролль», «Сплин»). Релевантные для нашего исследования рок-тексты создаются ситуатемой (термин Н.Б. Лебедевой) – единицей плана содержания, объединяющей ряд ситуаций, связанных воедино каким-либо центром, и отражающей фрагмент действительности в трех масштабах: в масштабе лексикализованной ситуации, в масштабе микроситуации и в масштабе макроситуации [2]. Рассмотрим ситуатему рок-текста «Утекай» группы «Мумий Тролль»: *утекай в подворотне нас ждет маниак хочет нас посадить на крючок красавицы уже лишились своих чар машины в парк и все гангстеры спят остались только мы на растерзание-е парочка простых и молодых ребят утекай он порежет меня на меха и граница потеряет контроль руку ниже бедра он как столб смотрит в щелочку штор на отряд.*

Диктум ситуатемы формируется рядом ситуаций: ретроспективных (*красавицы уже лишились своих чар; машины в парк; все гангстеры спят*),

лексикализованных (*в подворотне нас ждет маниак; остались только мы на растерзание; утекай*) и проспективных (*он порежет меня на меха; граница потеряет контроль*). «Потеря» субъекта в ситуации *руку ниже бедра* и изменение локативной отнесенности в ситуации *он (маньяк? – М.С.) ... смотрит в щелочку штор на отряд*, а также введение дополнительной ситуации *отряд без возможности выявить ее пресуппозицию* осложняют анализ ситуатемы.

Модус ситуатемы формируется отношением говорящего к реферируемому событию. В данном случае его создает речевая маска автора рок-текста, при которой говорящий не полностью воспроизводит чужую речь, а только «бросает отдельные наиболее яркие мазки» [3: 180]. В анализируемом рок-тексте реализуется маска малокультурного простачка, создаваемая элементами просторечия. 1. В области фонетики она выражена переосмыслением произношения: *маньяк – маниАак*. 2. В области морфологии: употребление отдельных просторечных глагольных форм: *утекай* в подворотне нас ждет маниак. В области стилистики созданию маски малокультурного простачка способствует 1) сочетание слов различных стилей речи, порождающее резкий диссонанс: *остались только мы на растерзание (устар.) парочка (разг.) простых и молодых ребят*; 2) нарушение закона сочетаемости слов. Реализация нетиповой валентности слова, несоблюдение нормы воспринимается как стилистически и семантически значимая неожиданность, основанная на эффекте обманутого ожидания: *порежет меня на меха; граница потеряет контроль*. Осмысление этических категорий воплощается в апелляции к «плакатному», наивно-детскому мировоззрению (ключевые понятия: *мы – они; добро – зло; честно – нечестно*): *остались только мы на растерзание парочка простых и молодых ребят (ситуация: хорошие, «простые» «мы» в ожидании нападения плохого злого маньяка)*. Комплексное воздействие модусных элементов формирует игровое, «несерьезное» восприятие реферируемой ситуации реципиентами рок-текста.

Литература

1. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
2. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. Томск, 1999.
3. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Жест. М., 1983.

Whoever said, «humor is the best medicine» was right on target! A sense of humor is a developed perspective, an attitude that allows for a sense of control in this sometimes maddening, change-crazed world. Humor arises from passion and has always provided a serviceable channel for expressing human feelings. Whatever bad happens in your life, laugh at it and it'll go away! – That's the way most Americans think and do.

Like the British, Americans have a love for the intricate practical joke, the pun, and understated quip. American college students give ample proof of the first. Titles in newspapers and newsweeklies, especially «Time», bear witness to the second, and the very subtle humor of «The New Yorker» is perhaps the best known example of the third.

American humor has also been influenced by Jewish storytelling traditions, for example, the self-mocking «look what happened to me» story and joke. There is also a tradition of «slapstick», the pie-in-the-face, and the banana peel on the floor. These varieties of American humor can be spotted, if not always understood, by the foreigner. A different type of humor, which is very American often, is neither noted nor understood.

In popular terms, this form of humor is called «kidding around». It is part of daily life of many Americans, and often serves as background to normal conversations. Yet joking around verbally, exchanging banter and verbal witticisms, is not just amusing. It is often quite serious, a way of socially testing people, or of making a point. Many Americans find it revealing how people react to kidding at their expense.

Some statements of American humor have traced the «put on» to the frontier as well. The so-called tall tale, told with a sincere, straight face to the naive traveler from the East (of Europe) was and still is a favorite form of amusement. The point of such tales is that the tenderfoot is never quite sure if he is being put on or not, but everyone else knows that he is. When a used-car salesman today, for example, says that a car «was driven only on Sunday afternoons by a shy dancer» Americans know that he is joking and probably making another point like «I'm in the business of selling used cars, what do you want me to tell you, that they are all in perfect condition?»

A lot of American joking must therefore, be constantly interpreted and reinterpreted. «That's sure is a nice tie you're wearing», said to a co-worker, does not mean that the speaker thinks it is or not. Rather, one would only joke like this

with friends. The intentional understatement takes a similar approach. «I play a little tennis now and then» has different meanings when the speaker is a very good tennis player. In general, Americans like to appear to be less than they are, to disguise their abilities and achievements, or to joke about them, and then see how others react. The rules of this game are difficult to learn, especially for people who are not even aware that it is being played.

Needless to say, this sometimes cause misunderstandings. For example, American songwriter Randy Newman once found himself explaining to European viewers that his song «Rednecks» was not racist. Many listeners, especially those outside the United States, had obviously not realized the black humor and satiric intent of the song.

«Kidding around» is very much part of the American way of life. And those who insist upon formal address (most people in the US have a special habit of informality, the ease with which they speak to people they have casually met) or titles – in general, those who take themselves too seriously – are sometimes thought to be «phoney» or pretentious. Not surprisingly, such people are often targets for humor.

How American Humor Became «American»

Humor, which had a great appeal and was, moreover, clearly American was slow in developing. Colonial humor was, naturally enough, quite hard to tell from well-mannered British humor, and even after the Revolutionary War, much humor produced in America was quite like that of Great Britain. For instance, Washington Irving's amusing writings about old New Amsterdam («Rip van Winkle», for example) were very much in the vein of such idols of his as Jonathan Swift and Oliver Goldsmith.

Alexander Jessup, a scholar, remarked that the best humorists before M. Twain «carried to an extreme numerous tricks already invented by earlier American humorists, particularly the tricks of gigantic exaggeration and calm faced mendacity, which grew out of the differences between the frontier and the more settled and compact regions of the country». This recycling or coping of well-established conventions carried over to the plots of tales and jests themselves. Paul Zall, another scholar, has emphasized the inevitability if not the legitimacy of such practices before 1800: «Switching names and places enabled the recycling of the ancient jests so that, over the years, jest-books became an amalgam of fables . . . , repartee from classical rhetoricians, exempla from medieval preachers, bawdy stories from Italian humanists, scatology from German burghers, parables from Eastern sages, and current quips from Drury Lane, Fleet Street, and Winsor Castle».

Even in the early years of the new republic, Zall finds an «essential difference» between American and British methods of innovation and transmission in the American preference for the «narrative mode» over the reduction of tales into embellished one-liners. To these observations we may add the comment of Joel Chandler Harris that American humorists are «men who can see their own weak points, and laugh at them more heartily than disinterested strangers». Certainly these remarks seem to apply to much American humor and help one place a story such as Twain's «The Notorious Jumping Frog of Calaveras County» (1867) in the context of uniquely American traditions of jests, tall tales, and frontier humor.

Coming back to the development of American humor, it should be said that in the 18th century scholars point to the wonderful «American» characters and stories invented (or reinvented) by B. Franklin: Silence Dogood and Polly Parker reflected the folk wisdom, simple honesty, and social responsibility of the colonial individualist; the famous tales of the origin of tobacco, and, the whale-jump up the Niagara Falls reflected an original mixing of amusing fable, the bitter bit, reversal of expectations anecdote and the frontier liar's tall tale. Being preeminently a satirist in the tradition of the great British essayists, Franklin was especially clever in writing ironically through personae designed to ridicule the opponents of the American Revolution. Much of what he wrote was intended humorously to deflate the egos and undermine the arguments of his and America's enemies, but always able to make his compatriots laugh at their own foibles in the manner described by J.C. Harris.

The election of Andrew Jackson in 1828 marked the triumph of the «common» man – the frontiersman, the laborer – in politics and started a new type of distinctly American humor. The common man was its dominant character, and since the common man might be a western frontiersman, a down-East peddler, or a Missouri farmer, this new humor was often a take-off of the qualities of people of various sections of the country. Legends about Davy Crockett (an American frontiersman and politician who died defending the Alamo, in the popular imagination he wears a leather shirt and trousers and a hat made from animal skins, and carries a long gun for hunting in the forests) are typical of the pictures humorous yarn spinners drew of a frontiersman – a man noted for exuberance, rough activity, and courage to surmount any hardship.

In the years after the War Between the States, this tendency of the yarn spinner to picture characters of a particular section of the country influenced the growth of the local-color movement. Some of the best local colorists, like Bret Harte and Mark Twain, were also humorists. They differed from the prewar yarn spinners in writing well-plotted short stories instead of rambling yarns, in being more sympathetic toward the comic figures they pictured, and in creating complex

human characters rather than mere cartoon-like figures (like, for example, was an 1862 cartoon of Artemus Ward as he appeared while giving one of his humorous lectures entitled «The Children in the Wood»).

During this same postwar period, another group of humorists was developing far less complex comic figures. These characters might live anywhere in the country, and their homes, speech, ways of thinking and acting belonged to no particular section. Often these relatively simple characters were what M. Twain once called «genial idiots» – well-intentioned but muddle-headed blunderers in thoughts and actions. The humorists who created these characters frequently made people laugh more at the humor of words than at the humor of character. They played with words in all sorts of ways. Perhaps they spelled them badly, or misused them, or turned them into puns. Or perhaps they fashioned sentences that behaved surprisingly. Artemus Ward, for instance, wrote, «If I was in the politics business, I should git carriges to take the cripples, the infirm, and the indignant to the Poles». Humorists of this group were called «funny men» or «literary comedians».

Mark Twain, considered by many to be the greatest of all American humorists, operated both as «funny man» and as a local colorist. He was a «funny man» when he wrote about «the calm confidence of a Christian with four aces». He was a local colorist when he pictured life on the Mississippi during his youth or described the silver-mining towns of the West.

Another side of American humor is revealed by H. S. Commanger: «the humor of the 19th century, – he writes, – was not only a positive but a notorious national trait, as pervasive as optimism and carelessness – and closely allied with both – it cropped up in the most unexpected places and left few things untouched. It was entirely fitting that the most beloved of his national heroes should be cherished especially for his humor. It's difficult to imagine that trait in Victoria or in Bismark, or enthusiasm for it among British and Germans had it existed.» So humor served as the base for ideology of that time. It influenced people's ideas on politics elevating the national heroes.

«From Franklin to M. Twain, – continues Commanger, – American humor tended to exaggeration and extravagance; not until the next century was it to sour into sophistication and wit. It was fundamentally outrageous, and in this reflected the attitude toward authority and precedent... It bore the impress of the frontier long after the frontier had passed; tall story was really a long story and was designed to be heard rather than read. It was generous and good-natured, malicious only when directed against vanity and pretense. It cultivated understatement, not, as with the British, as a sign of sophistication, but as an inverse exaggeration; Lincoln's dynamited cur whose usefulness, as a dog, was about over and M. Twain's frog that had no p'intn that's better'n any other frog» were as naive as Paul

Bunyan and Mike Fink (American frontier heroes). Nature played the part in American humor that social distinctions did in British: it was forever putting men in their place. Thus M. Twain could find in the currents and snags of the Mississippi a proper foil for the vanity of man confessed of Henry James's «The Bostonians».

So according to Commanger, 19th century humor had been rural, expansive, exaggerated, amiable, and familiar, its purpose, Constance Rourke wrote, «that of creating fresh bonds, a new unity, the semblance of a society and the rounded completion of an American type».

In the 20th century the character of the American humor had changed. It became urban (as, for example, O'Henry's stories) pointed, sophisticated, malicious, and startling, designed to wound rather than to entertain, to divide and destroy rather than to unite and complete. «The shift from A. Ward and Bill Nye to Ring Lardner and Peter Arno and Damon Runyon was, – Commanger writes, – a shift from the verbal and gregarious to the literary and private, from the long story and the tall tale to the anecdote and the epigram, from dialect and slapstick to cleverness and subtlety, and from the robust to the morbid; it was almost a shift from good humor to bad. M. Twain had been disillusioned, but he was careful to keep his disillusionment to himself or to books designed for post-humorous publication, but from O'Henry to Ring Lardner, 20th century humor was shot through with disillusionment. There were exceptions, of course. Donald Ogden Stewart's «Parody Outline of History» was in the Bill Nye tradition; E.B. White, along with much kindness and charm, displayed that indignation against cruelty and meanness that had distinguished M. Twain.

Yet American humor between the wars was on the whole barbed and malicious. More, it was often sensational, fantastic, and in its preoccupation with sex it came closer to the French than to its British and American antecedents. The «funnies of an earlier day had attempted comedy; their successors, the «comics», abandoned themselves to violence and fantasy. Of the major literary figures only Steinbeck continued some of the traditions of frontier humor, while Holmes and Howells and M. Twain had no successors in prose nor James Russel Lowell or Charles Godfrey Leland in poetry.

As the comic story disappeared, the humorous poem withered away, and the funnies turned to fantasies, old-fashioned comedy found a successor in the films, and Harold Lloyd, Chaplin, and Lauren were the true heirs of Bill Nye and Josh Billings. But the films showed the same tendency to evolve from simple slapstick to more sophisticated comedy. Thus Chaplin, the greatest of the comedians, made his later films vehicles for social criticism, while the Marx brothers indulged in satire. Radio humor, which nightly convulsed its millions, lingered on in the

earlier tradition, as did the joke books which so faithfully revived Joe Miller, but both were more obvious and less innocent than the music-hall or the cracker-box humor of the 19th century».

What America Laughs at Today

America today consists of many kinds of people with varying tastes. It therefore contains not one audience for humor but many. To appeal to these varied audiences, many kinds of humor including comic strips, radio shows, cartoons, magazine articles of many sorts, and books ranging all the way from slapstick to subtle humor have come into being. Among these varied works, one may recognize not only the older types of humor but also some types that are rather new.

One old time trend that still flourishes is that of writing tall tales in the way the yarn spinners of long ago might have told them. Modern stories about characters like Pecos Bill (a cowboy-culture hero of the American Southwest, whose feats are likened to those of P. Bunyan) and Paul Bunyan are written in this manner. Again we find in modern fiction the humorous story reminiscent of the local colorists.

Although present-day humorists are thus continuing the forms of earlier humor, there is a striking difference in the point of view of these modern writers. The cocksure characters who were the heroes in older American humor are now pictured as admirable but quaint – laughably behind the times. Those who were the butts of earlier humor, unsure characters who never did anything right, are now sympathetically portrayed. In other words, in a world wherein problems seem all but unsolvable, the humorist and the readers laugh together at modern man and his bewilderment.

Everyday «kidding around» of American people is reflected in newspaper cartoons, television, advertisements, movies, the Internet, and just jokes.

The topics of American humor are innumerable. Americans like jokes about cowboys and blondes. They are usually presented as stupid persons. The so-called workplace kind of humor suggests, perhaps, most of them. Humor of a businessman differs from that of a hunter. Scientists, for example, have their own fun in 24 areas of science from A to Z, which is assembled by Professor Morris Goran, former head of Sciences at Roosevelt University.

Conclusion

Sometimes humor is a difficult thing to translate from one language or country to another, but American humorous writing has been very popular in many parts

of the world. The humor of the local colorists, who wrote mainly about certain parts of the country like New England or the West, actually helped describe and explain to other peoples the people and customs of many sections of the United States. And still the everyday American humor in movies, shows – wherever it is presented – is loved by people all over the world.

To make a conclusion, it should be pointed out that American humor can not be called a version of the British one (only American humor of the 18th century may be considered as such). Certainly, it was originated from the British humor, but at present we can not call it British because it would be wrong. Though it absorbed some features of the foreign humor (Jewish, British etc.) now it is really American, because it reflects all the specific characteristics of this nation revealing its history, culture and the way of life.

Bibliography

1. Acomplexion of improbabilities: American Humor and frontier news after the revolution». E.W. Pitcher, ANQ. Lexington, KY, Winter 1999.
2. Commanger Henry Steele. American Mind, 1950.
3. Humor as camouflage of televised violence. Potter, W. James; Warren Ron. // Journal of Communication, Spring 1998. P. 40–57.
4. Our Wonderful World. Vol. 15. Grolier Incorporated, 1965.
5. Using humorous programs as a vehicle for humorous commercials. Perry Stephan D., Jenzowsky Stephan A., King Cynthia M. et al // Journal of Communication, Winter 1997. P. 20–39.

И.А. Шарурова, К.А. Аветисова

Томский государственный университет

Translation is a Valid Activity in EFL Learning

Translation as the process of conveying messages across linguistic and cultural barriers is an eminently communicative activity.

Being a teacher of English for almost half a century I experienced many methods of teaching English as a Foreign Language in technical universities. In the fifties-seventies translation was one of the widely used methods of teaching. It gave its rather effective results in language awareness.

But for the past two decades or even more translation has been put of the class and gradually teachers stopped using it considering that the translation is not a communicative activity. It is text –bound and confined to only two skills – reading and writing. It involves no oral interaction.

Nowadays there are many reasons to bring translation back into the classroom activity especially in non-linguistic, technical universities. As a language learning activity translation has many merits. The mains among them are the following.

It is an activity, which by its very nature invites speculation and discussion. In translation, there is rarely a 'right' answer. It is not necessary for all the work in class to be done alone in writing. Students can work in groups for oral discussion. The texts, which can be very short, serve as a material both for reading and discussion.

Translation develops at least three qualities, which are very essential to all language learning. They are accuracy, clarity and flexibility. It trains the learner to search (flexibility) for the most appropriate words (accuracy) to convey what is meant (clarity). This combination of freedom and constraint allows the students to contribute their own thoughts to a discussion, which has a clear focus – the text.

Depending on the students' needs, and on the syllabus, the teacher can select material to illustrate particular aspects of language and structure with which the students have difficulty in English, for example such as: if-clauses, articles, prepositions, the passive voice. By working through these difficulties in the mother tongue, the students come to see the link between language (grammar) and usage. An example of this is the use of the passive voice in signs and notices in English: Parking Prohibited, No Credit Allowed.

In another language these might be rendered differently: Do Not Park Here, We Give No Credit.

We all have mother tongue or first language. That shapes our way of thinking and to some extent our use of the foreign language. Translation helps us to understand better the influence of the one language on the other and to correct the errors of habit that creep on unnoticed such as the misuse of particular words or structures. And, because translation involves contrast, it enables us to explore the potential of both languages, their strengths and weaknesses.

Language competence is two-way, not a one-way system. We need to be able to communicate both ways into and from the foreign language. Learning materials and the teacher themselves place great emphasis on competence in the foreign language. Somehow it is understandable. Yet little guidance is given on how to communicate back into the mother tongue, as many professionals need to do in their daily work almost all over the world. Translation is ideally suited for practicing this vital skill.

The proper material of translation is authentic language but not 'made up' one. And all language is relevant to translation – all styles and registers of both speech and writing. Translation need not be confined to literature.

Because the material is authentic and wide-ranging in scope, the learner is being brought into touch with the whole language and not just those parts isolated

by the textbook. One of the main aims in teaching foreign language and which is found in almost all course descriptions is to increase the students' power and range of expression. Translation certainly does this.

And the last but not the least reason why we are to bring back translation into the classroom while teaching English in technical universities is the following. Professionals in different spheres of science and technology are trained in the technical universities, while professionals-translators and interpreters are mostly trained in linguistic universities. Nowadays many graduates from technical universities having good command of foreign language, were trained not only as professionals in their majors, but as translators for professional communication.

In our presentation we tried to emphasize the reasons for using translation in the classroom, putting aside a problem of how to teach this activity in the classroom. It's the problem to be discussed specially.

Bibliography

1. Alan Duff 'Translation'. Oxford University Press, 1996
2. Douglas Robinson 'Becoming a Translator'. London and New York, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СТРУКТУРНО-СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОМНЫЙ АСПЕКТЫ	175
<i>Лебедева Н.Б.</i> Принципы «новой семасиологии» и ситуативно-событийно- пропозициональный способ описания глагольной семантики	175
<i>Першина Н.А.</i> К греческому КНР «судьба, рок, удел»	178
<i>Новицкая И.В.</i> Структурный и семантический анализ абстрактных существительных п-основ в готском языке	181
<i>Филимонов М.В.</i> Очерки морфологии праенисейского существительного: множественность, деминутивность	188
<i>Отмахова Ю.С.</i> Структурные типы вокалических фоновариантов слов в английском языке	190
<i>Кузнецов П.М.</i> Структурные особенности сложных прилагательных в васюганском диалекте хантыйского языка	193
<i>Захарова Л.А.</i> К лексико-семантической характеристике наименований улиц г. Томска в XIX веке	198
<i>Богословская З.М.</i> Отражение формального варьирования слова в среднеобских диалектных словарях разных жанров	200
<i>Райская Л.М.</i> О диалектном словаре нового типа	207
<i>Гришкевич О.В., Горлачева И.Б.</i> Особенности консонантизма немецкого «островного» говора Сибири	209
<i>Воробейчикова А.С., Киселева П.В.</i> Заметка о грамматических особенностях немецкого «островного» говора Сибири	211
<i>Сапранова И.Л.</i> К вопросу о немецких заимствованиях в английском языке в конце XX века	213
<i>Новикова Е.С.</i> Об одном принципе отбора терминов для работы с научно-техническим текстом	214
<i>Зникина Л.С.</i> Формализация текста и построение адекватной языковой модели	216
<i>Вяличева Т.В.</i> К вопросу о тематических группах идентифицирующего пласта субстантив-субстантивной синлексики как фрагменте языковой картины мира	218
<i>Тюрин Н.Н.</i> Начинательность каузативных и некаузативных немецких глаголов	222
<i>Хамутова Т.Н., Хажина Н.У.</i> Лингвистические особенности научной аннотации	226
<i>Цэдэв Х.</i> Об одном варианте словаря по специальности для студентов-иностранцев	230
V. ЯЗЫК И ДРУГИЕ СИСТЕМЫ: СОЗНАНИЕ, ПСИХИКА, СОЦИУМ, БЫТИЕ ...	233
<i>Богин Г.И.</i> Техника понимания и культура чтения	233
<i>Богданова Е.Л.</i> Психолингвистические аспекты анализа текста (к проблеме психолого-педагогической диагностики)	235
<i>Саргина О.В.</i> Инвектива как вербальная агрессия в социокультурном аспекте	244
<i>Тюрина Т.В.</i> К вопросу об особенностях вербального поведения мужчин и женщин (на материале лексико-семантической группы глаголов передвижения немецкого языка) ..	246

<i>Сыроватская Г.И.</i> Лексикографический аспект энциклопедического значения слова	250
<i>Татарников В.А.</i> Экология языка как гарантия роста высокого уровня благополучия государства	257
<i>Ефанова Л.Г.</i> Истина как норма	261
<i>Темникова И.Г.</i> История развития категории собирательности как отражение некоторых процессов в развитии человеческого мышления (на материале английского языка)	264
<i>Галкина И.А.</i> Сочетание различных средств выражения расстояния с цифровым обозначением	267
<i>Кудаманова О.В.</i> О некоторых экстралингвистических причинах демотивации слов английского языка	269
<i>Бирюкова Е.В.</i> Семантико-прагматические аспекты зооморфизмов в русском и английском языках	271
<i>Карелин В.Г.</i> Символизм согласной буквы «С» в кратких названиях рек	279
<i>Богословская З.М., Филипенко С.А., Щербаков А.Б.</i> Направления лексикографической параметризации немецкого «островного» говора Сибири	283
VI. ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ: ЯЗЫК, ОБРАЗЫ, КАТЕГОРИИ	286
<i>Лушникова Г.И.</i> Литературная пародия в социокультурном контексте	286
<i>Хамутова Т.Н.</i> Лингвистика жанра: анализ вариативности	289
<i>Гзоян Л.А.</i> Текстологические особенности киносценария	295
<i>Шаталова О.Л.</i> Типология зоонимов в английской прозе в плане отражения языковой картины мира	301
<i>Ратников К.В.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПРОГРАММА ЛЮБОМУДРИЯ: Стилиевой аспект стихотворений С.П. Шевырева и А.С. Хомякова	305
<i>Никиенко И.В.</i> Адъективный синлекс и оценочный аспект высказывания (на материале книги мемуаров А.Н. Бенуа «Мои воспоминания»)	307
<i>Солодова М.А.</i> Рок-тексты: опыт лингвистического анализа	311
<i>Антоненко Т.А.</i> American humor	313
<i>Шагурова И.А., Аветисова К.А.</i> Translation is a Valid Activity in EFL Learning	319

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник научных статей XV Международной
научно-методической конференции**

Разделы IV–VI

**Издание подготовлено по материалам, предоставленным
редакционной коллегией сборника.**

**Стиль изложения, обозначения и иллюстрации сохранены
в авторском исполнении.**

**Редактор и корректор разд. IV–VI
Л.Т. Леушина**

**Оригинал-макет В.К. Савицкого
Макет обложки В.Г. Караваев**

Лицензия ИД № 00208 от 20.12.99 г.

Подписано к печати 15. 12.2001 г. Формат 64х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times. Ризография.

Печ. л. 9,38. Усл. печ. л. 8,72. Тираж 250 экз. Заказ № 208

**Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
участок оперативной ризографии**

**Редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД № 00455 от 15.11.99 г.**

Sprache und Kultur

Langue et culture

Language and culture